23-1-14

Журнал **«Родина»**

В первом полугодии 1995 года — это **6** номеров увлекательного чтения с иллюстрациями о нашем историческом прошлом.
Один из них — специальный тематический выпуск, посвященный **Крымской войне (1853—1856)**, объемом в 196 страниц.
Стоимость подписки за **полугодие** — **6000 рублей** (без стоимости доставки).
Индекс в каталоге «Роспечати» —**73325**.

ФОТО ВИКТОРА ГРИШЮКА

Журнал **«Источник»**

В первом полугодии 1995 года — это **3** номера, насыщенных архивными разысканиями и документами русской истории.
Стоимость подписки за **полугодие** — **4500 рублей** (без стоимости доставки).
Индекс в каталоге «Роспечати» — **73187**.

103009, ул. Воздвиженка, д. 4/7
202-17-45; 202-15-93; 202-62-65
Факс: **(095) 202-96-04**

Индекс: 73325

РОДИНА

10–1994

ISSN 0235—7089

ФОТО ГРИГОРИЯ ТАМБУЛОВА

ПОТЕРЯЕВЦЫ-НЕРАСТЕРЯЕВЦЫ

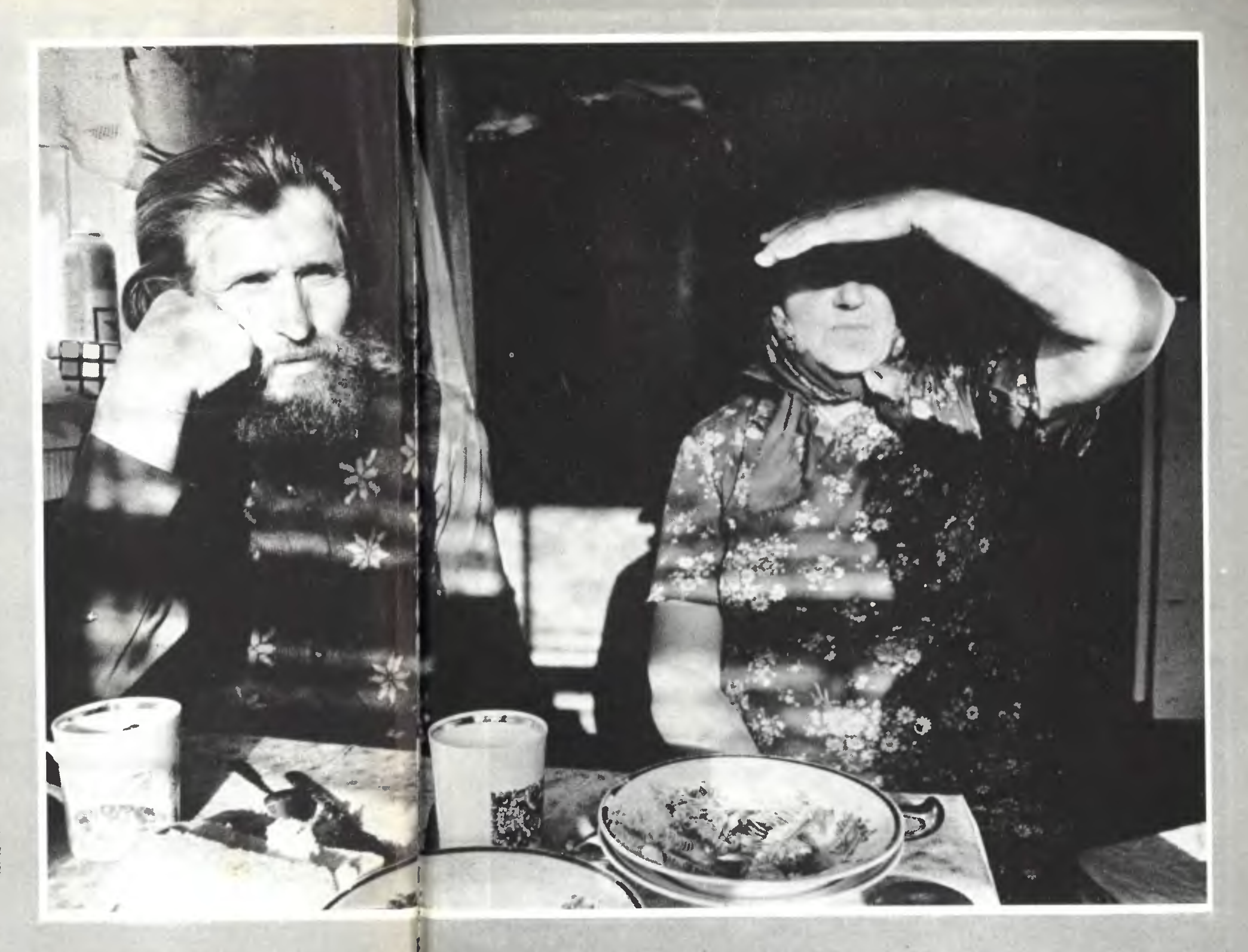
ФОТОГРАФИИ ВЛАДИМИРА СЕМИНА

Деревенька Потеряевка не случайно получила свое название. Основанная в глухих местах Кулундинской степи в предгорьях Алтая, она стала местом потаенным, сокровенным на пути продвижения старообрядцев к искомому Беловодью. Когда это было? Может, во второй половине семнадцатого века, а может, позднее... Но только проходили века, а кержацкая деревня жила своей основательной и неповторимой жизнью — до 1974 года. Пока не объявили ее неперспективной. После чего она разъехалась, растворилась, стерлась с лица земли.

Но люди ее остались. Они жили уже в больших и малых городах. А память о Потеряевке сохранили. Несколько лет назад, как пчелы к разоренному улью, стали собираться в родных местах — на отдых. Как правило, летом, во время отпусков. Купались в хрустальной местной реке, ловили рыбу, брали в лесах грибы и ягоды... Так и шло время-безвременье, пока два брата Лапкиных — Игнатий и Аким не предложили восстановить деревеньку. Потеряевцам идея пришлась по душе. Аким, он же священник, батюшка Иоаким, благословил на доброе дело. И работа пошла...

Сейчас на месте бывшей Потеряевки поднялось уже несколько домов. Зародилась постоянная жизнь. Оборудована церковь, правда пока еще в походной военной палатке. И с Божьей помощью дело движется.

Так потеряевцы становятся нерастеряевцами.

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 10—1994

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Родословная

Путь

Международный фонд «Культурная инициатива» осуществил благотворительную подписку на журнал «Родина» на 1994 г. для пяти тысяч библиотек России, других стран СНГ и Балтии.

Наследие

Дом

CONTENTS

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
АННА АХМАТОВА

Провинция и столица — пространственно-понятийные взаимоотношения этих категорий на редкость запутаны и невнятны. Истолковывая провинцию как некую удаленную от верховно-политического центра территорию, русские словари с поспешностью наделяют ее унизительными синонимами: «захолустье», «дыра», а в советском варианте — «периферия», словно центральная государственная власть — единственная значимая сила, отсутствие которой дает право говорить о второсортности того или иного «заштата».

С позиций социально-географических русская деревня столь же провинциальна по отношению к губернскому городу, сколь любой город N «провинциален» Москве, а Россия (исключая, конечно, «сатанинский» Петербург) — Европе. Между тем именно в деревенской среде сложились фольклорно-мифологические универсалии русского сознания, ставшие творческой основой национального искусства — от старообрядческого лубка до авангарда, цитирующего сюжеты житий и городских вывесок. Ремизов, Бунин, Ходасевич и недавние их последователи переживали парадоксальную ситуацию: расставаясь с «уездной», насквозь провинциальной Россией, они все же покидали столицу русской литературы и, включаясь в контекст литературы мировой, становились в Европе... провинциалами.

Если продолжать следовать логике точного, но безусловно ограниченного территориального подхода к обозначению провинции-столицы, то добровольными или полудобровольными провинциалами стоит считать и Циолковского, и Волошина, и Лотмана, а вынужденными — знаменитых отечественных ссыльных — от Аввакума до Варлама Шаламова. Впрочем, так ведь оно и было. В известном смысле «провинциально» всякое уединение: и в тюремной камере, и в эмиграции, и в московских переулках, напоминающих миниатюрные улицы старых среднерусских городов.

«Смириться» же с периферийным статусом тех или иных личностей, идей и мест мешает, как мне кажется, удивительная закрепощенность слова «провинция», «освободить» которое от негативной оценки может, отчасти, погружение в дореволюционную историю российской повседневности. Ведь как бы мы ни избегали древнего соблазна идеализировать прошлое, а все равно испытываешь зависть к тем временам, когда самый что ни на есть провинциальный путеводитель предупредительно сообщал, к примеру, о том, что прием телеграмм на телефонной станции производится «и на французском языке». Любое краеведческое описание того или иного города начиналось со строгой меридианной его фиксации по отношению ко всему миру. И в этом осознании уникальности отведенного богом ли, историей ли места угадывается и достоинство, и самодостаточность провинции, и отсутствие трагической ее зависимости от столицы.

ИРИНА МАЗИЛКИНА,
редактор отдела истории культуры

Родословная

ФОТО АЛЕКСАНДРА УТРОБИНА

Что удерживает страну от распада?
Народ и государство
Возраст патриотизма

ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ

У РОССИИ СКЕЛЕТ СНАРУЖИ — ДЕРЖАВА

Включаюсь в заочный спор о России, народе и его судьбах... Предложены тексты русских историков XIX и начала XX века. Поразительно прекрасная подборка — так современно звучащие очерки о русской природе, психике народа, интеллигенции...

Но важный пропуск: берется или дремучий низ — лес, болото, зима, где бьется, цивилизуя полянку, русский мужик, не имея сил и времени для умственного развития (А. Щапов), — или порхающий мотылек интеллигенции, которая уже свободна от природы, зимы и добывания хлеба в поте лица и лишь мировыми умственностями живет, полагая, что почва и этнос — это миф, от отсталости (П. Милюков).

Тут зияние: с одной стороны — простой русский мужик, обремененный борьбой с природой за выживание, не имел времени думать о целом и общем, и в нем лишь отрывочные понятия, а скорее интуиция доброй и терпеливой души, смиренной и с малыми потребностями; довольство малым — благородное. А с другой — чистый интеллект: интеллигенция, что лишь думает, и то о самом ВСЕобщем: там Всеединое, Софийность (В. Соловьев), как организовать мир вообще (теократия, коммунизм), и не думает о среднем звене и особенном (что между единичным — человеком-мужиком и общим — всемирьем), а именно: об устроении своего Общества и Государства — меж Космосом России и Народом. Да, в этом историческая вина русской интеллигенции: не снабдила Россию самопознанием, не проделала Сократову работу «познай самого себя», не успела...

В этих выкладках наших историков отсутствует Хозяин, главный персонаж российской жизни и истории — Держава, Государство. Вот кто строитель особенного Целого тут, тогда как в горизонте человека из народа — частное обеспечение и уразумение, а в умах интеллигенции — абстрактно-всеобщее: социализм-коммунизм, а теперь — права человека, демократия, рынок...

Именно в силу особенностей русского Космоса — огромное пространство, «бесконечный простор» (Гоголь) и малое, редкое по нему население, — покрыть Россию, соединить в Целое можно было не естественным путем размножения и расселения энергичных и жадных на работу и выгоду индивидов (как осваивалась Северная Америка), а сверху, волей и усилием Власти, которая тут — главный хозяин, и строитель, и предприниматель всех затей и идей, и всех связует: пролагает пути-дороги, почтовые, железные, авиа, электрическую сеть и теле...

И такое мне видение: как есть животные, у которых туловище облегает костяк-скелет, выросший изнутри, так есть и с наружным скелетом, у кого скрепа наложена извне, и тем крепится организм и все существо, а внутри — аморфность и жижа, грязь, слизь и хаос. Таким «панцирным» космоисторическим телом мне представляется Россия. Ее скелет — снаружи и состоит из Государства и его разветвленного аппарата, системы, из его воли и трудов по организации, космизации аморфности, внутреннего хаоса разрозненных иначе частей.

(С точки зрения биологии, понимаю, аналогия зыбкая, ибо существа с наружным скелетом — насекомые, крабы и раки, малые, а тут эвона какого мамонта — Север Евразии — наружным скелетом обнять! Да и эти организмы внутри — не жижа и аморфность, а четко расчленены... И тем не менее, как образ, вспомоществование мысли, сравнение это работать может).

Если бы естественным путем тянулось развитие, то сотни тысяч лет пошло бы на образование из Севера Евразии некоего космоисторического существа. А времени этого не было — из-за набегов соседей. Государство Российское и военные, и хозяйственные функции осуществляет. Так что та «командно-административная система», над которой иронизируют интеллигенты-демократы, — это костяк страны, трудовой служилый люд. И кстати — это именно искомое СРЕДНЕЕ СОСЛОВИЕ, средний класс. Партия из 18 миллионов членов, пронизывавшая все поры страны и хозяйства, работала как нервно-кровеносная система воли и снабжения, мысли и плана; это и обеспечивало жизни единство и функционирование целого, иначе имеющего тенденцию к расползанию, и парализовало склонность к лени, пьяни и воровству человека, люмпенизированного в XX веке.

Когда эту скрепу — и партию, и Советы, и госплан и прочее — уничтожили демократы в радости и ликовании, то, как идиоты-самоубийцы, торжествовали: в веселии рубили сук, на коем над пропастью все мы висим.

И вот пошел обвал. Теперь, с опытом математического доказательства «от противного» (целый век на это ушел, и этого опыта не имели ни историки XIX века, ни даже мыслители славного русского религиозно-философского ренессанса), можно задним числом и умом пососображать и помахать кулаками — после драки...

Недаром слово «Держава» для государства, для Целого предложил Русский Логос: тут удерж от распада, удерж и животным страстям звериного человека-вора. Аскеза нужна и человеку, и этносу, который иначе — стая, стадо и свора озверелых...

«Само-державие» — быть государем самого себя. Это — идеал «самосделанного человека» (self-made man) на Западе; а у нас мечта русской бабы — «самостоятельный мужчина» (а не пьянь в лежку).

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Вспоминается еще и индийское понятие ДХАРМА — «путь», «смысл», «закон». Это нравственно-религиозное понятие — от dhar: «держать» тоже. И вот русская Держава=Дхарма: принцип России как Целого соблюдает. А наши интеллигенты (даже почвенник и вроде государственник Кожинов) — все про русскую Благодать: мол, нам не надо закона, мы выше иудейской ветхозаветности. Но не случайно и христианство тут державное: Церковь, Православие, Синод...

Размышляя теперь, в конце XX века, над судьбами России, надо осмыслить и опыт СССР, советской системы, и какие от нее произошли преобразования в стране, в человеке и понятиях.

Советская цивилизация, конечно, — акт нового синтеза, что на территории и в космосе Севера Евразии разными шагами-актами осуществляется. Синтез Киевской Руси и христианства-православия. Затем синтез Московской Руси и «Третьего Рима». Далее петровский синтез Империи с Европейством в варианте Германства: индустрия, дисциплина, вертикаль бюрократии, табель о рангах = готический собор-кирха. Потом советский синтез: социализм-марксизм = иудейский хилиазм-полное царство Божие коммунизма на земле. Отрыв от земель и почвы (иудейское пренебрежение к «ам-хаарецу» = «человеку земли» — мужику-крестьянину у нас) и перетасовки-переселения: массы на стройки, на Восток, в города. Разрушена тяга земли («идиотизм деревенской жизни» — Маркс), когда человек — как растение-дерево на одном месте прорастал и землю возделывал. Но все — бесхоренны, шатучи, работники-люмпены, ничего не имеющие, а лишь от Государства все получающие, а не от вертикали своего труда на земле или от предприятия-завода-заведения-учреждения, что я сам учредил.

Отсюда перекос: панцирь Державы перекачал в себя и соки тела, обезжизнил, оскелетил ткани — и вот застой, стагнация, оцепенение. Однако Власть начинала слабеть в брежневский период, жизнь же брала свое («коррупция» — гниение — органический процесс), и начали

оживать внутренние ткани под панцирем, и медленно, но верно произошел бы синтез — уже из Жизни живой, что приспособила бы к себе костяк наружный и стала бы перекачивать его клетки на образование костяка-скелета внутреннего, что есть Гражданское Общество, земство, правозаконие, суд... Теперь же, когда ломают панцирь, имеем мешанину из костей, хрящей и жижи и грязи — вот тело страны ныне.

Расчет нынешних властителей, идеологов реформы: после развала, временного и короткого, человек-индивид разберет достояние страны и станет предпринимать-трудиться — на себя и тем самым на богатство Целого. По законам западной, американской, «нормальной» и «цивилизованной» экономики и стиля жизни, так и быть должно.

Но каков человек, индивид, воспитанный историей России и потом веком советской цивилизации? Он перестал быть дремучим мужиком, что вырубает леса под пашню и знает только свой «починок», где уж он хозяин. Нет, все сорваны с мест, и у всех кругозор широкий и общий, как ранее у интеллигентов. Всеобщее образование, цивилизаторская работа Советского государства, с идеологией города и индустрии как ценностей высших, чем земля и крестьянский труд на природе, превратили всех — в работников (а не хозяев), служилых у Державы. Все наемные и безответственные, кому дают за труд, к труду принуждая. Когда же сила принуждения у Державы слабеет, этот же такого типа человек начинает брать там, где ему давали, но — не трудится. Все становятся ворами. ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ВОР (у нас ныне). Это следствие сплошной пролетаризации человека в годы советские, когда установка психики: все — общее, державное, но ничье. И раз плохо лежать стало общенародное достояние, — бери, ребята, «грабь награбленное»!

Теперь делают такую выкладку: ну, несколько лет пройдет, перейдет все в частные руки — и заработают, некуда деться, но уж не из-под палки Державы, а на себя.

Это — иллюзия. Тип саморaботника на Западе складывался веками этикой труда («протестантская этика и дух капитализма» — трактат Макса Вебера), тип единоличника и хозяина. У нас даже во времена допетровские, доцарские даже, когда земли — бери, сколько сам сможешь возделать, — сложилась ОБЩИНА, «мир», сход, село. Ибо трудны условия в космосе русском, и в одиночку не осилить, но — миром, его бытом и нахрапом. Труд артелью и в отхожих промыслах спорился, а одному — не потянуть, да и скучно. «На миру» же не только «смерть красна», но и работа весела.

Две причины препятствуют ныне спонтанному возникновению фермерства и предпринимательства, заводу труда и дела от себя: психология безответственного люмпен-пролетария (это и у рабочего, и у интеллигента), что выработана веком советской системы, — и то, что сообща привыкли жить и работать. У нас так: если есть общее дело и общинное взаимодержание и удерж, то человек не ворует, а нравственен.

Сейчас же — ни удержа Державы, ни удержа общины, рода, семьи даже. Так что эпоха тотального мародерства и разврата — вот наша «переходная» — непонятно, к чему... Возможно несколько сценариев для человека нашего типа. Первый и главный вектор — воровать, схватить из плохо лежащего общего-ничейного, что успеешь. Одновременно — воровать друг у друга, убивать (бандитизм, рэкет). Мафия — как единственный вид организации и порядка: там хоть есть свой закон и этика...

Так что самочинно удерж может лишь так установиться: как держава Всемафии. Но это тоже иллюзия, ибо и тут естествен плюрализм и война всех против всех: конкуренция... нужно это нам? Какая ценность из этого? И чего ради? Не жизнь, а ужас. И полный отход от абсолютных ценностей бытия, каковые: Любовь, Труд, Свобода, Природа, Культура, Здоровье...

Что же делать и какой выход? Какие есть здоровые силы, энергии и идеи?

Конечно, народ, что живет на своих местах, при работах и семьях: он же не снимется уезжать из страны, как самые юркие воры и интеллигенты, кому «где хорошо — там и родина». Значит, русский народ останется на этом же неуютном месте Севера Евразии. И сюда другие не полезут: неуютно... — разве что в качестве приобретателей земель, богатства недр. Но — не жить и работать здесь. Работникам тут жить-быть — все равно русским и бывшим советским. Так что — самоорганизация с мест, из провинции: там ближе, и общиннее, и самоуправнее.

Центр же, остаток Державы, — безвластен все более перед лицом массы могучих мафий и дразнит их своим раздором, слабой армией и милицией, азартом разграбления и конкуренцией групп политических и банковских, с ориентировкой на Запад, на Америку. Центр сейчас враждебен Целому России — так же, как он был ее строителем. Только дезориентирует, будто что может, когда по старой традиции к нему обращаются за порядком и средствами.

В итоге борьбы или победит национал-государственная идея и некий синтез, присущий России, произойдет. Или России не будет, а будет — территория и рабочая сила, куда западный и восточный капитал ринутся колонизовывать и образовывать под себя.

Ну, а что русский человек, народ? Неприхотливость, терпение — остались. Но мало. Образованность нервирует, уже нет дремучести и флегмы. Все нервны, все заводные, как подростки. Вцепятся — колошматить, а не строить. Кстати, пример — сверху: наш президент по типу человеческому — просто драчун, главное удовольствие — врезать! Врезал Горбачеву и, чтобы его свалить, развалил Союз. Потом по Верховному Совету стрелял — «победил»!..

А главное: население беззащитно перед анархическими вооруженными группами, на которые может распасться армия — на махновские отряды, что будут ездить, разграблять страну и насиловать...

Конечно, наиболее разумное бы — союз национально-государственных сил из Центра и регионов против грабителей извне и изнутри. Основа — остатки «административно-командной системы» и ее люди. С государственным умом. «Аппаратчики», опытные кадры, что знают народ, ибо сами из него, а не консультанты западные и американцы.

Склеивать панцирь — и из центра, и с мест, ибо регионы и люди на местах заинтересованы в сильной Державе и в порядке — просто для жизни, семьи, образования и культуры, хотя и при бедности: лишь бы не умирать с голоду. Лучше по карточкам «пайку» законно и надежно получать, нежели быть объектом любого бандита. Лучше государственный терроризм, чем террор каждого против каждого, частный.

НИКОЛАЙ ЦИМБАЕВ

СЛАГАЕМЫЕ РУССКОЙ НАЦИИ

ФОТОГРАФИИ СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Современные размышления о русском народе всегда печальны. Политические, экономические и социально-психологические истоки этой печали, как и ближайшие поводы к ней, различны, но есть и некая основа, нечто общее, что объединяет самых разных авторов. Это — память о давнем и недавнем прошлом русского народа, о его великой исторической судьбе. Именно сравнение с прошлым и определяет недовольство настоящим.

Есть ли объективные причины для недовольства? Да, разумеется. Крушение советской государственности, политическая нестабильность и локальные военные конфликты на границах нынешней России, тяжелое экономическое положение значительной части русских, социальная несправедливость, деградация культуры и утеря моральных ориентиров — все это грустные реалии современности. В независимых государствах, созданных из бывших советских республик, русские превратились в меньшинство, положение которого часто близко к трагическому. Добавив к этому тревожные экологические и демографические факты, можно прийти к самым катастрофическим выводам, к страшному слову «вырождение». Или, демонстрируя устойчивые навыки социального оптимизма, говорить о «начале пути к возрождению».

Оба подхода, надо признать, достаточно распространены, их появление неизбежно и объяснимо. Много-

численные вариации на тему «вырождения» и «возрождения» часто остраполемичны, порой блистательны и неизменно политизированы. Их общий недостаток — желание говорить от имени русского народа, стремление к упрощениям.

Где истина? Что происходит с русским народом в конце двадцатого века?

Важнейшим событием современной истории русского народа стало завершение урбанизации жизни. Начавшийся во второй половине девятнадцатого века, неостановимый и неотвратимый процесс внес глубочайшие изменения в уклад повседневной жизни, в ми-

ровосприятие и мироощущение русских. Именно урбанизация, шедшая на протяжении жизни двух-трех поколений, есть тот рубеж, что разделил старую и новую Россию. Не мировые войны, не великие социальные потрясения и вызванные ими трагедии миллионов людей, но объективно неизбежный общемировой переток населения из деревни в город — вот стержень русской истории двадцатого века.

«Новые русские» — не большевики, чей исторический оптимизм когда-то казался непобедимым, и не современные представители запоздалого и обреченного на конечную неудачу грюндерства. «Новые русские» — это горожане. То представление о России и русских, что приходит к нам с классической русской литературой, с размышлениями историков и публицистов девятнадцатого века, с ностальгическими страницами современной «деревенской» прозы, в основе своей покоится на многовековом, освещенном традицией и памятью многих поколений строе старой русской жизни. Это был строй земледельческой, христианской, крестьянской страны. Долгие века выработали идеалы народа-землепашца, народа, призванного к освоению бескрайних евразийских просторов во имя великой христианской цивилизации.

И во время Ивана III, и при Александре II русские — это созидатели, строители великого государства, которое оказывало глубокое цивилизующее влияние на жизнь народов Восточной Европы, Кавказа и Закавказья, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. На протяжении веков Россия — великая деревня. Русские — хранители и оплот патриархальных ценностей, описание которых вдохновляло Достоевского и Льва Толстого. Смирение, незлобивость, отзывчивость к чужой беде, душевная открытость, мягкость, почти слабость характера — примечательные черты традиционного облика русских. Историчны ли они? Вполне ли они совпадают с суровым обиходом великих тружеников, землепроходцев, с Днепра и Волги дошедших до берегов Тихого океана? Ответ, как кажется, ясен. Величие русских — не в покорности, не в умении покоряться обстоятельствам, но в стремлении подчинить себе, говоря словами историка Соловьева, «природу-мачеху» и те исторические обстоятельства, коих счастливо избежали народы Западной Европы.

К середине девятнадцатого века Россия и русские занимали достойное место среди христианских государств и народов. 1861 год — год завершения истории старой России. Паровые машины, железные дороги, телеграф и электричество, а главное — рост городов и утверждение городской культуры начали историю новой России. России индустриальной, урбанизированной, современной. Коренным образом меняется мировосприятие русских, в общественном и индивидуальном сознании происходят поистине катастрофические сдвиги. Ощущение «конца времен» — неотъемлемая принадлежность эпохи Ленина и Леонида Андреева, футуристов и имажинистов.

В данном контексте бессмыслен спор о том, были ли неизбежны революционные потрясения 1917 года. Очевидно, что при любых поворотах истории Россия не могла избежать урбанизации. Не могла, не потеряв своего статуса великой державы. Именно великодержавие было лейтмотивом русской истории, во имя великой государственной идеи русские безропотно сносили самодержавный произвол Петра Великого и преступную диктатуру Сталина, мирились с невысоким уровнем жизни и отсутствием элементарных правовых гарантий.

До недавнего времени движение России к индустриальному и постиндустриальному обществу не противоречило традициям великодержавия, которое получило новый импульс, соединившись с идеей социальной справедливости, с идеей социализма. Но урбанистический мир шире и многомернее «великой России», он универсален, и его законы определяют собой современную жизнь Европы, Азии или Америки куда больше, чем местные исторические предания.

Горожанин — подлинный гражданин мира, для которого мировой экономический порядок, стандартизированные права человека и нормальное функционирование городского хозяйства более важны, чем глубоко индивидуализированные народные традиции. Староарбатская интеллигенция начала века, воспитанная на Михайловском, готовая к усвоению Ницше и Скрябина, и счастливые новоселы шестидесятых годов, прильнувшие к телевизорам, — все они одинаково равнодушны к заветам великого прошлого. Явление это,

впрочем, типично, характерно для всех индустриальных государств (достаточно вспомнить состояние американского общества в годы вьетнамской войны или глубокий шок, пережитый французами и в меньшей степени англичанами, когда распадались их империи).

Крушение социализма в Восточной Европе и обвальный распад СССР создали для русских принципиально новую ситуацию. Впервые за несколько столетий русский народ лишился государственной целостности, Россия утратила статус первостепенной великой державы, а в новых государствах, возникших из бывших советских республик, русские стали национальным

меньшинством, подчас грубо дискриминируемым. Неожиданность? Да, для нас, современников. Хотя история XX века вообще есть прощание с великими империями, и Российской империи не суждено было стать исключением. Трагедия? Для такого суждения нет серьезных оснований.

Государственно-политическое единство народа не является необходимым условием экономического процветания, еще менее оно потребно для развития культуры и общественной самодеятельности. Парадоксально, но сейчас сбывается давняя славянофильская мечта об освобождении внутренних сил русского *народа* от сковывающей *государственной* опеки. Необходимость ограждать права русского меньшинства в новообразованных государствах объективно ведет к консолидации русских, к воссозданию в новых исторических условиях великих традиций прошлого, утраченных в процессе урбанизации.

Важно осознать, что с декабря 1991 года история русского народа разошлась с историей российской государственности. Современная Россия — многонациональное государство, которое никоим образом нельзя понимать как государство русского народа. Смысл и назначение этого государства — равным образом обеспечить права всех своих граждан. Можно найти немало свидетельств того, как представители российской государственности неумело и неохотно отстаивают интересы русских, живущих вне пределов России. Но, строго говоря, это не является их прямой задачей.

Современная задача русского народа заключается не в расширении сферы компетенции российских властей, а в сознании своего единства, которое создавалось веками и которое не может быть разрушено ни произвольно проведенными границами, ни амбициями политиков.

Единство языка, единство культуры, единство исторической памяти — слагаемые русской нации конца двадцатого века. Общественная инициатива и разумная политическая воля — необходимые условия приближения будущего, где русский народ, отвергнув слабую государственность, станет подлинно свободным и единым.

МИХАИЛ КРОМ,
кандидат исторических наук

СКОЛЬКО ЛЕТ ПАТРИОТИЗМУ?

Как-то незаметно в нашем сознании утвердилась мысль, что патриотизм был присущ россиянам всегда. Памятник Минину и Пожарскому на обложке известного журнала, силуэт древнерусского воина, совсем недавно служивший заставкой к передачам А. Невзорова, словно призывают: учитесь любви к родине у наших героических предков. С политиками и журналистами это убеждение в исконности отечественного патриотизма разделяют маститые историки. «Достаточно беглого взгляда на наши источники... — полагал В. В. Мавродин, — для того чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма...» Ну, а если не ограничиваться «беглым взглядом», а присмотреться к памятникам прошлого повнимательнее: где искать истоки патриотизма? Каким было отношение к родной земле современников Владимира Мономаха или Дмитрия Донского и чем оно отличается от нашего?

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

Люди легко замечают перемены, происходящие вокруг них, — в технике, одежде, быту, государственном устройстве. Изменения же в самом человеке, его психологии куда менее заметны. Веками историки были убеждены в неизменности человеческой природы — так считали и во времена Геродота, и в эпоху Просвещения. Но в XX веке науки о человеке пришли к единодушному мнению — внутренний мир человека столь же историчен, изменчив, как и кодексы законов, архитектурные стили или модели одежды. Стало быть, человеческие чувства не защищены от неумолимого бега времени, а, значит, отношение к родине не могло сохранять неизменную форму на протяжении столетий.

Таков исходный пункт наших рассуждений. К сожалению, история патриотизма в России (если отбросить лозунги и риторические восклицания) у нас пока что не написана. Разумеется, эти заметки не смогут восполнить этот пробел, их цель — пробудить сомнение в устоявшихся представлениях.

Прежде чем искать истоки какого-либо явления, полезно выяснить сначала, что оно представляет собой сейчас. Итак, что мы знаем о патриотизме в его современном понимании? Увы, и энциклопедии, и специальные научные труды мало проясняют смысл этого понятия. Так, из статей в Большой Советской Энциклопедии и Философском энциклопедическом словаре (совпадающих в данном случае почти дословно!) можно узнать только, что «патриотизм — это любовь к родине, преданность ей», что это древнейшее чувство и т. п. Между тем приведенное определение по меньшей мере не точно, его расплывчатость и «универсальность» как раз и превращают определяемое понятие во внеисторическую категорию. Важно уже то, что сейчас это святое чувство имеет название, оно осознано и закреплено в определенном понятии. А ведь так было не всегда и не везде: чувство по отношению к родине может быть и неосознанным, «безымянным».

Другой отличительной особенностью современного патриотизма является его преимущественно политическая направленность, связь с идеей национальной государственности (на бытовом уровне это выражается в сентенциях вроде «за державу обидно»). Такое патриотическое сознание возможно только в едином государстве, где «большая родина» доминирует над «малой». Важен и национальный аспект: патриотизм является самосознанием той или иной этнической общности (народности, нации и т. п.) и вряд ли может существовать прежде, чем эта общность сформировалась.

Нельзя не упомянуть еще об одной отличительной черте современного патриотизма: он пронизан личностным началом, немыслим без личности — патриота, предполагает индивидуальный выбор — есть патриоты, но существуют и предатели, изменники. Наконец, патриотизму Нового времени присуща всесословность: он пронизывает все слои общества. Идею служения отчизне всех, от царя до последнего солдата, ярко выразил Петр Великий в знаменитой речи перед войском накануне Полтавского сражения: «А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое не дорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние».

Обрисовав (вполне схематично) характерные черты современного патриотизма, обратимся теперь к его истокам. Первый сюрприз преподносит этимологический словарь: оказывается, *слова «патриот», «патриотизм» заимствованы из французского языка в петровскую эпоху. Никакого эквивалента этому слову в древнерусских памятниках обнаружить не удается; словосочетание «любовь к родине», да и само слово «родина» древнерусскими авторами не употреблялись.*

Но ведь почти каждому известно, что во многих произведениях Древней Руси ясно слышатся патриотические мотивы: гордость за свою землю в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, восхищение ее красотой и величием в «Слове о погибели Русской земли», осуждение пагубных для нее княжеских раздоров в «Слове о полку Игореве». Но эти мотивы словно рассеяны, растворены в духовной атмосфере древнерусского общества, они не обобщены, не собраны в понятие. Древнерусская литература, имевшая, по словам Д. С. Лихачева, «учительный характер», воспитывала своих читателей, учила их любви к родине, но изъяснялась не на языке понятий, а на языке чувств, образов.

Соответственно, нет в древнерусском словаре и противоположного понятия, обозначающего измену родине. Вот эпизод из «Повести временных лет», относящийся к X веку: пока киевский князь Святослав воевал в далекой Болгарии, на его столицу напали печенеги; киевляне послали сказать князю: «Ты, князь, ищешь чужой земли..., а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги... Неужели не жаль тебе своей отчины?..» Этот обращенный к Святославу упрек нам понятен: мы сказали бы, что князь поступил «непатриотично», но у летописца поступок князя никакого названия не имеет. Миновало четыре с лишним столетия, и в «Сказании о Мамаевом побоище» (начало XV века) поступок рязанского князя Олега, наводившего татар на Русь, объясняется «скудостью ума» князя, но никакого обвинения его в предательстве, измене родной земле не содержится.

Если в Древней Руси, как нас уверяют, был развит патриотизм, то там должны быть и патриоты. Можно ли считать таковым, например, Владимира Мономаха? Слова, сказанные им в послании своему сопернику, князю Олегу Святославичу, кажется, дают для этого основание: «добра хочу братии и Русской земле». Благо Русской земли Мономах видел в согласии князей, княжеской «братии». Нельзя, однако, сказать, будто эта мысль принадлежит ему лично: она прозвучала, например, на княжеском съезде 1097 года в Любече («отселе имемся во едино сердце, и блюдем Рускые земли»); идея прекращения усобиц, от которых страдает русская земля, не сходит в это время со страниц летописи, она проходит красной нитью через такие литературные памятники XII века, как «Слово о князьях» и «Слово о полку Игореве». Эта мысль, повторяемая на разные лады снова и снова, представляла собой, по существу, общепринятую мораль древнерусского общества, всеми одобряемую и подтверждаемую, но на практике ежечасно нарушаемую. И Владимир Мономах не был здесь исключением: он сам много раз участвовал в усобицах, используя половцев в борьбе с соперниками (о чем он вспоминал в своем «Поучении

детям»). Впрочем, его славе это нисколько не повредило: общественное мнение, осуждавшее усобицы, относилось к ним сравнительно терпимо — ведь так поступали все князья, это было в порядке вещей. Зато несмываемым, страшным преступлением считался грех братоубийства — недаром олицетворением злодейства стало имя Святополка Окаянного. Очевидно, отношение к родной земле еще не заняло в тогдашней системе ценностей такого места, какое отводилось братским узам или иным отношениям родства.

Средневековье не знало индивидуальности в смысле противопоставления себя обществу, его идеалам и нравственным нормам. Существовал определенный психологический горизонт эпохи, за который никто из живших тогда людей выйти не мог. Поэтому Владимир Мономах, бесспорно превосходя многих своих современников государственной мудростью и воинским искусством, едва ли отличался от них своим мировосприятием, в том числе каким-то особым отношением к родной земле, и не был «патриотичнее» своих собратьев-князей.

Сказанное относится и к Александру Невскому, которому по традиции принадлежит одно из первых мест в ряду русских патриотов. Его слава полководца и крупного политического деятеля вполне заслуженна, а вот что касается «патриотизма»... Как-то не вяжется с привычным образом князя-защитника русской земли эпизод 1252 года, когда князь Александр добился посылки против своих непокорных братьев, Андрея и Ярослава, монгольского войска («Неврюевой рати»), опустошившего «попутно» Владимиро-Суздальскую Русь. Дело заключалось в том, что Андрей и Ярослав не желали «царям (т. е. ханам) служити», а Александр вел более реалистическую в тех условиях политику и был вполне лоялен по отношению к всесильной Орде, поэтому он и вышел победителем в конфликте с братьями.

Спору нет, Александр Ярославич был куда более искусным и дальновидным политиком, чем его братья. Недальновидными же были жители русских городов, не понимавшие исторической необходимости и сопротивлявшиеся проведению у них ненавистной монгольской переписи. Пришлось князю Александру в 1257— 1259 годах дважды с большой жестокостью подавлять волнения в Новгороде, прежде чем перепись все-таки была проведена. Эти события показывают Александра Ярославича как сильного правителя, твердо проводившего определенную политическую линию, но патриотическое чувство скорее можно найти у его братьев и горожан, «неразумно» не желавших подчиняться игу.

Итак, получается, что *ни к одному выдающемуся деятелю Древней Руси понятие «патриот» неприложимо.* По-видимому, бесперспективны все попытки искать в людях прошлого те качества, которые ценятся в наше время. Не правильнее ли оценивать того или иного деятеля по меркам той эпохи, в которой он жил? Попробуем выяснить, что в древнерусском обществе считалось добродетелью, какими качествами должен был обладать идеальный князь. Прекрасный материал на эту тему можно найти, в частности, в «Поучении детям» Владимира Мономаха.

Чему же учит Мономах своих детей? «Первое: Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем...», далее следуют наставления о молитвах и поклонах, о помощи убогим, защите сирот и вдов, любви к епископам, попам и игуменам. Не забывает князь Владимир сказать о нерушимом соблюдении клятв и договоров («крестоцелования»), почитании старших, гостеприимстве и приветливости к людям; особо предостерегает он против лени — матери всех пороков: князь должен обо всем заботиться сам — и дома, и в военном походе... Советы на все случаи жизни даны в «Поучении» Мономаха, но вот о чем там не сказано ни слова, так это о долге перед родной землей, о необходимости ее защищать.

Идеал князя-праведника с наибольшей силой выражен в «Житии Александра Невского» (конец XIII века). Материал для сравнений автор черпал из Библии: князь красив, как Иосиф, силен, как Самсон, мудр, подобно царю Соломону, и храбр, словно римский император Веспасиан. Но главная его добродетель — в вере великой: перед битвой Александр молится со слезами в новгородском Софийском соборе и идет на врагов «в мале дружине... но уповая на Святую Троицу»; в заслугу ему ставится милосердие, правосудие, гостеприимство, любовь к священникам, монахам и нищим, почтение к митрополитам и епископам. Все подвиги совершены были князем во имя Бога («пострада же Богови крепко»); о служении русской земле, о любви к родине в этом сочинении, ставшем образцом для последующих княжеских жизнеописаний, опять-таки не сказано ни слова, да и сама «русская земля» ни разу не упомянута. Для автора «Жития» князь Александр — «солнце земли Суздальской»: яркое проявление психологии времен удельной раздробленности!

Конечно, отмеченные особенности образа Александра Невского можно объяснить спецификой самого жанра жития, призванного доказать святость своего героя. Однако те же самые княжеские добродетели подчеркиваются и в произведениях иного рода, — например, воинских повестях. Так, в «Повести о разорении Рязани Батыем» (конец XIII века) дается «групповой портрет» рязанских князей: «были они... христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны... паче меры храбры ... к церквам прилежны... ратному делу велми искусны... Воспитаны были в благочестии... От самых пеленок Бога возлюбили». Почти в тех же словах характеризует летописец владимирского князя Юрия Всеволодовича, погибшего в 1238 году в битве с монголами на реке Сити, а неизвестный псковский автор XVI века — князя Довмонта, княжившего в 1266— 1299 годах во Пскове*. «Сей князь, — сказано о Довмонте, — не одной храбростью отмечен был от Бога, но отличался боголюбием... и украшал церкви, и любил священников... и милостыню давал и сиротам и вдовицам» и т. п.

Итак, непременными княжескими добродетелями считались боголюбие, милосердие и храбрость. Любовь к родине, патриотизм в нашем понимании в этот княжеский идеал не входили. Это, конечно, не означает, что люди Древней Руси были равнодушны к родной земле — вовсе нет! Просто средневековое мировоззрение было основано на иной системе ценностей, в центре которой находилась идея служения Богу, все же остальные человеческие отношения — к другим людям, к родине и т. п. — опосредовались этой высшей идеей. Естественно, идеалы древнерусского общества не могли оставаться неизменными на протяжении многих столетий. Уже в памятниках конца XIII века постоянно звучит мотив защиты князем своей отчины, однако он или вообще не включался в итоговую характеристику-похвалу князю (как в «Житии Александра Невского» или «Сказании о Довмонте»), или помещался в конце, на втором плане (как в похвале роду рязанских князей).

В литературе XIV—XV веков мотив защиты своей отчины заметно усиливается. Вот, например, обращение Довмонта к псковичам: «Братья мужи псковичи, потягнете за святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!» «Под «отечеством» здесь, конечно, понимается только Псков. В «Житии» тверского князя Михаила Ярославича, убитого в Орде в 1318 году, та же идея приобретает форму самопожертвования. Бояре и сыновья отговаривают князя Михаила от поездки по ханскому вызову в Орду, но он отвечает: «...если уклонюся, то отчина моя вся в полону будет, и множество христиан избиени будут... Лучше мне ныне положить душу свою за многие души». «И так, — говорит автор «Жития», — умыслил сотворити и положити душу за свое отечество...»

Хотя образ князя-мученика, готового умереть за свою отчину, и не стал образцом изображения идеального князя (таким каноном и в XIV—XV веках служило «Житие Александра Невского»), само его появление весьма симптоматично: значит, к тому времени уже проявился местный, провинциальный «патриотизм» — предтеча патриотизма общерусского. Механизм превращения первого во второй виден в «Житии» Дмитрия Донского (начало XV века): здесь также повторяется мотив защиты князем своей отчины, но только «отчиной» князя Дмитрия автор «Жития» называет всю русскую землю («заступаше свою отчину, Русскую землю, от поганых...»). Однако процесс формирования общерусского патриотизма занял несколько столетий, и в XIV—XV веках говорить о нем без всяких оговорок еще преждевременно.

Главным препятствием для формирования общерусского патриотического сознания служило отсутствие политического единства. С конца XI по XV век Русь пребывала в раздробленности. «Русская земля», столь часто упоминаемая в древнерусских памятниках, оставалась чисто идеальным понятием, обозначавшим не государство, а страну. Существовавший в реальной действительности полицентризм неизбежно приводил к преобладанию местных интересов — как в политической жизни, так и в общественном сознании. Забота о своем уделе прекрасно уживалась с набегами на владения соседей. В XI—XII веках князья наводили на земли соперников половцев, венгров, поляков, а со второй половины XIII века стали использовать в своих междоусобицах татар.

Другим препятствием было отсутствие национальной общности. Термин «древнерусская народность» применительно к Киевской Руси скорее представляет собой научную абстракцию, чем реально существовавшую общность: с этнической карты долго не исчезали разрозненные племена — так, в XII веке, уже после смерти Владимира Мономаха, все еще упоминаются племена кривичей, радимичей, вятичей и др. Окончательное же формирование великорусской народности, по мнению исследователей, произошло только в конце XV — начале XVI века. Еще В. О. Ключевский обратил внимание на то, что в Древней Руси не было понятия «русский народ» — заменявшее его слово «Русь» означало и страну, и ее население. С XIII века жители Руси называли себя, в противоположность «безбожным» татарам, христианами («хрестьяне», «крестьяне» — как говорили вплоть до XVI века, когда этот термин стал обозначать определенную социальную категорию — крестьян). Вероисповедный принцип был главным в средневековье и поглощал этническое, национальное начало. В этой связи показательна судьба упомянутого выше князя Довмонта: этот литовский князь, крестившись, переехал во Псков и отсюда стал совершать опустошительные набеги на Литву, свою родину. «Пленил землю Литовскую и отечество свое повоевал», — псковский автор XIV века написал эти слова без всякого осуждения: преданность родине как таковой, как мы уже могли убедиться, не была осмыслена тогда как самостоятельная ценность, и уже поэтому говорить о «патриотизме» применительно к той эпохе — значит, на мой взгляд, впадать в недопустимый анахронизм.

Наконец, следует учесть разницу в представлении о родине различных слоев населения, коренившуюся в самом их жизненном укладе. Сначала в Древней Руси князья «кочевали» (XI—XIII века) с одного княжения на другое, позднее, в XIV—XV веках, стали переходить с места на место их вассалы — бояре, слуги, более мелкие князья. Служа то одному государю (великому или удельному князю), то другому, они были привязаны к какой-то определенной земле, как к родной. На княжеской службе от бояр и слуг требовалась и верность, и храбрость, но нет никаких оснований приписывать им «патриотизм». Низы общества — «черные люди», «хрестьяне» — напротив, были крепко привязаны к городу, земле, где жили их отцы и деды. Интересы простого люда редко выходили за пределы ближайшей округи. И в XVII— XVIII веках крестьяне, как известно, не желали даже на время покидать обжитых мест, провожая Разина или Пугачева только до околицы. В эпоху же удельной раздробленности идея общерусского единства тем более имела мало шансов на успех среди основной массы населения.

Условия для формирования общерусского патриотического сознания возникли лишь с образованием единого Российского государства в конце XV века. В XVI веке исчезли последние следы удельной системы, и служилым людям уже не приходилось странствовать от одного княжеского двора к другому: теперь на Руси был один государь — великий князь, а с 1547 года царь «всея Руси», — и все население от холопов до бояр являлось его подданными. XVI век стал важнейшим этапом в становлении России как политической и национальной общности. Создание единого законодательства (Судебники 1497 и 1550 годов), унифика-

* О Довмонте см.: «Родина». 1991. № 4.

ция денежной системы, реформы центрального и местного управления, созыв в середине столетия первых Земских соборов — все это способствовало не только развитию российской государственности, но и выработке общенационального самосознания. Не случайно именно к XVI веку, судя по данным языка, особенностям одежды и жилища, относится завершение формирования русской народности.

Наконец, наблюдается усиление личностного начала. В XVI веке формируется новое понятие измены — антипода патриотизма. Если раньше этим словом обозначали всякое изменение и, в частности, нарушение договора, то теперь оно приобретает личностный оттенок — появляется понятие «измена государю». «Государевым изменником» называли, например, князя Андрея Курбского, бежавшего от Ивана Грозного в Литву. От «измены государю» до «измены отечеству» оставался один шаг — он был сделан в XVII веке.

Бурные события начала XVII века, получившие у современников выразительное название Смутного времени, открыли новый период в истории России. В горниле Смуты и родилось, как мне представляется, понятие патриотизма — в том смысле, который вкладывается в него сейчас.

Действительно, в словах и поступках русских людей, переживших Смутное время, можно найти соответствие практически всем отмеченным выше критериям патриотизма в его современном понимании. Прежде всего бросается в глаза, насколько глубоко идея российской государственности проникла в самосознание русского общества. Это видно уже из названий произведений начала XVII века: «Новая повесть о преславном Российском царстве», «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» и т. п. Не местные интересы, а забота о судьбе всей России, о спасении ее государственности вдохновляла и нижегородца Кузьму Минина, и рязанца Прокопия Ляпунова. «И на том, господа, — писал П. Ляпунов своим единомышленникам в Нижний Новгород, — мы, сослався с колуженскими, и с тульскими, и с михайловскими, и со всех сиверских и украиных городов со всякими людьми, давно крест целовали, что нам за Московское государство с ними и со всею землею стояти вместе, заодин...» Никогда прежде страна не видела столь широкого и массового национально-осободительного движения. Его наиболее яркими страницами стали героическая оборона Троице-Сергиева монастыря (1608— 1610) и Смоленска (1609—1611), восстание в Москве в марте 1611 года против польских оккупантов и их пособников, деятельность первого (1611) и второго (1612) земских ополчений. Эта борьба шла, как повелось исстари, прежде всего под лозунгом защиты веры, но наряду с ним звучали призывы к спасению отчизны. «Постоим... за православную веру, и за святыя божия церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже нам Господь дал...» — говорилось в воззвании, появившемся в Москве накануне мартовского восстания 1611 года.

Заботой о государстве Российском была проникнута деятельность земских ополчений. Первое из них, пытавшееся весной и летом 1611 года освободить Москву от засевших там интервентов, избрало свой руководящий орган — Совет всей земли. По существу, настоящим правительством стал действовавший весной и летом 1612 года в Ярославле земский совет, созданный вторым ополчением во многих городах страны. Здесь функционировали правительственные учреждения — приказы и даже чеканилась монета для выплаты жалованья ратным людям. Помимо главной цели — освобождения столицы, ярославский совет взял на себя подготовку избрания нового царя, ибо без государя «как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно»?

Освободительное движение носило всесословный характер — это тоже примета Нового времени. Участниками ополчений были бояре и дворяне, казаки, купцы, посадские и «черные» люди. На устах патриотов были имена боярина князя Михаила Скопина-Шуйского, патриарха Гермогена, дворянина П. Ляпунова, посадского человека Минина. Но представители самых разных сословий — от бояр до казаков и «черни» — были и в противоположном лагере. «Говядарь», то есть торговец скотом, Кузьма Минин явился одним из признанных вождей освободительного движения, а имя другого «торгового мужика», Федьки Андронова, стало символом предательства. Какую занять позицию, к какому лагерю примкнуть — зависело теперь прежде всего от личного выбора человека. В то время появилось множество агитационных сочинений — шла настоящая борьба за души людей. «Каким словом клятвенным верити? — спрашивалось в одной из грамот. — Что обещает вам все сладкое и лучшее Михайло Салтыков да Федор Андронов с своими советники? И по тому знаете ли, не предатели ли своей вере и земле?» Другое воззвание бичевало «онех изменников, всему нашему великому государству крестопреступников и веры отступников».

«Предатели своей вере и земле» — такое выражение не могло появиться в Древней Руси! Налицо глубокое изменение самосознания общества: отношение к родине стало рассматриваться как важнейшая характеристика личности. Еще в XVI веке говорилось только об измене государю, теперь — об измене родине и государству. И для предательства, и для преданности отчизне нашлись соответствующие слова: одно из воззваний заканчивается благословением «всем доброхотящим Российскому царству». Последнее выражение вполне можно считать синонимом слова «патриоты».

Гражданственность, всесословность, личностный выбор — все эти характерные для Нового времени черты были присущи уже самосознанию русского общества начала XVII века. Поэтому есть все основания относить к той эпохе время возникновения современного патриотизма. Конечно, в период Смуты мы застаем патриотизм еще, так сказать, в «младенческом возрасте». Национальное самосознание продолжало развиваться на протяжении XVII века, постепенно обмирщаясь; в результате патриотизм, в Смутное время еще плотно закутанный в религиозные одежды, в начале XVIII века приобрел преимущественно светское звучание. К тому же времени идея служения государю преобразилась окончательно в идею служения отечеству. Тогда же появился и обобщающий термин — «патриотизм». Таким образом, только при Петре Великом патриотизм достиг своего «совершеннолетия».

г. Санкт-Петербург

ФОТО СЕРГЕЯ ПОТАПОВА

Ирбитская школа рынка

Азартные игры и большевизм

Вхождение во власть Никиты Хрущева

СЕРГЕЙ СЕКИРИНСКИЙ

МИНИСТР НА ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛАД

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВТОПОРТРЕТ ПЕТРА ВАЛУЕВА

«Во всяком человеке есть доля живописца. Он может не писать на холсте, но он про себя рисует в воображении. Он рисует себе будущность, и рисует, рисует... пока ему не сложат на грудь онемелые руки и не покроют продольною крышкой рисовальщика и его рисунков».

«ЛОРИН», Ч. II

Июньским днем 1867 года на станции железной дороги в Царском Селе ожидали прибытия государя из Парижа, где меньше месяца назад в него стрелял очередной злоумышленник — к счастью, не метко.

«Его величество прибыл в 5 $^1/_2$ часов. Обычные впечатления», — записал Валуев вечером в своем дневнике, а затем дополнил эту, казалось бы, исчерпывающую формулу серией лапидарных предложений: «Похвальная и полезная бессознательность большинства. Стремление считать свое присутствие необходимым и предполагать, что отсутствие будет замечено. Прилипчивость порывов энтузиазма и настоящая, хотя не вполне прочная искренность. Различные оттенки мужского и женского честолюбия. Ожидание, наступление решительной минуты, вид медленно изгибающегося при въезде на станцию поезда. Различные группы знакомств, от механика на паровозе и служащих на станции до ген.-адъютантов в поезде и ген.-адъютантов на платформе. Щегольство остановления поезда на данной точке с подножкою царского вагона у данного ковра. Различие в общей осанке приезжающих и ожидающих, какое-то выражение превосходства в первых, напоминающее: «мы были, мы нахали». Ура! Пестрота толпы, смятение решительного момента, потом постепенное успокоение, редение массы, умолкание кликов, дальний гул чего-то, что продолжает происходить, но чего уже не видно, наконец, какое-то возвращение в себя всех и каждого после напряженного устремления во внешность, и рядом с этим обращением во внутрь, — весьма нередко и в весьма многих — нечто похожее на разочарование».

Министр, наверное, был вполне удовлетворен написанным. Глаз его меток. Перо не ослабло. Характеристика разительной смены настроений встречающих, удостоверенная цепко схваченными подробностями их душевного состояния, мастерства и выучки машиниста, взаимосвязи фигур на платформе и в поезде, родилась подобно ряду мгновенных снимков, следующих один за другим. По сути, это был законченный и емкий литературный набросок, своего рода конспект небольшого, но поучительного рассказа, обнаруживший в ритуальной по значению сцене «стояния» на платформе напряженную внутреннюю динамику и насмешливо-парадоксальный финал. Оживленная суета и шумливое толпление верноподданных вокруг императора оттенили холодную немоту пластической концовки. Состояние безмерного обожания и непринужденного восторга сошло с толпы, как сходит улыбка с лица, принимающего равнодушно-недоуменный вид.

Валуеву часто приходилось наблюдать подобные сцены, и почти каждый раз они вызывали у него двойственное ощущение искренности и непрочности всеобщего поклонения верховной власти. Когда едва ли не вся Россия в ответ на прицельную стрельбу в своего императора откликалась колоссальными по масштабам всплесками монархического воодушевления, сопровождаемого блистательными приемами их величеств в традиционно гостеприимной Москве и других городах и весях, Валуев чувствовал себя в затруднении. Как русский дворянин и чиновник, он радовался тому, что в личности государя «есть действительно нечто привлекательное и к нему привязывающее»; как тонкий политик и поклонник всего изящного, он ценил глубокий смысл и красоту обрядовой стороны царских выходов и других публичных церемоний императорского двора. Но как человек, наделенный талантом наблюдения жизни и, к тому же, очень близко стоявший к трону, он был далек от безоговорочного поклонения самодержцу и от ослепления самыми впечатляющими сценами массового воодушевления. «Энтузиазм уличный, а благодарения приносятся за ожидаемое не менее, чем за полученное. Ожиданиям есть предел, а улицы в государственной жизни мало», — хладнокровно заметил Петр Александрович по поводу одного из радушных московских приемов высочайших особ. Подобные сцены могут быть даже вредны, скажет он в другой раз. «Приобвыкают на них смотреть как на звонкую монету, а они только кредитные билеты». Уже в 1866 году, после первого (каракозовского) выстрела, Валуева наперекор общему настроению одолевали другие мысли. «В сущности у нас везде оптический обман, — писал он. — И сила, и единство, и верноподданнические преданность и покорность, все более кажется, чем есть. Теперь обнаруживается до какой степени огромная Россия сколочена, чем сплочена в одно целое».

Это была одна из заветных мыслей Валуева, отправная точка его рассуждений о русской истории, широких политических планов, а подчас и мгновенных художественных зарисовок.

Мастер отрывочной, дневниковой эссеистики (на большее не хватало времени), Валуев скорее всего и сам не знал, на что сгодится ему тот или иной набросок, родится ли из него самостоятельное произведение, предназначенное к распространению в публике, как было, например, с «Думой русского во второй половине 1855 года», составившей для тогдашнего курляндского губернатора известность всероссийского публициста, или войдет он в состав ближайшего всеподданнейшего доклада...

Дневник — любимое детище Валуева — впитывал в себя все: высказанное и утаенное, ожидаемое и неслучившееся, пережитое и неизбывное, любимое и постылое.

Ведение регулярных подневных записей для Валуева было прежде всего делом самооправдания перед историей и средством литературной компенсации ущербности его политического существования — существования в России как «министра на европейский лад».

Валуев-министр все же оказался заметно крупнее Валуева-литератора, но судить о масштабе первого можно с полной уверенностью только по наследию, оставленному вторым. В этой двойственности — печать разлада и залог возможного удвоения сил. Ведь впечатлительность художника обостряет и разнообразит чутье политика, а дар слова со времен классической древности — бесценный политический дар.

Широко применяя в отношении подведомственной ему печати административные меры, Валуев был едва ли не единственным из министров, пытавшимся бороться с оппозиционной журналистикой ее же оружием — печатным словом. Он не только основал несколько проправительственных изданий, но и снабжал их в значительной мере продукцией собственного пера.

Видимо, уже в 60-е годы у Валуева возникла гораздо позднее осуществленная мысль об использовании беллетристики для проведения в публику политических идей или «тезисов».

Свое оформившееся литературное кредо Валуев выразил в «предисловных заметках» к роману «Княжна Татьяна». «Человек в моем положении, — писал отставленный от дел сановник в октябре 1882 года, — может говорить на Руси только романом или в романе, другой способ речи невозможен... Мне нельзя просто конкурировать с литераторами романистами. Условия и цели слишком различны... Мой личный «faire» состоит преимущественно в тех вставках или «инкрустациях», которым фабула дает место... Те самые тезисы, которые мною четверть века защищались в другой сфере, ставятся мною и в сфере литературных вымыслов».

Благосклонный читатель и въедливый критик беллетристических опытов «его высокопревосходительства» («отставной литератор и чиновник», как называл он себя в конфиденциальной переписке с Валуевым), Иван Александрович Гончаров, бывало, укорял сиятельного автора в «однообразии» мужских характеров, в чрезмерном подчинении их «условному, корпоративному ритуалу, — образу мыслей, действий, до тона и манер включительно».

С этим мнением можно было бы полностью согласиться, если бы не одно счастливое исключение — из всех созданных Валуевым художественных образов наиболее запоминающимся был, конечно, его интригующий и переменчивый, как маскарадные маски, *литературный автопортрет*.

ВХОЖДЕНИЕ В ОБРАЗ

Литературный автопортрет — излюбленный жанр склонных к «писательству» «тайных советников», для которых табель о рангах становилась слишком «тесна». К сожалению, не все желавшие без огласки, с расчетом на посмертные публикации запечатлеть в истории свой облик обладали необходимой «фотогеничностью». Но Валуеву в этом отношении удивительно повезло: есть основание полагать, что наличие у него данных *литературного героя* засвидетельствовал сам Пушкин.

В одном из черновых вариантов повести «Капитанская дочка» главный герой, получивший впоследствии имя Петра Гринева, назван Валуевым. Молодой обладатель этой фамилии был хорошо знаком Пушкину: именно в период работы над повестью Валуев стал зятем петербургских друзей поэта П. А. и В. Ф. Вяземских.

«Пересечение путей» реального исторического лица Валуева и вымышленного Гринева было, конечно, делом случая. Но совсем не случайным оказалось присутствие в литературном автопортрете Валуева ряда «гриневских» черт.

Это были не только усвоенные еще в родительском доме понятия о чести и долге русского дворянина, но и восходящие также к годам счастливого усадебного детства «теплота чувства, восприимчивость сердца, способность страдания сердцем» и, наконец, данные Богом и воспитанием здравомыслие и обходительность, позволявшие и перед лицом законных властей вплоть до монарха (как это показано в собственном «жизнеописании» Валуева), и в присутствии еще более грозного самозваного государя «Петра Федоровича» (как случилось с Гриневым) держаться с достоинством, не заискивая и не лукавя, но в то же время располагая к себе сильнейших и могущественнейших «особ» и умело пользуясь их подмогой и покровительством.

«...МОЯ ИГРА — ИГРА РОССИИ»

Щедро одаренной, деятельной натуре Валуева как будто бы тесно жить «в одном измерении», в плену одной роли и одного «лица», и он постоянно имитирует в жизни и на бумаге, лицедействует там и там и, подчас играя, действительно творит что-то новое...

«Если я не совершенно безнадежен, — писал Валуев в один из трудных моментов своего «министерства», — то только потому, что в моей официальной жизни есть доля азартной игры. Вероятно проиграю, но, может быть, выиграю. А между тем моя игра — игра России».

Время прихода Валуева к управлению Министерством внутренних дел (апрель 1861 года) совпало с началом нового этапа в реформаторской политике государства.

В 1859—1861 годах объектом приложения преобразовательных усилий самодержавия стали межсословные отношения, что позволило не только сохранить абсолютистский режим, но именно благодаря ему провести крестьянскую реформу, устранив важнейшее препятствие к формированию в России внесословного общества и распространению понятия о нем в публике.

После 19 февраля 1861 года был частично реабилитирован поднятый дворянством еще в предреформенные годы вопрос о распространении реформ на методы управления государством. На смену власти, функционирующей подобно «самодействующей машине» в обстановке сословной розни и общественного «вакуума», пришла власть, готовая взаимодействовать с «новорожденным» обществом, деятельный состав которого по-прежнему определялся прежде всего дворянством.

Единство и преемственность великих реформ не исключали, а даже предполагали некоторые разнообразия и неизбежное чередование лиц, их разрабатывавших и проводивших в жизнь.

Н. А. Милютину принадлежала ведущая роль в создании Положений 19 февраля. Одновременно он начал готовить преобразование уездных и губернских учреждений. Но, являясь решительным сторонником максимального сохранения власти на всех уровнях в руках подчиненной короне администрации (что было до известной степени неизбежно на этапе подготовки крестьянской реформы), Милютин, уйдя в отставку, не оставил своему преемнику даже проекта устройства местного *самоуправления*. Предложенная им тогда программа временных мер ограничивалась в основном лишь поправками старого бюрократического устройства.

Встав во главе министерства, Валуев взял на себя двойное бремя: **реализации** подготовленного без его участия законодательства о крестьянах и **авторства** реформы, призванной допустить «общество» к участию в управлении на всех уровнях, начиная с уездного и кончая общероссийским.

Сам факт принятия Валуевым обязанностей министра внутренних дел в момент перехода от разработки к осуществлению Положений 19 февраля свидетельствовал не столько о победе «реакции», как считал отставленный от дел Николай Милютин, сколько о принципиальном согласии недавнего оппонента только что принятых законопроектов стать их исполнителем и проводником. Валуев не мог обманываться насчет перспектив своей деятельности, прекрасно зная, что предусмотренный в Положениях механизм их реализации весьма ограничивал возможности корректировки реформы со стороны Министерства внутренних дел, гарантией чему служили и неизменная воля монарха, и позиция Главного комитета об устройстве сельского состояния.

В исполнении дел заведомо им не вполне или даже вовсе не одобряемых — суть многократно пережитой Валуевым служебной драмы. Часто это была обычная для чиновничьего мира драма самоунижения личности, «закабаленной служить»; реже — возвышающая достоинство личности, хотя и не менее мучительная драма *свободного* примирения с новой реальностью, какой бы нежеланной она сначала ни была.

Противодействовать чужой воле в тех случаях, когда не имелось сил для открытой борьбы, Валуев мог только в скрытой форме «редакции», в искусстве которой он был очень силен.

Умение и покоряться, и примиряться да расчет на свои «редакторские способности» наделяли Валуева необычайной политической гибкостью, которая всегда затрудняла идентификацию его подлинного *лица*.

В начале 60-х годов он играл двойственную роль, пытаясь совмещать в своей реформаторской деятельности и традицию поддержания царского *самовластья* (в устройстве новых отношений между сословиями), и решение задач либеральной трансформации *самой власти*.

И вот наш герой в Зимнем дворце на празднике стоящих под ружьем георгиевских кавалеров молится вместе с ними, призывая Святого Победоносца на помощь в «брани, упорной и трудной, хотя и не кровопролитной». На исходе 1863 год — самый плодотворный в государственной деятельности Валуева. «Испытывая все пути, натягивая все струны», он продвигает дело земской реформы, желая увенчать его созывом общероссийского съезда государственных гласных. Спустя три недели преисполненный веры в свое предназначение «министр на европейский лад» переступает порог царского кабинета, а на выходе из него, с отвергнутой запиской в руках, перед нами — загадочный «бездомный странник», которому пора уже собираться в дорогу, нужно только «выждать», чтобы «уйти».

НА ПОЛОЖЕНИИ «ПОСТОЯЛЬЦА»

Среди разнообразных предметов на обширном столе Главного Начальника в романе «Лорин» взгляд автора отмечает дорожные часы, напоминающие «о течении времени и о том, что вся наша жизнь — ничто иное, как бытность в дороге». Эта метафора выражает одну из важных сторон валуевской автохарактеристики. Безземельный дворянин и министр «на уходе» всю жизнь стремится к прочной «оседлости». В реальности он ее никогда не сможет достигнуть. В мечтах и литературных фантазиях — достигает сполна...

Возвратившийся из странствий по Европе молодой Лорин, в недавнем прошлом блестящий офицер, оставивший гвардию и большой свет ради своей возлюбленной, вынужден из-за материальных затруднений поступить на службу в губернском городе. Здесь впервые после детских лет он вновь знакомится с родным для него бытом поместного дворянства. Его свежие впечатления накладываются на картины детства, жизни в родительском имении, впоследствии проданном «чужеродцам».

Еще по пути на службу в Краснозерск Лорин тайком, «как изгнанник», навещает родное Дубровино. Свидание героя с утраченным «отцовским и материнским кровом» — одно из самых поэтических мест романа. «Безупречно-правильным» и «плавным» языком автор повествует о неумолимых обстоятельствах собственной жизни и неизбывной тоске по дому, лирическими воспоминаниями о котором Валуев заполнял свой дневник задолго до создания «Лорина».

Поместный быт в изображении автора романа несет в себе черты довольства, роскоши, духовной изощренности. В этом смысле характерен владелец Белого Села князь Забелин. Разговор его с Лориным происходит в усадебной библиотеке, о собирании которой заботились «три поколения». Автор заставляет и Лорина вспомнить о такой же библиотеке в родном Дубровине, расположенной «в большом зале, с выходом в тенистый сад... И там длинные ряды книг виднелись в высоких... шкафах, на столах лежали географические карты, стояли физические аппараты, и всегда было заметно, что книги читались, а картами и аппаратами пользовались».

Но русский князь — поклонник энциклопедистов — страдает от односторонне скептического развития своего ума. Он утратил способность верить. Не имеющему нравственной опоры в религии, ему особенно трудно переносить постоянные неурядицы с крестьянами, безденежье, грозящее утратой Белого Села, отсутствие наследника — сына, которому можно было бы передать имение вместе с накопленными в нем духовными ценностями.

Повсеместное разрушение «преемственной оседлости» дворянства в большинстве случаев не способен возместить и русский город.

«Почти везде... общее впечатление есть впечатление города, который не сам по себе народился и вырос, но создан по указу... Слабость стихий постоянной и преемственной городской жизни везде заметна. Она прямо высказывается в отсутствии летних мест жительства вокруг городов. Служилые люди, на время связанные с городом, не заводят при нем летней оседлости; приезжие, проводящие в нем только суровые месяцы года, не имеют в ней надобности. Из сочетания понятий о правительственной ставке и зимней кочевке составляется, вообще, понятие о губернском городе».

Совершенно иную картину автор вместе со своими героями наблюдает на Западе: «здесь настоящее связано с прошлым. Потомки не похожи на предков, но нить видна, родословная налицо».

Мысли персонажей романа снова перекликаются с подневными записями Валуева. «... Где наше прошлое в сравнении с Западом»? — вопрошает он в записи от 7 мая 1867 года и тут же дает свой ответ: «Память страданий, следы слез и крови. Памятников почти нет. Мы наследовали исполинскую раму, но в ней еще нет картины. Картину должна вставить будущность. Но, судя по живописцам моего времени, не скоро напишется эта картина!» И все-таки у него теплится надежда.

Среди помещиков, у которых гостит Лорин, — состоятельный и рачительный хозяин Басаргин. Он живет одиноко, единственный сын его служит в Петербурге. Но в крепко сколоченном деревянном доме есть комната, дверь в которую всегда приоткрыта: в слабом свете горящей под угловой иконой лампады виден «вкось отодвинутый» стул перед письменным столом с раскрытым номером журнала, а на стене — охотничье ружье и фуражка. Это комната сына — зримое воплощение трепетной отцовской привязанности, — оставленная в том виде, в каком она была в день его последнего отъезда, как будто бы он «еще не уехал».

Рядом со старым деревянным домом, вовсе не отжившим свое, Басаргин-отец уже строит новый каменный дом — «родной и прочный приют» для сына и его будущей семьи. Моя жизнь, говорит он, «на втором плане. На первом мой сын. Над нами Бог».

Дом, скрепленный верой и любовью, — вот искомое Валуевым начало, создающее преемственность поколений и, в конечном счете, органичное развитие страны.

В дневнике Петра Александровича, равно как и в диалогах его персонажей, присутствует и более широкое толкование «дома». Этим определяется и подбор употребляемых в романе сравнений, иносказаний, и характерное противопоставление действующих в России «мусорщиков» и «каменщиков». Первые, конеч-

но, явно преобладают. Вторые едва заметны. О том и ведет речь с гостями в доме краснозерского губернатора уже знакомый нам князь Забелин: «В руках я вижу большею частью одни ломы, — разных видов и свойств, — от железного до периного. Ломать, срывать, потрясать, подкапывать, — вот господствующее занятие. Извольте, — но что же далее. Где линейка, ватерпас, — и в особенности, — где цемент?

— Цемента и прежде не было, князь... Многое держалось обхватом, сжатием, а не связью.

— Вы верно определили задачу. Если сдал обхват и ослабло сжатие, то нужна связь. Ее я и называю цементом».

Введение представительных учреждений в систему общегосударственного управления и должно было, по мысли Валуева, укрепить «здание» власти, связав в одно целое его разрозненные «ярусы»: верхний — самодержавие и нижний — поместное дворянство.

Пользуясь метафорическим языком самого Петра Александровича, можно сказать, что он жил как бы между двумя «домами»: один из них — то «благоухающее, улыбающееся преддверие жизни», где закладывались основы его мироощущения, а другой — само правительство в обширном смысле этого слова, полностью идентифицировать себя с которым Валуеву было столь же трудно, как и забыть родное Никольское (в романе — Дубровино).

Память о первом предохранила его от самоотождествления со вторым, где он провел около полувека на положении «постояльца».

УХОД В СЕБЯ

После отставки с поста министра внутренних дел (март 1868 года) Валуев возвращается на высокие должности в начале 70-х годов (в 1872—79 годах — министр государственных имуществ, в 1879—81 — председатель Комитета министров) и поначалу активно участвует в попытках шефа жандармов П. А. Шувалова создать некое подобие правительственного «кабинета» и центрального представительства. Однако теперь он уже пуганый зверь и ведет себя осторожней, не предаваясь большим иллюзиям. Успех маловероятен, когда «всякая самостоятельная сила предполагается не иначе возможною, как в ущерб силе самодержавной», а в разладе министров верховная власть находит «некоторое обеспечение своей всецелости и неприкосновенности». Взгляд на власть как на вотчинное имущество, унаследованный всероссийскими императорами от московских князей, находит подкрепление и в «азиатском, полурабском или первобытно-патриархальном» отношении самих «государственных слуг» к государю, принимающих на деле и в мыслях своих даже прихоти монарха за последовательные и сознательные изъявления воли.

Переодетые в современные платья и обученные изящным манерам, они остаются по понятиям и привычкам своим «боярами», «воеводами» и «государственными дьяками» Московской Руси. В таких условиях можно иной раз позволить себе и поиграть в «Кабинет» «подобно тому, как земства играют в Палату депутатов», но не следует обманываться насчет результатов.

«Чувствую, что я все более отрываюсь от всего, что принадлежит внешнему миру, — пишет Валуев в 1876 году. — Как скоро позволяют люди и бумаги, я ухожу в тот круг, где их нет, и где сосредоточено, увы! на столь немногих, то, что я люблю... Жить — значит любить. Любить — значит жить. Мне за 60, но эта истина для всех возрастов. ...Шелест платья моего друга — жены, звук шагов моего сына... и бьется сердце...» В подневных записях Петра Александровича возникает грустный образ *«замирающего листа»*, который блекнет, отделяясь мало-помалу от дерева, в ожидании, когда его обхватит и унесет дыхание ветра.

Мучительно-трудный для *«звездоносного поденщика»* и претендента в первые министры вопрос об уходе наконец разрешается *уходом в себя*. И тем не менее Валуев остается одним из деятельных министров. Происходит лишь известная переоценка ценностей. Взгляд на «дела» становится более холодным и отстраненным, порою равнодушным, почти всегда — с оттенком глубокого пессимизма. «Нельзя бороться с почвой, на которой стоишь, с окружающим воздухом, с облаками над головой. Можно только ощущать, видеть, сознавать и терпеть». И тогда приходит черед явиться *«зрячему зрителю»*. С достижением этого состояния утраченное единство творческой натуры министра и литератора восстанавливалось само собой. Пора заката государственной деятельности Валуева стала временем рождения Валуева-беллетриста.

Еще со второй половины 70-х годов рядом с «хроникой безумия», как Валуев однажды назвал свой дневник, рядом с реальным миром отталкивающе неприятных деятелей — «наших политических старообрядцев» все большее место в жизни Петра Александровича начинают занимать вымышленные «характеры» его литературных героев — блестящих гвардейских офицеров, великолепных чиновников, деятельных и просвещенных помещиков.

Это был «ничем не разбавленный», по наблюдению И. А. Гончарова, *канон* благовоспитанности, «взлелеянной жизнью гордости», духовной глубины, моральной чистоты и политического благоразумия, недостаток которых в жизни Валуев пытался восполнить литературным творчеством.

Это было то, что, собственно, и связывало Валуева с родиной, составляя главный предмет и смысл его государственнического патриотизма, его «понятия о России».

* * *

Литературные и политические судьбы Валуева отмечены удивительным сходством «линий».

От одного из прототипов ярчайшего художественного воплощения характера вольно-служилого русского дворянина и от безусловно первого в пореформенной России «министра на европейский лад» до запоздалого последователя на государственном и духовно-эстетическом поприщах огромной творческой работы, проделанной «благородными» всех просвещенных наций в европейской истории, — таков был путь этого человека, исполнившего в политике, как и в литературе, роли *прототипа и эпигона, имитатора и творца*.

ИВАН АНТРОПОВ,
АЛЕКСЕЙ СМИРНЫХ

ИРБИТСКИЙ ТОРГ

СОСЛОВИЯ ГОСТЕВОГО ГОРОДА

Второе столетие смотрит на мир пассаж

Ярмарка в Ирбите, известная России, миру как зимняя, продержалась 279 лет. От официального признания правительством в 1643 году до 1929-го. Причины ее появления на свет? Это гужевые и водные пути на стыке крупных экономических районов, удобные, в частности, для переправки в Сибирь изделий горнозаводского Урала. Это и серединное положение Ирбита в потоке внутренней торговли. Не следует забывать, что вокруг гостевого города было развито самое продуктивное в Зауралье земледелие, а местные мастеровые навострились сноровисто, даже изысканно, возводить торговые и жилые строения... По энциклопедическому словарю Брокгауза 1894 года издания, в Ирбите значится 5855 человек. По нему же, «фабрик и заводов в уезде, с городом, 135». Спорилось мукомольное дело. Выделка кож, варка мыла, изготовление свечей... Ирбит поставлял до ста тысяч пудов конопляного и льняного семени. Конопля шла и на экспорт, в Англию.

Приноравливая архитектуру, планировку Ирбита к торговым закономерностям, ярмарка формировала, конечно, типы и своих «действующих лиц». Главными ее участниками разумелись гости торговые от почти безымянных до всероссийских знаменитостей. Если товар, этот основной итог развития промышленности, сельского хозяйства, ремесел, — кровь страны, то купечество сопоставимо, наверное, с сердцем...

ЗЯЗИНСКИЙ ГРИВЕННИК

Без малого за три столетия купцов в Ирбите перебывала тьма. Так, ярмарка 1888 года представлена 121 торговой фамилией. Если попутно говорить о размахе торга, то ярмарочный комитет отвел под него в тот год только лавок 834, не говоря о площадях и улицах. Доставили же товар двести тысяч подвод (сани, складированные штабелями в 2—3 яруса, занимали весь город), и значилось его около шести миллионов пудов. Дробный стук лошадиных подков разносил славу об ирбитских кузнецах по дорогам всей России. За ярмарочный месяц нужно было перековать тысячи лошадей.

Ирбитская ярмарка образно называлась зеркалом пушнины. Треть стоимости всех товаров составляли меха. В 70—80-е годы прошлого столетия в Ирбите продавалось от пяти до десяти миллионов шкурок ежегодно. За белкой, зайцем шли горностай, песец, соболь, лисица, хорек степной, колонок, сурок. Поменьше было куницы, барсука, выдры, норки. Крупно торговали оленьими шкурами. Поддерживался спрос на шкуры тибетских коз (50 тыс. в год). В 1909 году на ярмарку было доставлено 10 тыс. волчьих шкур, тысяча медвежьих, полсотни шкур белого медведя.

Товары на торге подразделялись на три группы: русско-европейские, сибирские, азиатские. Ведущими к началу первой мировой войны значились русско-европейские. В 1909 году их было доставлено в Ирбит на 20 млн. 255 тыс. рублей, в 1913 году — на 14 млн. 644 тыс. рублей, привозы в остальные годы колебались между этими крайними точками.

Из сибирских самый высокий подвоз пришелся на 1911 год — на 9 млн. 453 тыс. 345 рублей. Самый низкий — в 1909 году на 7 млн. 607 тыс. 500 рублей.

Скромнее всего смотрелась группа азиатских товаров, поставляемых Китаем, Монголией, Индией. По оценке ярмарочного комитета, чая, изюма, шелка, шерсти верблюжьей, ковров было завезено в 1908 году на 889 тыс. 100 рублей, в 1909-м — на 782 тыс., в 1911-м — лишь на 543 тыс., в 1912-м и того меньше — на 485 тыс. рублей. Однако по курсу рубля той поры это была товарная лавина. Сравните: в 1909 году пуд пшеницы на Ирбитской ярмарке стоил рубль с копейкой, в 1900-м — еще дешевле: три четверти рубля.

Никто нароком не изучал привычек, норова торговых гостей, характеры их ушли в глубины времени вместе с ними. Писать среднестатистический портрет с исчислением в три века кто возьмется? Они, торговые гости, даже на памяти ирбитчан представали перед городом слишком пестро, кто как, исходя из конкретных своих особенностей. Мария Дмитриевна Дробинина вспоминала, как один купец все проиграл, а когда застрелился, то полиция хоронила непутевого на казенный счет. Тюменский купец Колокольников на конных бегах застрелил в порыве отчаяния лошадь ирбитского купца Колмакова, когда та второй раз подряд опередила у финиша его скакуна. Верить в предначертание баловня судьбы, стремиться к превосходству любым способом — одно из свойств купеческой души?

А просит сердце музыки, песни? Для натур тонких в ярмарочном ресторане «Эрмитаж» ставились оперетта Кальмана «Сильва», «Цыганский барон» Штрауса, «Наталка-полтавка» Котляревского, «Орфей в аду» Оффенбаха...

Помнит Ирбит неуместное озорство, казалось бы, взрослых своих гостей. Сын московского купца Сергей Наталкин распорядился однажды направить тройку по горшечному ряду. Под копытами горячих коней в черепки билась глиняная посуда. На упрек спутницы, дамы сердца, седок ответил: мы, дорогая, у азиатов, в Европе я бы себе такое не позволил!

Любил зло пошутить над собратьями якутский купец Петр Кушнарев. Как-то в теплый ярмарочный день (с крыш капало) он, облюбовав тройку (коренник — вороново крыло, пристяжные — гривами дорогу метут), нанял ее до сумерек, а заодно и всех остальных легковых извозчиков. Куда головной экипаж, за ним и вереница порожних. Что оставалось деловому люду в тот день... Только месить мокрый снег ногами!

Разнообразными гранями, вплоть до невероятных, представало перед городом российское купечество. Под эталон же торгового гостя подходят полностью, на наш взгляд, всего двое — знаменитый Савва Морозов и местный, ирбитский, Дмитрий Зязин. У них схожие судьбы, типичные для истинного купца черты характера. Оба из крепостных, в люди вывела лишь предприимчивость. Вспомним: основатель династии Морозовых Савва Васильевич еще подневольным отбывал повинность на шелкоткацкой фабрике. К открытию своей мастерской в 1801 году он изучил в тонкости не только производство, но и вкусы, запросы слободской девушки на выданье, крестьянской невесты, мастерового, хлебопашца... Яркий ситец, тонкий батист, полубархат, репс раскупались мгновенно.

Младшему сыну, Тимофею Саввичу, удалось потеснить на мировом рынке самих англичан. По его же просьбе городская дума отвела ему земельный участок в Ирбите под постройку торгового дома со службами. При открытии магазина покупателям дарили по платку. За внимание к Морозовым. Как приглашение и напоминание заходить. Торговый дом Морозовых сохранился, хотя убранством, конечно, не блещет.

Над ирбитским купцом Дмитрием Зязиным город посмеивался. И из-за его скупости, и из-за чрезмерного аскетизма. Однако упреки молчаливые, а подчас и высказанные он парировал обычно остроумно, весело. Купив как-то на рынке грошовой рыбы, он попросил сноху приготовить пирог. Та, ничего не сказав, отдала мелкоту кошке, принесла из лавки Рудакова доброй, испекла, подала на стол. Распочав, Дмитрий Васильевич удивленно вскинул брови:

— А я и не знал, что рыба в пироге растет!

В другой раз при благотворительном сборе Зязин опустил в кружку гривенник. Сборщик покосился: дескать, твой-то старший сын не пожалел серебряного рубля! Зязин хитровато потупился:

— Да, он способен себе позволить такое: у него отец — миллионер, а я — сирота...

У него было правилом: себе, для семьи — без затей, что попроще, подешевле, главное — радеть о деле. Одежду, обувь для домочадцев покупал под занавес ярмарки, при вялых ценах, из остатков. Сам с весны до осени неизменно носил сапоги.

Охотников пошутить над его привычками, как отмечали, хватало. При одном из случайных заходов Зязина в ресторан завсегдатаи не преминули позлословить: вот, мол, голодненький, наверное, а обедать не станет, чтобы не разориться... И поперхнулись: Дмитрий Васильевич при них вымыл руки дорогим французским вином.

— Могу вот так мыться, но ведь не делаю и вам не советую. А еда что? Ее дома хватит!

Круглый год поднимался в четыре утра, наскоро пил чай, запрягал бурого меринка, всходил на сани или дрожки, вожжи в руки — и по своим заведениям. С заботою, чтобы свое не отставало, а то и превосходило. Не случайно на выставке по Югу России его мука собственного помола получила большую золотую медаль. Его мельница, техническое чудо XIX столетия, долго и в советское время одаривала город мукой.

Водились у Зязина наличные деньги. 14 сентября 1914 года он дал Екатеринбургу сто тысяч рублей сроком на пять лет из семи процентов годовых. Под процент, который бы ныне посчитался за акт милосердия! Легких денег, полагал он, ни у кого не должно быть, а потому в восемнадцатом, при отходе красных из Ирбита, отказался платить контрибуцию в 170 тысяч рублей. Даже под угрозой смерти своей и сына. Впрочем, с ними вместе расстреляли и остальных, кто условие выполнил — деньги внес.

Каковы их типичные черты, типичных представителей российского купечества? По привычкам они — мужики, крестьяне; по задаткам, таланту, размаху — люди торговые. Это при их живом интересе товар не застаивался, копейка зря не лежала.

Как сколачивались состояния, в том числе миллионные? Как и повсюду в мире, во все времена. Так и в старину торговый гость оставлял себе что-то за посредничество, чтобы самому прокормиться и дело развить. В услугах его нуждались и пахарь, и мастеровой, и рыбак с охотником... Человеку, занятому на пашне, у верстака, в поисках зверей и птицы, торговать некогда. Да много ли он «напрядет-наткет» с семьею, чтобы выйти на ту же Ирбитскую ярмарку? Ладно, если сам из торгового города или из села по соседству с ним. А взять сибирское раздолье, удаленность? Не так мала вроде наша Свердловская область в ее современных границах. Но Иркутская просторнее вчетверо, а Якутия превосходит ее в двадцать раз. На какой торг подастся охотник с краешка земли? Ясно, что добытая пушнина скупалась у него на месте, а платили за нее столько, что хватало только покрыть расходы на соль, порох, табак... С любой очередной перевалкой цены полнились и к торгу в Ирбите обычно достигали весьма высоких, вдесятеро, а то и больше против цены из первых рук. Бывали даже взлеты исключительные. О таком поведала справочная книжка «Ирбитская ярмарка на 1907 год»:

«Когда почти на все меховые товары поднялась цена, да и поднимается и теперь по какому-то лихорадочному требованию их для заграницы, агенты заграничные, не удовлетворяясь покупкой товаров в Ирбите и Нижнем, сами отправились чуть ли не в дебри Сибири, чтобы скупить товар почти из первых рук. Появление господ иностранцев... взволновало местных скупщиков пушнины. Пошла конкуренция. И в результате — баснословные цены».

До этого, как отмечает справочная книжка, пушнину по Сибири от охотников скупали исключительно сами сибиряки.

Не случайно взлетели цены на соболей: темные продавались по 250 рублей штука, светлые — вполовину дороже, чем на предыдущем торгу. Многие, по замечанию составителей справочника, нажили на соболях состояние.

Оптовые партии азиатских товаров из Ирбита направлялись к берегам Волги, в Нижний Новгород; европейские, наоборот, передвигались через Ирбит в Азию. Ярмарка отражала уровень производительных сил России, соседних с нею государств. Так, в середине прошлого века с Ирбитской ярмарки исчезли китайские и среднеазиатские ткани: их заменили красивые русские ситцы. Это был настоящий переворот в ярмарочной торговле. Дешевые русские ткани хлынули через Ирбит и в Китай, и в Среднюю Азию. Значение Ирбитской ярмарки для развития хлопчатобумажной промышленности России неоспоримо. А четверть всех китайских товаров на ней стал составлять чай.

По значению, обороту Ирбитская ярмарка оставалась второй после Нижегородской. Первенствовала на ней Московская губерния, за нею — Владимирская и Костромская с их ситцами, третье место занимали сибирские губернии, четвертое — Урал с тремя губерниями. Главным же покупателем оставалась Сибирь.

ДЯДЯ ВАНЯ

Сам купец за прилавком не стоял, на то приказчик имелся. В белой косоворотке, костюме, штиблетах зеркального блеска. С готовностью первым спросить, ответить, подать, посоветовать. Ценился, понятно, предупредительный, расторопный. К иному, бывало, отношение складывалось как к соратнику. Бездетный ирбитский купец Палладий Дунаев, к примеру, проникся к приказчику Сергею Пушкареву отцовской любовью. И было за что: к старости хозяина приказчик присоседил под дунаевское начало торговлю стеклом и известью. К завершению земного пути Палладий

Александрович оставил Пушкареву по завещанию магазин с товарами, и каменный дом из трех обретенных.

Путь к месту приказчика начинался с детства. Двенадцати лет привезли в Ирбит из недальнего села Белослудского Ваню Коновалова. Случилось так, что Ванин отец и сын ирбитского купца Владимира Казанцева, тоже Владимир, свиделись в молодости, при самых необычных обстоятельствах. В августе 1904 года, в Маньчжурии, перед наступлением японских войск под Ляояном. Солдата Евлампия встреча с унтер-офицером Казанцевым крайне удивила.

— Я — ладно, а как ты здесь?

— Моя очередь. Откупаться не захотел, торгуем многим, но совестью — нет!

Надо ли говорить, что теперь, дома, встретились они сердечно, и Ваньша остался в городе. Три года пробыл в мальчиках. Упаковывал купленное, доставлял к экипажу, даже носил по домам, подметал в магазине и около; зимой топил печи, следил за керосиновыми лампами. Попутно в чем-то помогал приказчику. В годы его обучения, с 1911-го по 1914-й, Казанцевы держали шесть мальчиков. Трое деревенских с хозяевами жили, на хозяйском обеспечении, а трое наемных, городских, утрами в магазин прибегали. Смотрел за мальчиками доверенный Тимофей Томшин.

Через три года Иван Евлампиевич значился приказчиком.

Торговая школа закрепила в нем уважение к арифметике. За прилавком он обходился без счетов, независимо от числа покупок. Не напрасно мальчишкой занимался у сельской учительницы Надежды Афанасьевны Железницкой, отмеченной в советское время двумя орденами Ленина. Смеялся:

— Таблицу умножения до сих пор наизусть знаю!

Жизнь до ухода на пенсию Коновалов посвятил торговле. Товар у него расходился хорошо. Вспоминал: пришли за покупками муж с женой. Она берет себе и своей маме то и это, а свекрови — ничего. Муж робко напомнил: «Надо бы маме что-то...» Она молчит. Тогда подал голос Иван Евлампиевич: «Вы, хозяюшка, сами свекровью будете, сноха вас тоже обидеть может...» Она сердито говорит мужу: «Ладно, бери материна платье!»

Это от купеческого воспитания — подметить, вникнуть, быть равноправным участником обоюдно заинтересованного разговора.

Его, Ивана Евлампиевича Коновалова, город от мала до велика почти половину столетия называл дядей Ваней. С легкой руки комсомолки Лизы — за смоляную бороду. Что город знал его и любил, помнит сейчас — лучшая ему, приказчику смолоду, аттестация. Такого собеседника поискать было! Как-то при нас сожаление вырвалось:

— Учиться не пришлось, а то, может, вышел бы из меня рыжий дурак...

— Это как понимать?

— Ну, клоун. Юмор понимаю, сам как будто за острым словом в карман не лезу...

Разговор о профессии клоуна не случайно был. В свое время у дяди Вани дважды квартировал, приезжая в Ирбит, цирковой артист Эмиль Федорович Ренард, известный Кио. Кличкой его собаки Чомы Коновалов потом звал свою. Дом его тяготел к театру. В родне был профессиональный артист, нередко оставались на постой заезжие. В самой просторной комнате ставились домашние спектакли.

Цветы разводил. В частности, красиво пламенел у него пудовый кактус о трех колючих «пальцах» на едином стебле.

Газеты читал до последнего дня, названия чужих городов, порой вычурные, иностранные фамилии приводил в пересказе без запинки. Как было не зайти покупателю к такому работнику прилавка лишний раз!

С ЖИВЫМ ОСЕТРОМ

Ирбит знала вся Россия. Бывало, над человеком, одетым в длинный тулуп, обремененным провизией, шутили: «Собрался, как в Ирбит на ярмарку». Сходство, конечно, полное.

По значимости, заглавности ямщик едва ли уступал купцу. Без него, без подвоза товара торг тоже несостоятелен. Пути к Ирбиту вели в основном гужевые; по реке Нице, судоходной сколько-то до 1924 года, сплавлялись только грузы малоценные и громоздкие. Трудно теперь представить при наличии автомобиля, поезда, самолета те обозы, морозный и метельный путь, который конь и хозяин делили поровну. Ведь проходило, к примеру, более месяца, прежде чем возница из Владимирской губернии достигал границы Ирбита, пересекал Северный мост, устало шагал рядом с подводой по Судебной улице и, завидев величавый Богоявленский собор, торопливо снимал шапку.

Извоз долгий, а отдых мимолетный, в утесненности. Ирбитчанин Илиодор Рыков тоже сдавал дом под постой. Его внучка, Евгения Васильевна Пушкарева, вспоминала о дальних годах так:

— Подворья забиты лошадьми, верблюдами, дома — людьми, а сани, так те на канаве за оградой — ярусами, из-за них другую сторону улицы не видать. Сколько менялось народу за ярмарку! Придет обоз из полуста подвод, при двадцати ямщиках, охлынут кони после дальней дороги денька три-четыре, редко пять — и снова скрип полозьев.

При всей скромности зимнего заработка Россия поднималась на извоз, товарные реки текли и текли по дорогам. Традиционный санный путь казался привычным, незыблемым. Даже после постройки Уральской

Ирбит, его каменные кружева

железной дороги московские уезды отправляли товар на ярмарку не поездами, а конной тягой. Чтобы без перевалки, до места. Извоз держали многие города, приметнее иных Казань, Вятка. Вятских ямщиков числилось три тысячи. Они брали с пуда на три копейки дешевле, чем железная дорога. При дороговизне хлеба, овса, сена конкурировали в убыток себе: опасались остаться без работы.

Охотно пускались в извоз крестьяне Екатеринбургской губернии. Но брали далеко не каждого: то упряжь плохонькая, то боязнь товар доверить, хотя обозники отвечали за кладь круговою порукою. А в дорогах бывало всякое. В феврале 1891 года на черном рынке продавали сорок лошадей. Их хозяева подрядились доставить кладь в Ирбит, но в пути у них украли воз товара на девятьсот рублей. Да, кому-то счастье сопутствовало больше, кому-то меньше, не исключалась даже беда. Крепостной поэт и ямщик Макаров (чье стихотворение «Однозвучно гремит колокольчик...» наверняка складывалось под впечатлением приездов на Ирбитскую ярмарку) замерз, как и его отец — ямщик, в дороге.

Но, говоря современным языком, удача в немалой степени зависела от прогнозирования. Дед екатеринбуржца Александра Дмитриевича Бальчугова Степан Филимонович, крестьянин деревни Эртигарки Тобольского уезда, ездил на Ирбитскую ярмарку с рыбой тобольских купцов сорок раз. И всякий раз привозил живого осетра собственной поимки от трех до шести пудов весом. Ловил рыбину осенью в устье Тобола, прихватывал веревкой за жабры, и плавал осетр до отводимого дня. Перед самой ездкой мужики — к речной яме. Вытянут — и, парного, в тулуп; в пасть — мокрую тряпку — и на сани. Дороги — 540 верст, обоз шел ровно неделю. Чтобы осетр не уснул совсем, Степан Филимонович капал на тряпку водки.

В домашнем тепле, корыте с водою речное чудо удив-

ляло хоть кого и красотой, и размерами. Какой состоятельный любитель осетрины мог отказать себе в редкой покупке? Бальчугов ходил в извоз на пяти лошадях, а купец платил за подводу, 25 пудов груза, по пятнадцати рублей. Но выручка за живого осетра значимо превышала основной заработок. Потому как диковина... Изобретательность, свойственная человеку любого промысла, разнообразила, красила ярмарку самыми неожиданными гранями!

КАРАУЛЬНАЯ АРТЕЛЬ

Ярмарка открывалась первого февраля, после молебна и поднятия флага. По поверью, поведение стяга на ветру предопределяло характер торга. Развернулся флаг сразу — торг будет крутой, стремительный, сник, запутался — затяжной, плещется на восток — для сибиряков всякое благополучие...

А пока до торжественного момента город полнится товарами. По всем трем трактам — обозы. По Верхотурскому — с заморскими товарами через Архангельский порт. По Камышловскому — со швейными машинами, тканями для российских красавиц, скобяными изделиями, охотничьими ружьями, мануфактурой Москвы и Варшавы. По Тюменскому — с рыбой, кедровыми орехами, мехами, китайским чаем и фарфором, шелком, восточными сладостями. Всего так много, что товары бугрятся даже на улицах, площадях.

Все это нуждалось в охране. Стерегла товары караульная артель из 132 пеших и 14 конных. Все они отличались незаурядной физической силой и носили особый нагрудный знак. Иногда, впрочем, численность доходила до двухсот человек, конных в том числе до сорока. Артель делилась на десятки, десяткой руководил староста. Старосте вменялось следить за дежурством. Первая смена была всего трехчасовой, с пяти до восьми вечера. Очень короткой, но по вниманию, усилиям крайне интенсивной. Ранние зимние сумерки, кипучий людской водоворот возле прилавков — всякое могло случиться.

Вторая смена — с восьми вечера до восьми утра. Спокойнее, но весьма относительно. Товары — под открытым небом по всему городу, на немалом пространстве. Китайский чай на самой широкой улице, Главной, будто бесконечные сенные стога. Горы вятских и невьянских сундуков, ложки расписные, как игрушки, и, конечно, расписные дуги — краса и гордость ямщиков. Колокола, самовары, пимы, шапки, картузы... Понятно, едва ли кто позарится на пилу, литовку, кошму, мыло, свечи... Но ведь привозилась на ярмарку и посуда Матвея Кузнецова, которая давно стала антикварной, каслинское литье. Вазы из калганской яшмы стоимостью до двух с половиной тысяч рублей. Изделия из золота, серебра. Алмазы. Бельгийские револьверы...

Поводов к искушению хватало. А если человек к тому же в подпитии... Крепких напитков не чурались ни сами ирбитчане, ни торговые гости. В 1875 году только на постоялых дворах, а их по уезду набиралось 30, продана тысяча ведер водки. Казенный винный склад в Ирбите отпускал в год по 70 тысяч ведер «прямо в посуду потребителей».

Что благоприятного веселья на торге хоть отбавляй, преступный мир знал. Что деньги тут огромные — тоже. И тянулись на ярмарку не одни лишь купцы с товарами да покупатели с намерениями. Почти в каждом номере «Ирбитского ярмарочного листка» сообщалось о кражах, ограблениях. Красноярский купец как-то лишился 142 собольих шкурок.

Происшествий было бы куда больше, стражи порядка даже в усиленном составе не смогли бы досмотреть за всем, не будь у города караульной артели. История ее относится к 1792 году, когда городничий Хворощинский, не зная, как обуздать ночных татей, сам заступил в наряд по охране гостиного двора. Правда, Пермь, признав поступок неправильным, посоветовала, чтоб караульных подбирало городское общество. И артель сколотилась тотчас из тридцати человек. С 1879 года охранные правила обрели четкую строгость. Ночью артель оберегала запертые лавки и все остальные товары вплоть до оставленных под открытым небом. Плата взималась с лавки по пять рублей, с палатки — по три, за подвижные лари, возы, приклады у лавок — по соглашению сторон. Заступая, караульные проверяли исправность замков, печатей. Репутацией артель дорожила. В 1886 году караульный бросился навстречу воровской тройке. Кража не удалась, однако дозорный погиб под копытами.

Работа почиталась за весьма доходную. За месяц ярмарки пеший охранник получал от 100 до 140 рублей, конный — все полтораста. Это при стоимости коня на рынке от четвертной до 35 рублей. Претендентов в конный отряд набиралось обычно от ста до двухсот. Экзамены велись, как бы сказали теперь, на конкурсной основе. Кони — под седлами у привязи, их хозяева — возле крыльца управы. Слышится условная команда: «Кража!» — и начинается «погоня». Отбираются сорок самых быстроходных, остальные — домой.

Отбирались в караульную артель только ирбитчане из мещанского сословия. Возникло оно по повелению Екатерины II, когда императрица 3 февраля 1775 года даровала Ирбитской слободе статус города за участие в подавлении пугачевского восстания. В указе подчеркивалось: «Всех желающих остаться в оной слободе жителей именовать тамошними мещанами...» Быть ирбитским мещанином было выгодно: платил он, как определила Екатерина II, «в казну обыкновенной сбор, бываемый в городах торговать и промышлять по мере своей возможности... торгом». А крестьяне только с возу торговали. Не только лавку, но даже балаган строить не разрешалось. Чистота сословия свято оберегалась. Иван Дмитриевич Куликов, например, и родился в Ирбите, а мещанином город его так и не признал: отец с матерью из деревни!

ГОСТИНИЦА — ВЕСЬ ГОРОД

Принимать гостей постоянно, из года в год — значит заботиться и об обустройстве... Торговый характер города сформировал строителей двух основных профессий — скорых, легких на руку плотников, а также изумительных мастеров каменной кладки. О всех примечательных постройках старинного города в журнальном очерке, понятно, не расскажать. Коснемся всего двух примеров. В Центральном государственном архиве древних актов хранится такое свидетельство: «В 1790 году 24 апреля загорелся дом надворной советницы Аграфены Степановой, а затем весь город — 225 домов, гостиный двор, присутственные места, питейные дома. Осталось 15 домов».

Соседи — Тюмень и Екатеринбург, — решив воспользоваться безысходностью Ирбита, потянули торговлю на себя. Конец ярмарке и в самом деле казался неминуем. Незадолго до пожара в Ирбите исхлопотала себе ярмарку Тюмень. Торговля в Тюмени предполагалась в январе, месяцем раньше соседней. Для сибирских купцов это могло стать искушением. Снова запросил себе ярмарку Екатеринбург: дескать, лавки Ирбиту «построить в одно лето никак невозможно».

Ирбитчане всполошились. Новые торговые ряды возводились спешно, из дерева, за счет самих жителей и капитала купцов со стороны, заинтересованных в деле. Екатерина II специальным указом освободила новый гостиный двор от налогов.

Этот гостиный двор, третий по счету за историю города, был уже на 410 лавок. Вокруг стояло свыше трехсот домов. Ярмарка 1791 года состоялась опять в Ирбите. А двенадцать лет спустя город сподобился на каменный гостиный двор, 218 лавок которого стали гордостью ярмарки.

По-своему любопытна история пассажа. Здание закладывалось под театр*. Неожиданно в ярмарочный комитет поступило заявление от двенадцати российских и четырех иностранных купцов с просьбой повернуть стройку под магазины, причем на 26 из них сразу давались обязательства об аренде. Управа сочла предложение выгодным, срочно пересмотрела проект. Всего через зиму, 30 января 1864 года, состоялось открытие пассажа. Регистрационные книги донесли до нас виды товара, имена и фамилии торговых гостей, их купеческую принадлежность к губернским и уездным городам, иностранным государствам. Швейные машины «Зингер» до сих пор встречаются по крестьянским семьям в ирбитских деревнях и селах. Они, наследие бабушек, были куплены когда-то как раз в пассаже.

Город на равнине хорошо просматривался с любого возвышения. Величаво горели под солнцем позолоченные купола собора, четырех церквей, четырех часовен, башни мечети. Прохожего радовали каменные кружева зданий, ажурные крылечки, чугунная вязь. Не напрасно почтовые открытки с видами Ирбита расходились большими тиражами по всей России.

Дома в Ирбите возводились с учетом запросов ярмарки. Первые этажи сдавались под склады, вторые — под номера. Для двора типичен флигель. Даже домики на окраинах строились с расчетом извлечения большей выгоды. Неказистая постройка, а непременно о двух уровнях, с полуподвалом. Сдавалось внаем решительно все, что годилось, — дома и дворы. Хозяева с семьями на это время перебирались куда придется: в каморки, кухни, прихожие, подвалы и даже в бани.

Не был исключением и дом Шеломенцевых, старинный, из могучих звонких бревен, на две половины, первая из которых срублена до нашествия Наполеона в Россию, в 1808 году, вторая — в 1851-м, перед севастопольской обороной. Дом стоит до сих пор, никогда не переходил в чужие руки, сейчас в нем шестое поколение Шеломенцевых.

Александр Михайлович (ему 80 лет) делится не столько своими воспоминаниями, сколько, по эстафете, отцовскими. Дом по низу заселяли исключительно извозчики, до полуста человек, из деревень своего же уезда Игнатьевой, Бессоновой, Лариной, Межевой... Принимая постояльцев, хозяин ничего особенного им не сулил. Стойла для лошадок стройте сами, жерди, солому на уметку привозите с собою. Ворота, если хотите, пусть будут настежь.

Не утеснялись и купцы, что занимали верх дома. Правда, горничная из деревенских называла верхних благородными. А что благородного? Ялуторовский купец с расписными дугами, прялками выбирал место во дворе возле забора на улицу, натягивал сверху брезент, убирал в заборе доски — и «магазин» открыт, милости просим!

Старинный Ирбит знавал в городской черте несколько дворянских усадеб. Казалось бы, само сословное положение не позволит хозяевам тесниться, тем более по соображениям экономическим. Обстоятельства, однако, тоже вели к пересмотру взглядов, условностей. Вдова Иконникова не чуралась пускать бийских купцов вместе с товарами, хотя пирамиды из мешков с орехами, бочонков с медом удобств на дворе, естественно, не создавали.

Федор Маврицкий, правда, в отличие от многих, комнат на клетушки не делил, по углам постояльцев не набивал и, как родовитый дворянин, простолюдья, суетливости вообще не терпел. Потому второй этаж основного дома с парадной лестницей отводился на время ярмарки только представителям торговых контор Германии: Ариович, Леве, Зейдлер, Френкель, Шифран — поставщики сибирской пушнины в Европу. Как же, у хозяина университетское образование, годичный курс лекций по естественным наукам, прослушанный в Лейпциге! Пушникам Василию Охлонкову из Иваново и Захару Запсу из Москвы — по комнате в малом доме, кожевнику Иосифу Решентникову из Тюмени — угол во флигеле над каретником с условием кожи во двор не стаскивать: кони боятся!

К ярмарке в Ирбите готовились с осени: солили капусту, готовили приправы, заботились о квасных бочках, припасали впрок дрова... Прислугу нанимали с 10 января — горничных, дворников, кухарок. Они мыли в комнатах, прибирали двор, варили квас, пекли хлеб и морозили, ибо стряпать потом для себя было и негде, и некогда.

Гости приноравливались к хозяевам, платили нередко за год вперед. Добрые отношения устанавливались чаще всего и у хозяев с прислугой на многие годы.

За 279 лет через Ирбитскую ярмарку товаров прошло примерно на пять миллиардов рублей. Соотнесите, много ли, если корова в XVII столетии стоила 67 копеек, а пуд пшеницы в 1910 году равнялся 30—35 копейкам. Много, очень много, целое товарное море плескалось на просторах России. Творцы его — купец, приказчик, ямщик, дозорный, приветливая обслуга. Без них ничего бы не было!

г. Ирбит, Свердловская область

* Профессиональный театр в Ирбите был на Урале вторым. Жизнь его началась 1 февраля 1846 г. постановкой комедии Гоголя «Ревизор». В спектакле участвовало восемь актеров из крепостного театра матери И. Тургенева.

НИНА МИНЕНКО,
доктор исторических наук

ПРИЗРАК МУЖИЦКОЙ ВОЛИ

ИСТОРИЯ О ТОМ, ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ В ИРБИТЕ «ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ» МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

В фонде Верхотурского уездного суда Госархива Свердловской области под № 201 хранится необычное «Дело по обвинению крестьян Ивановской волости в нарушении общественного порядка и неповиновении местным властям».

Начало событий пришлось на март 1862 года. «Заведывающий» Ирбитским уездом мировой посредник Волков в присутствии земского исправника Жульковского и свидетелей объявил выборным представителям временнообязанных крестьян сельца Ивановского уставную грамоту. Помещики братья Ивановы излагали в ней условия, на которых бывшие их крепостные получали отныне свободу. Выслушав сии условия, выборные от принятия грамоты решительно отказались. Крестьяне требовали, чтобы их не заставляли брать у помещиков земельные наделы (Ивановы предоставляли им, по большей части, участки «неудобные к возделыванию», и при этом за высокую цену), а «выселили бы их с обществом на казенные пустопорожние земли». «Что хотите делайте, — твердили они, — не возьмем ни клочка!»

Закон разрешал мировым посредникам вводить уставные грамоты в действие даже в случае несогласия вчерашних крепостных. На 1 января 1863 года по Уралу из 762 уставных грамот только 269 оказались принятыми крестьянами; остальные вступили в силу без их согласия. Что касается Пермской губернии, куда входил Ирбитский уезд, то здесь 90% бывших крепостных не подписали уставных грамот! В числе неподписавших оказались и 300 душ мужского пола, принадлежавших до февральского манифеста об освобождении крестьян помещикам Ивановым из сельца Ивановского. На следующий день после описанных событий ирбитский мировой посредник все-таки утвердил грамоту и «предложил» крестьянам отныне руководствоваться ею. Волостной же старшина Богомолов (который, по словам крестьян, «жизнь свою вел честно» и «для общества был полезен»), поддержавший коллективный протест, по распоряжению мирового был отрешен от должности.

События, однако, развивались по нежелательному для властей сценарию. Большинство крестьян наделов по-прежнему не брало, а те, которые взяли, отказывались вносить владельцам плату или выполнять в их пользу издельную повинность. Против «бунтовщиков» пришлось возбуждать судебное дело. Одновременно губернское начальство, недовольное нерасторопностью Волкова, решило заменить его более энергичным человеком — новым мировым посредником в Ирбите стал прапорщик Аршеневский. Тот вскоре прибыл в сельцо Ивановское и на сходе призвал крестьян подчиниться требованиям властей, угрожая в противном случае суровой карой. Среди собравшихся поднялся ропот. В роли главного подстрекателя оказался 62-летний местный житель Кузьма Мочаленков — он «дозволил себе явно возмущать общество» и произносить «дерзости и неприличные выражения против Аршеневского». Мочаленкова активно поддержали крестьяне Федор Карасев, Степан Баранов, Емельян Башмаков, Антон Балабанов. Разгневанный посредник приказал волостному начальнику Мочаленкова отправить в Ирбит, а Карасева, Баранова, Башмакова и Балабанова высечь розгами.

Расправа с «зачинщиками» лишь обострила ситуацию в волости. Место Мочаленкова, брошенного 18 мая в ирбитскую тюрьму, занял Николай Лушников; его ближайшими помощниками стали Максим Галанцев и Степан Балабанов. По их инициативе и под их руководством от имени крестьянского «общества» были составлены и отправлены в разные инстанции жалобы-прошения.

Вскоре, перед праздником Троицы, в расположенном неподалеку государственном селе Красном (оно же Краснослободское) появилась таинственная пара: мужчина лет 50-ти и молодая женщина, которую он выдавал за свою жену. Остановились они в доме крестьянина Григория Ефремова («а по уличному прозванию Таланов»). Первоначальным намерением приехавших было «только напиться чаю» и отправиться восвояси, но потом неожиданно для хозяина дома они решили задержаться в селе на несколько дней. Уже в первый день гостя посетили ивановские крестьяне (они часто по разным делам бывали в селе Красном, состояли прихожанами местной церкви). Эти посещения имели место и в последующие дни. О содержании бесед можно судить по показаниям крестьян на допросах. Так, Антон Дулепов рассказывал: «На Троицын день был я у обедни (в церкви села Красное. — *Н. М.*), а вышедши из церкви, сидели у старого кабака, когда пришел откуда-то Николай Лушников, толкнул меня. Я пошел за ним. Он и говорит мне: «Не хочем погубить своих детей и себя; есть у нас посланник царский, нужно идти к нему и посоветоваться о наших делах». Я и отправился... Вошедши в комнату, я и спрашиваю, указывая на неизвестного человека: «Тот ли посланник?» Мне Николай Лушников и говорит: «Тот». Неизвестный человек тут же начал нам говорить, что он будет за нас хлопотать, что мы будем вольны без выкупа земли, что у нас положения не те, что у него закон другой и что он везде о господских людях хлопочет».

Односельчанин Дулепова Маркел Шмелев, присутствовавший тут же, дополнял, отвечая на вопросы следователя, что незнакомец писал «нашему обществу прошение на имя великого князя Константина Николаевича». Гость советовал крестьянам держаться, обещал защитить от притеснений помещиков и мирового посредника. «В селе, — продолжал Шмелев, — носились слухи, что незнакомый есть великий князь Михаил, что жена его — переодетый цесаревич». Николай Поляков (крестьянин, кстати, грамотный) подтверждал, что «незнакомого человека называли князем Михаилом и посланником царским». По словам Семена Герасимова, гость имел при себе соответствующий документ. Волостной писарь Капитон Бучельников (из отставных унтер-офицеров) утверждал, что после отъезда незнакомца по сельцу Ивановскому широко пошел слух, якобы «человек этот князь, а с ним в женское платье переодетый цесаревич, что князей этих много запущено по Расее и что этот князь хотел крестьянам ивановским на площади, перед господскими усадьбами, выставить стол и угостить их», а при этом говорил: «Я покажу пример помещику», обещая явиться к столу «по всей форме».

Иван Шмелев на допросе поведал о стычке, которая произошла у незнакомца с писарем Бучельниковым в кабаке: «Неизвестный мне человек и Бучельников стали между собою ссориться, и последний упрекал первого, зачем он разстраивает общество»; незнакомец же обвинял писаря в том, что он «читает несправедливо» крестьянам Положение об их освобождении. «Вот здесь-то, — признавался Шмелев, — я и узнал, что наши крестьяне в этом неизвестном человеке нашли себе ходатая о воле». Когда позднее он явился «в квартиру» незнакомца, то застал здесь односельчан М. Галанцева и Н. Лушникова. «Немедленно пал в ноги нашего милостивца (так называл таинственного гостя, повествуя на допросе о прошедших событиях, И. Шмелев. — *Н. М.*) и со своей стороны начал просить об общем крестьянском деле. «Молитесь Богу, помогу вам!» — твердо обещал гость. Шмелев, по его словам, спросил, не желает ли приезжий, чтобы его попотчевали «водочкою», и, получив утвердительный ответ, помчался в кабак за бутылкой водки-«простушки», которую по возвращении и «поднес с поклоном». «Мой милостивец отпил из нее одну рюмочку и поставил ее на столе. Потом стал Богу молиться, и расстались, и он уехал со своею женою в путь», — продолжал вспоминать Шмелев. «Не только мои односеленцы, но и других деревень люди уверены были в том, что ходит великий князь Михаил с цесаревичем, — утверждал он, — чтобы наблюдать, чтобы господа не зорили крестьян и не заставляли выкупать землю».

Таким образом, незнакомец выдавал себя за великого князя Михаила Николаевича, посланца царя, а свою жену — за наследника престола. Самозванец уверял собеседников, что от них утаили подлинную царскую волю; временнообязанные крестьяне верили этим словам. В прошении, составленном «Михаилом» от имени и при участии крестьян в адрес великого князя Константина Николаевича, в частности, говорилось: «Августейший наш монарх и великий государь, император Александр Николаевич по неограниченному своему человеколюбию к роду человеческому даровал по всемилостивейшему своему Манифесту, состоявшемуся в 19 день февраля месяца 1861 года, всем верноподданным рабам его от зависимости гг. помещиков свободу, а также и казеиным мастеровым; и все уже получили дарованную свободу. Но мы по настоящее время увольнения от гг. Ивановых не получили — не только быть от зависимости их свободными, но даже терпим чрезмерные угнетения... гг. владельцы Ивановы... чрез г. мирового посредника Аршеневского требуют с нас за выкуп... на 49 лет за каждую десятину по 1 руб. 80 коп., а всего будет стоить каждому тяглу одна десятина не совсем хлебородной земли 48 руб. 20 коп. Но мы, как уже разорены до безконечности, не только не можем выкупить на 49 лет, даже и на 1 год». Заканчивалось прошение такими словами: «А потому всеподданнейше просим Ваше императорское высочество воззрить всемилостивейшим Вашим оком на совершенно разоренных детей и верноподданных рабов, учинить Ваше всемилостивейшее ходатайство у великого государя императора Александра Николаевича даровать нам от гг. Ивановых, согласно Манифеста 19 февраля 1861 года, свободу...»

«Беспорядки» в сельце Ивановском продолжались. В конце мая Аршеневский арестовал Николая Лушникова, Степана Балабанова и Максима Галанцева; вскоре они оказались вместе с К. Мочаленковым в ирбитском тюремном замке. В сельцо Ивановское был направлен из Ирбита урядник, на которого возлагалась задача «наблюдать» за исправным выполнением крестьянами издельной повинности. Но слушаться его никто не хотел. В одном из рапортов урядник сообщал, что ему угрожают. Помощник волостного старшины Федор Юматов в ответ на приказ выслать людей для полевых работ на пашне помещиков заявил: «Побереги свое здоровье, а то будешь навеки несчастным». 20 июля в волость в сопровождении станового пристава опять прибыл мировой посредник Аршеневский; предварительно он приказал крестьянам собраться на сход. Однако в волостном правлении приехавшие не застали ни души: жители «по упорству и дерзости» не захотели явиться «пред светлые очи» начальства. Оставалась одна надежда — на военных карателей.

К этому времени исправником в Ирбите стал капитан Сабашинский. 26 июля он с поручиком Федоровым и 39 «нижними чинами» из местной команды внутренней стражи прибыл в сельцо Ивановское. С ними был и Аршеневский. К шести часам вечера около 60 жителей сельца по распоряжению исправника собрались на площади, расположенной между одним из господских домов и рекой Ницой. Солдаты с заряженными ружьями окружили толпу. Крестьяне стояли с обнаженными головами, но страха у них не замечалось. Три часа безуспешно «вещевали» их по очереди исправник, мировой посредник и помещик Григорий Иванов. Лишь однажды мужики дрогнули — когда Сабашинский назвал их «изменниками государю». Они «в одно мгновение все пали на колени и закричали почти в один голос: «Мы верные слуги государя, но принять земли не можем...».

Не добившись повиновения, исправник приказал арестовать присутствовавших на сходе крестьян. Они были разделены на три группы: «совершенно упорных, отрицающих всякое соглашение; имеющих влияние на общество, но менее упорных, говорящих только, что они согласны на все, на что мир согласится», и, наконец, «готовых согласиться беспрекословно, но боящихся мира». Последних оказалось немного, их быстро освободили из-под ареста. С остальными с утра следующего дня опять началась «воспитательная работа». Для начала доставили к начальству 8 человек («более упорных четыре и столько же менее упорных»). Осознав тщетность собственных усилий, исправник и посредник пригласили священника. Около четырех часов тот убеждал крестьян «именем Христа Спасителя, распятие которого держал в руках пред собою, раскаяться в своем заблуждении и исполнять требуемое от них Положением. Крестьяне, молясь на крест, твердили одно, что земля дорога, что они не надеются быть исправными плательщиками за нее выкупной платы, что, не пользуясь землей, они не считают себя обязанными исполнять издельную повинность и, наконец, они просят не принуждать их ни к чему до получения ответа на поданное ими прошение господину министру (но какому, объяснить не могли) и его императорскому высочеству государю великому князю Константину Николаевичу».

Очень сильна была вера крестьян в заступничество царствующего дома и в то, что они поступают «по закону». Еще бы! Сам «посланник царя, великий князь Михаил Николаевич» уверял их недавно в этом! Местное же начальство в сговоре с помещиками, полагали бывшие крепостные, преступило волю монарха, ввело в заблуждение священника.

Вскоре «Михаил Николаевич» вновь появляется на сцене. 28 июля он возвращается в село Красное и останавливается в доме крестьянина Федора Ермакова. И в этот раз его сопровождала та же женщина. Приезжий поспешил отправиться на местный базар, очевидно, чтобы увидеть там кого-либо из жителей сельца Ивановского. Его надежды оправдались. Временнообязанный Иван Шмелев того же 28 июля показывал на допросе: «Сегодня пришел я в село Красное по своей надобности и встретился с Мокеем Митрофановым, Павлом Мартыновым и Степаном Карасевым, которые мне сказали, что наш ходатай ходил по базару, мы и стали следить за ним, куда он пойдет». Узнав, где квартирует «ходатай», Шмелев решил посетить его. «Придя, поклонился ему в ноги, — продолжал свои показания Шмелев. — ...Спрашивал меня, что у вас делается, и, когда я ему сказал, что у нас военная команда и что многие из наших содержатся (под арестом. — *Н. М.*), то он сказал, что это незаконно». Расставшись с «князем», крестьянин обдумал ситуацию и пришел к выводу, что, «если он и есть такой, как он себя выказывает, то он не побоится и чиновников, которые у нас в деревне и содержат односельцев под караулом и принуждают принять землю». Поэтому Шмелев отправил встреченного односельчанина Полякова в Ивановское с сообщением о прибытии «царского посланника»; сам же вернулся в дом Ермакова, чтобы «занять» таинственного гостя. Тот, однако, заявил, что «ему оставаться здесь некогда, а чтобы... дали ему три рубля и верного человека, с которым он поедет в Ирбит и оттуда направит новую просьбу; стоять же он будет на квартире в г. Ирбите у купца Ячменева и там он обработает наше дело».

Эти слова зародили в душе крестьянина сомнения: непонятно было, почему «Михаил Николаевич» боится встречи с уездными чиновниками, которые явно нарушают закон и которые сами должны трепетать перед «великим князем». Он вышел на улицу и, увидев возле дома Степана Карасева, присел вместе с ним здесь же на лавочку. Появившаяся в дверях дома жена «ходатая» обратилась к ним с просьбой: «Вы, старички, смотрите, не предайте нас начальникам», что еще более смутило Шмелева.

Тем временем к «царскому посланнику» в гости пришли отставной солдат Федор Шагин, крестьянин Терентий Лушников и жена Кузьмы Мочаленкова Анна. Двое первых скоро удалились, а Мочаленкова осталась в доме и была там, когда прибыли урядник Оренбургского казачьего войска И. А. Борисов (служивший при Ирбитском уездном полицейском управлении) и двое казаков, посланных Аршеневским. «Князь» сначала не хотел следовать с казаками в сельцо Ивановское, но потом смирился.

Утром того же дня с арестованным уже беседовал исправник. На вопрос, кто он такой, незнакомец отвечал, что «не дает ответов иначе как в присутственном месте». Исправник в резкой форме заметил, что ему «всякий должен давать надобный ответ под опасением строгого по законам взыскания». Тогда задержанный признался, что он — «отставной мастеровой Богословских заводов Данило Петров Тяжелков».

Арестант происходил «из мастеровых детей ведомства горного» и был типичным российским правдолюбом, постоянно сочинявшим прошения на Высочайшее имя и вызывавшим тем самым розги и гнев начальства.

«Наталья Петрова Тяжелкова», назвавшаяся на первых допросах женой Данилы Петровича, на деле оказалась женой богословского мастерового Егора Вьюшкова Натальей Поликарповной. В 1863 году ей исполнилось только 28 лет. С законным своим мужем она не жила лет пять, с тех пор как любовь свела ее с Тяжелковым. Из Богословска они «скрылись», как сообщало Богословское волостное правление, весной 1863 года и отправились первоначально, видимо, на Нижнетагильский завод. Тяжелков распространял между мастеровыми Нижнетагильского завода «нелепые слухи о правах, дарованных Положением... 19 февраля, обещал, что уставные грамоты будут переделаны». Нижнетагильские мастеровые поверили, что он «действительно правильно разъясняет права их»; в местном «народе усилился ропот на введенную уставную грамоту». На собиравшихся стихийно сходах мастеровые выносили решения об отказе от выполнения повинностей, возлагаемых на них по уставной грамоте. Местный исправник поспешил выдворить Тяжелкова из Нижнетагильска. Дальнейшие приключения «великого князя» нам известны.

...31 июля Сабашинский телеграфировал военному губернатору: «Поимка князя, телесное наказание упорных имели свое действие... Повиновение восстановлено. Часть команды вывожу, остальную разрешите вывести через неделю». 1 августа пришел ответный «телеграмм» (как тогда говорили): «Прошу, чтоб не было князей-самозванцев и вздора. Держите в порядке. Команду выводите, как сочтете нужным».

6 августа Тяжелков предстал перед следственной комиссией (заседала она в сельце Ивановском). Первым делом «князь» спросил, «не получен ли ответ на прошение, поданное на имя великого князя Константина Николаевича». Получив отрицательный ответ, он заявил, что отказывается от дачи показаний. Посовещавшись, члены комиссии решили признать его главным виновником беспорядков в Ивановской волости и отправить в Ирбитский тюремный замок.

В Ирбите следственная комиссия продолжила свою работу. Никаких показаний от самозваного князя она так и не получила. 31 декабря местное полицейское управление уведомило следователя, что узник тюремного замка Данило Тяжелков умер. Но только в сентябре 1865 года дело о «беспорядках» в Ивановской волости было закрыто. Никто из крестьян не был осужден. Наталью Вьюшову отослали в Верхотурье; 15 марта 1867 года Верхотурский уездный суд постановил оштрафовать ее за самовольную отлучку «из жительства» на 5 руб., а за «прелюбодеяние» с Тяжелковым предать «суду духовному». Бывшая подруга «великого князя» опять оказалась в доме законного супруга Егора Вьюшкова...

В результате всей этой истории — бунта крестьян и заступничества «князя» — помещикам Ивановым пришлось все же сделать некоторые уступки: были уменьшены размеры издельной повинности, уточнены границы передаваемых бывшим крепостным земель. Вера хлебопашцев в государя отнюдь не была поколеблена. Однако той воли, какую крестьяне сельца Ивановского искренне надеялись получить, они не дождались.

г. Екатеринбург

А БЫЛ ЛИ ОРДЕН?

Знамя махновцев

«Я где-то читал, что легендарный батька Махно был награжден орденом Красного Знамени. Хотелось бы прочитать на страницах вашего журнала текст приказа о награждении и узнать номер ордена.

С уважением, В. Лазарев (Ростов-на-Дону)».

Ответить на вопрос нашего читателя мы попросили кандидата исторических наук ВЛАДИМИРА ЕРМАКОВА и сотрудника Российского государственного военного архива ПАВЛА АПТЕКАРЯ.

Ближайшее окружение Махно (1919).

Владимир Ермаков:
Действительно, в целом ряде работ последнего времени было заявлено о том, что Нестор Иванович Махно — анархист, руководитель повстанческого движения крестьян Украины — награжден орденом Красного Знамени.

Вот как писал об этом В. Савченко (История СССР. 1990. № 2. С. 82): *«За ряд побед над деникинцами Махно был награжден орденом Красного Знамени».* И. Мороз в статье «Предводитель неизвестной войны» (Аргументы и факты. 1990. № 37. С. 6) повествует об этом событии таким образом: *«В списке первых награжденных орденом Красного Знамени четвертая строка густо замазана черной краской. Под ней прячется неожиданная, непривычная для советского человека, воспитанного на «кратком курсе» и литературе социализма, фамилия — Махно...»*

Более красочно о награждении Н. Махно написали Ю. Сяков (Час Пик. 1991. № 34) и А. Вотгель (Казахстанская правда. 1990. 1 ноября), опирающиеся на почему-то известные только им воспоминания жены Махно Галины Кузьменко. Ю. Сяков: *«А ведь он был на-*

гражден орденом Красного Знамени раньше Климента Ворошилова и Семена Буденного! Но не стал «первым красным офицером» и лучшей шашкой республики. Защищая вольных землепашцев, он оказался заложником скрытых и явных политических интриг, которые в конечном счете и определили его судьбу. Даже объявленный вне закона, Махно продолжал воевать на стороне Советской власти, потому что видел в вольных Советах идеал, который отвечал мужицким интересам». И далее: *«4 июня 1919 года в Гуляй-Поле был настоящий праздник. В штабе Махно чувствовалась настоящая приподнятость. Хлопцы улыбались и поздравляли друг друга. Нестор сидел за столом. Рядом с ним были телохранители Петр Лютый и Сидор Лютый. Потом пришли Виктор Белаш, Лева Задов, братья Махно — Григорий и Савелий, Семен Каретник, Алексей Марченко и другие товарищи. Нестор сказал мне: «Ты, Галя, руководи, чтобы стол был накрыт всем, что надо».*

Нестор послал своего брата Григория на станцию встречать Клима Ворошилова. Он приехал туда на бронепоезде. Григорий встретил Ворошилова и пригласил его в штаб Махно. Лихая тройка повезла Ворошилова к штабу. Мы вышли на крыльцо. Под звуки оркестра, игравшего «Интернационал», Ворошилов подъехал к стройным рядам украинских партизан. Махно вышел вперед и доложил: «На фронте держимся успешно. Идут бои за Юзовку и Мариуполь. От имени революционных повстанцев приветствую Вас, товарищ Ворошилов. Докладывает комбриг батько Махно».

Крепкое рукопожатие. Махно представил Ворошилову членов Гуляйпольского исполкома и своего штаба. Ворошилов осмотрел бойцов запасного полка, которые в это время находились в Гуляй-Поле, и кавалеристов.

Потом состоялся митинг, на котором Нестор заверил Советское правительство в дружбе, обещал помочь в военных действиях против белых.

Потом все были приглашены за стол. Ворошилов сел против Нестора и его помощников. Потом Ворошилов поднялся и сказал: «По поручению Реввоенсовета разрешите вам вручить, Нестор Иванович, орден за оборону Южного фронта и взятие Екатеринослава». Нестор взял орден и ответил: «Я воюю не за ордена, а за победу революции. Я крестьянин, и наша цель уберечь революцию от белых. Выпьем за светлое будущее».

Потом все кричали «ура», играл духовой оркестр.

После короткого веселья Нестор с Ворошиловым ушли в штаб. На следующий день Ворошилов уехал, а Махно из штаба Красной Армии прислали машину и самолет».

Что смущает историка в данных утверждениях? Прежде всего то, что ни в одной публикации, включая и научные, нет ссылки на документ, зафиксировавший факт награждения легендарного «батьки». Во-вторых, расходятся как обстоятельства награждения, так и время вручения ему ордена. И, наконец, ни в одной из работ, написанных ближайшим окружением Махно, а также им самим и в его письмах (а Н. И. Махно умер в эмиграции в 1934 году) об ордене Красного Знамени не говорится ни слова.

Приводимые Ю. Сяковым воспоминания жены Махно вряд ли можно отнести к достоверным.

Прежде всего потому, что мемуары Галины Кузьменко были уже неоднократно опубликованы. Но они повествуют о зиме и весне 1920 года, а никак не о событиях 1919-го. Никаких других воспоминаний жены Махно о гражданской войне не публиковалось и об их существовании ничего не известно. Историк С. Семанов в 60-е годы встречался с Г. Кузьменко и спрашивал ее об ордене Махно, на что получил следующий ответ: *«Нестор был действительно награжден орденом Красного Знамени, когда это случилось, я не помню, но сам орден помню очень хорошо, он был на длинном винте, его полагалось носить, проколов верхнюю одежду, но Нестор не надевал его никогда. Хранился он у меня, а во время бегства мы побросали все вещи, видимо, среди них и орден»*[1]. И еще: текст, приписываемый Г. Кузьменко, очень уж смахивает на воспоминания В. Антонова-Овсеенко, посвященные приезду в бригаду Махно 7 мая 1919 года Л. Каменева, К. Ворошилова, В. Антонова-Овсеенко и др. Однако во время их пребывания в лагере Махно ни о каком ордене речи не было.

Приведем выдержки из текста воспоминаний В. Антонова-Овсеенко: *«Лихая тройка промчала нас к крепкому поселку Гуляй-Поле. Под звуки оркестра, игравшего «Интернационал», перед фронтом загорелых партизан, навстречу комфронта вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: «Комбриг батько Махно. На фронте — держимся успешно. Идет бой за Мариуполь ...Основные части бригады в бою. Здесь — резервный полк и пара кавалерийских сотен»*... и т. д.[2]

Все вышеизложенное ставит под сомнение подлинность приводимых воспоминаний Г. Кузьменко. Тем более что 19 мая 1919 года бригада Махно была разбита войсками Шкуро, а 25 мая под давлением Л. Троцкого Совет Рабоче-Крестьянской Обороны УССР принял секретное решение, направленное против махновцев: *«1) Ликвидировать Махно в кратчайший срок. 2) Предложить ЦК всех Советских партий (коммунистов и украинских социалистов-революционеров-коммунистов) немедленно принять политические меры к ликвидации махновщины. 3) Предложить командованию УССР на протяжении суток разработать военный план ликвидации Махно. 4) Предложить ЦК прифронтовой линии организовать из своих отрядов полк, который должен быть немедленно брошен в район действий Махно. 5) Обратиться к реввоенсовету Южного фронта через Реввоенсовет Республики для координации действий по ликвидации Махно. 6) Это постановление довести до сведения Реввоенсовета Республики телеграфом»*[3].

Наряду с этим 2 июня 1919 года газета штаба РВС Республики «В пути» опубликовала статью Л. Троцкого «Долой махновщину!», а 6 июня Троцкий призвал разгромить махновщину. Спустя два дня, 8 июня, Н. Махно и его окружение были объявлены вне закона и подлежали суду Ревтрибунала.

Далее события развивались еще стремительнее.

6—9 июня 1919 года полки Н. Махно гибнут в боях против белых за Гуляй-Поле и Токмак, поэтому столь торжественная встреча Махно с Ворошиловым и вручение первому ордена Красного Знамени в начале июня просто не могла состояться. К тому же почти в то же время Н. Махно и его штабу было приказано явиться на ст. Гайчур (недалеко от Гуляй-Поля) для переговоров с наркомом внутренних дел УССР и командующим 14-й армией (именно эти посты занимал в то время К. Ворошилов). Красноармейские части своим невмешательством в боевые действия практически способствовали разгрому бригады Махно белыми, а 9 июня 1919 года вошли в Гуляйпольский район, но уже с целью уничтожения как белогвардейцев, так и объявленных вне закона махновцев. При этом части особого назначения под командованием комбрига К. Медведева и автобронедивизион арестовали в Гуляйпольском районе более тысячи махновцев. Прибывшие на ст. Гайчур члены махновского штаба были расстреляны. Та же участь постигла и махновскую делегацию в Харькове. Сам Н. Махно, предупрежденный о возможном аресте, ушел с небольшим отрядом в тыл белых, где спустя несколько месяцев, подняв крестьянские массы Украины на борьбу с деникинцами, оказал неоценимую и во многом решающую помощь Красной Армии в разгроме Добровольческой армии А. Деникина.

Можно было бы не писать столь подробно о деятельности Махно в 1919 году, если бы не еще одно упоминание о награждении Нестора Ивановича орденом Красного Знамени. В. Комин в книге «Нестор Махно. Мифы и реальность» (М., 1990. С. 43) написал: *«Кстати, за большой вклад в разгром Деникина Махно был награжден Советским правительством орденом Красного Знамени».* И на этот раз автор не указал ни точного времени, ни обстоятельств награждения, ни документа, подтверждающего награждение руководителя повстанческого движения на Украине.

Карательный отряд батьки Махно

Итак налицо еще одна из нераскрытых «тайн» нашей истории. Причем нет никаких гарантий в том, что эта «тайна» не создана самими же публицистами и историками.

Павел Аптекарь:

Многие историки в течение продолжительного времени дебатируют вопрос о награждении руководителя повстанческого движения на Украине Н. И. Махно первым пролетарским орденом — орденом Красного Знамени. Те, кто уверен в факте награждения, считают,

что Нестор Иванович получил орден за заслуги в организации антигерманского и антигетманского крестьянского движения, которое сыграло одну из решающих ролей в установлении Советской власти на Украине и поражении армии генерала Краснова в Донецком бассейне.

Однако длительный и тщательный поиск в документах управления делами Реввоенсовета Республики, где хранятся приказы о награждении орденами и почетным революционным оружием, не привел к положительным результатам. Были просмотрены также материалы штаба Украинского фронта, поскольку утверждалось, что награду вождю анархистов вручал сам командующий фронтом, известный революционер В. Антонов-Овсеенко. К сожалению, не нашлось даже представления к награждению командира Заднепровской бригады.

Впрочем, сказанное выше вовсе не исключает воз-можности того, что Махно получил все-таки орден Красного Знамени из рук Антонова-Овсеенко, поскольку командующий Украинским фронтом любил раздавать ордена и прочие награды прямо на позициях, а затем забывал о документальном подтверждении раздач. Об этом писали фронтовые и армейские политработники Украины, разумеется уже после снятия Антонова-Овсеенко с занимаемой должности.

Махно со своим штабом

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семанов С. Н. Под черным знаменем, или Жизнь и смерть Нестора Махно. М., 1990. С. 35—36.
2. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М., 1924. Т. 4. С. 110.
3. Нестор Иванович Махно. Материалы и документы. К., 1991. С. 16.
4. См.: Савченко В. А. Измена «батьки» Махно и «железная метла» Л. Д. Троцкого//История СССР. 1990. № 2. С. 84.

ЭККЕХАРД КЛЮГ (ФРГ)

СОПЕРНИЦА МОСКВЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Вторая половина XIII века

Европа: 1274 – конец земной жизни Фомы Аквинского, автора знаменитой «Суммы теологии», легшей в основу католической философии – томизма.

1294 – начапо Швейцарской конфедерации.

1270-е годы – в Крыму начинает распространяться ислам.

Азия: 1258 – монголы берут Багдад. Падение халифата Аббасидов.

1279 – монголы завоевывают Северный Китай.

Америка: майя начинают доминировать на Юкатане.

Глухое время: вторая половина XIII века...

Великого Киева уже нет — Киевская земля разорена и поднимется нескоро.

Великой Москвы еще нет — ее возвышение начнется фактически только в следующем, XIV веке.

Что же — и Руси нет? И великого князя Владимирского? И между Александром Невским и Иваном Калитой — темный провал, антракт на сцене истории?

Московские летописцы, создававшие официальную историю возвышения Москвы, не особенно жаловали историю «чужих» княжеств. А между тем именно во второй половине XIII века начался подъем Тверского княжества — такой мощный, что породил вероятность того, что Тверь была бы сейчас столицей России, а Москва — областным городом.

Более века не интересовались Петербург и Москва историей Тверского княжества. В этом году тверичи (компания АНТЭК) сами взялись за свою историю и издали капитальное исследование современного немецкого историка Эккехарда Клюга «Сосед и соперник Москвы: Тверское княжество (1247—1458)». Тираж книги мал, цена высока (правда, и качество отменное), поэтому мы решили представить читателям — в сокращенном виде — рассказ о неожиданно быстром возвышении Твери при Ярославе Ярославиче — великом князе Владимирском, младшем брате и наследнике Александра Невского.

Составитель «Степенной книги», произведения московской публицистики XVI века, вкладывает в уста умирающего великого князя Ярослава Всеволодовича, отца первого тверского князя, следующие слова:

Возлюблении мои сынове,
плод чрева моего,
храбрый мудрый Александре
и спопешный Андрей
и удалый Констянтине
и Ярославе
и милый Даниле
и добротный Михаиле...

Один Ярослав Ярославич не наделен здесь никаким украшающим его эпитетом. Действительно ли Ярослав был единственным не достойным похвалы сыном великого князя Ярослава Всеволодовича, как это ясно хотел продемонстрировать своим читателям автор московской «Степенной книги»?

Портрет Ярослава Ярославича, изображаемый историками, соответствует в целом этому негативному взгляду. Н. М. Карамзин указывал на недостаток «воинственного духа» у Ярослава и критиковал его за натравливание монголов на Новгород. В. С. Борзаковский полагал, что Ярослав позволил себе руководствоваться в своей деятельности «узкими интересами» своего удела. В «Очерках истории СССР», пособии, составленном в сталинскую эпоху, Ярослав Ярославич назван «великим» князем только в кавычках. При этом указывается, что время его правления было отмечено «значительным упадком единой государственной власти».

Эти негативные оценки определяются тремя частично взаимосвязанными факторами.

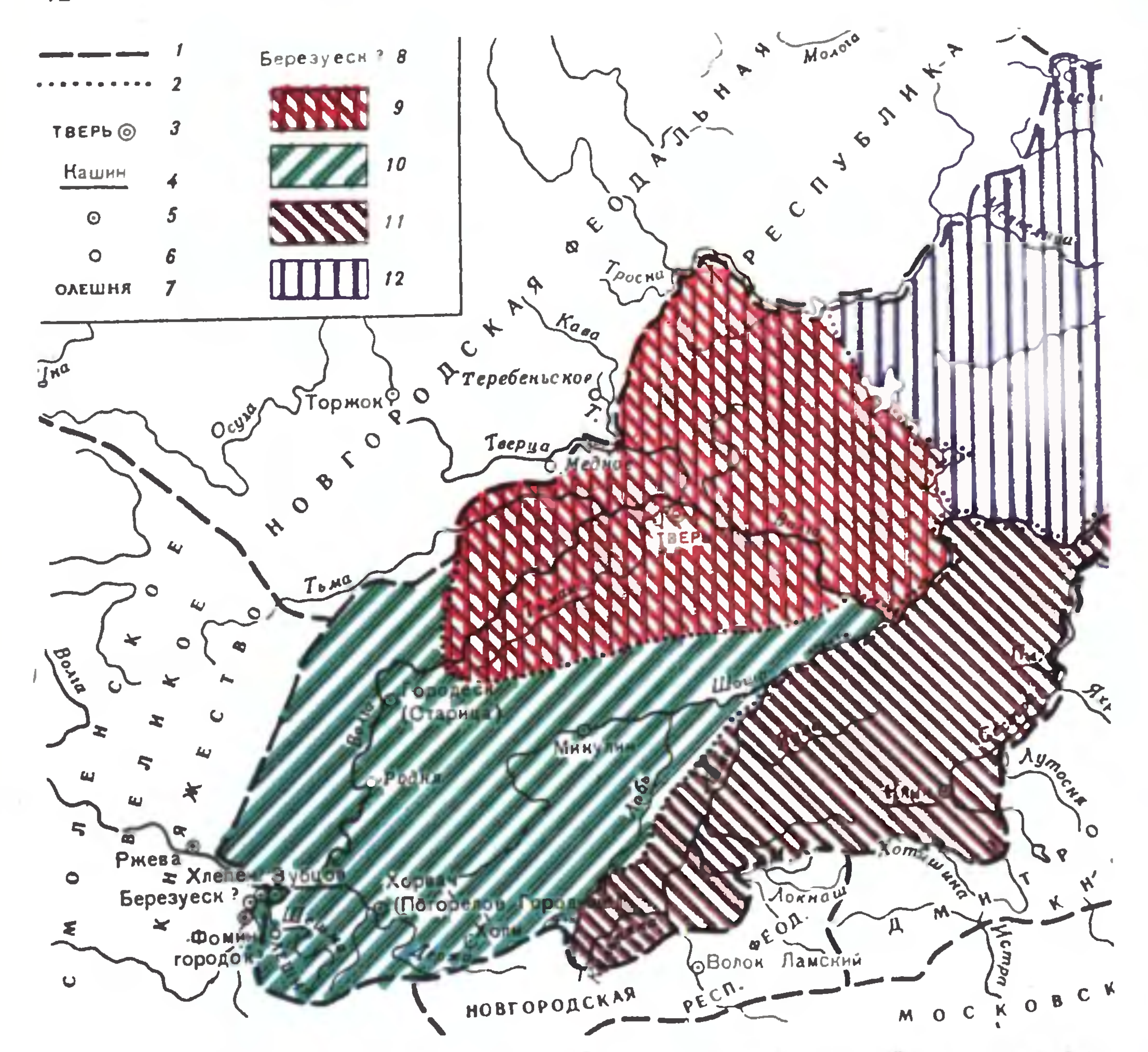
Для вынесения благоприятного по отношению к Ярославу Ярославичу суждения весьма отрывочная и, помимо этого, частично подверженная влиянию враждебных тенденций традиция не дает достаточной базы.

Весьма частое превознесение Александра Невского, предшественника Ярослава Ярославича на великом княжении, требует соответствующего принижения Ярослава. Это соображение сохраняет свою силу, даже если допустить, что Александр Невский и в самом деле был более значительной фигурой русской истории, чем Ярослав Тверской.

Московская сторона должна была быть заинтересована в том, чтобы затушевать великокняжеское достоинство Ярослава, — ведь отсюда вытекали притязания его сына Михаила на великокняжеский престол по праву старшинства, и Михаил спорил в 1304 году за обладание великим княжением с московским князем Юрием Даниловичем.

Существует также достаточно широко распространенный в научной литературе взгляд, согласно которому с Ярослава Ярославича начинается череда «патримониальных» великих князей, то есть таких великих князей владимирских, которые управляли великим княжеством из своих прежних удельных княжеств и рассматривали прилегающую к Владимиру территорию всего лишь как некий довесок к своей власти.

В то время в Суздальской Руси происходила смена правителей: в конце 1240-х годов старшие братья Ярослава — Андрей Ярославич Суздальский и Александр

Невский — вытесняют своего дядю Святослава, князя переяславского и новгородского, с великокняжеского престола. В 1251 году Александр воспользовался восшествием на престол нового великого хана Мунке (Менгу), чтобы изменить соотношение сил на Руси в свою пользу. Александр был единственным из русских князей, кто поехал к татарам; на следующий год он вернулся в Суздальскую землю, наделенный «старейшинством» над всеми своими братьями.

Весной или летом 1255 года отношения между Ярославом и Александром действительно стали конфликтными: новгородцы изгнали из своего города сына великого князя Василия и призвали вместо него на новгородское княжение пребывающего в Пскове тверского князя. Александр тут же направился с войском к городу на Волхове, и Ярослав бежал.

После этого эпизода тверской князь не упоминается в летописях на протяжении трех лет. В 1258/59 году он отправляется в Орду вместе с великим князем Александром и князьями Борисом Ростовским и Андреем Суздальским. По распоряжению Александра осенью 1262 года Ярослав предводительствовал в успешном военном походе против Дерпта (Юрьев). Хотя договор, заключенный вскоре после этого между Новгородом и немецкими городами Ливонии, Готланда и Любеком, и упоминает на новгородской стороне лишь князя Александра и его сына, скреплен он и печатью тверского князя Ярослава Ярославича.

...14 ноября 1263 года на обратном пути из Орды умер Александр Невский. По праву старшинства на наследование ему претендовал бы Андрей Ярославич, князь суздальский. Однако Андрей умер уже в 1264 году.

Тверское великое княжество к 1322 г. (по В. А. Кучкину).
1 — границы княжеств;
2 — границы уделов;
3 — столицы княжеств;
4 — центры уделов;
5 — города;
6 — села;
7 — волости;
8 — населенные пункты, местоположение которых дано предположительно;
9 — удел великого князя Дмитрия Михайловича;
10 — удел князя Александра Михайловича;
11 — удел князя Константина Михайловича;
12 — удел князя Василия Михайловича.

Возможно, ему не хватило времени, чтобы после смерти старшего брата выпросить в Орде ханский ярлык. Хотя у В. Н. Татищева и говорится о борьбе за великое княжение между Андреем и Ярославом Ярославичем, источниками факт этой борьбы все же не подтверждается. Многие известия, напротив, указывают на то, что Ярослав стал великим князем лишь после смерти Андрея, не столкнувшись при этом ни с каким сопротивлением. К тому же трудно себе представить, что в более позднее время московские компиляторы оставили бы без внимания информацию об узурпации великокняжеского достоинства первым тверским князем.

***

Ярослав Ярославич стал великим князем владимирским почти четверть века спустя после монгольского нашествия. Еще при отце Ярослава обозначилась определенная политическая линия, которой следовал и Ярослав: отпор западным врагам Руси ценой подчинения ханской власти. Поскольку Орда лояльно относилась как к православной вере, так и в основном к правам русских князей, владычество Орды было сравнительно меньшим злом.

Ярослав Ярославич не добился таких явных успехов, как его старший брат Александр в 1240 году на Неве против шведов и в 1242 году на льду Чудского озера против рыцарей Ливонского ордена. Несмотря на это, следует отметить, что добытая при его поддержке победа при Раквере (Везенберге) в 1268 году и в первую очередь договор, заключенный с Орденом зимой 1269/70 года после сбора войск Ярославом, стали основой для более длительного мира; эта основа была существеннее побед Александра, если рассматривать их в ретроспективе.

Признание татарского владычества было связано для русских князей с необходимостью часто появляться при ханском дворе и обеспечивать себе «приношениями» ханскую благосклонность. Источниками подтверждаются только две поездки Ярослава в Орду: в 1258/59 году и непосредственно перед смертью, — в 1271/72. Помимо этого он должен был побывать у хана при получении великого княжения в 1264 году и еще раз в начале 1267 года после смерти хана Берке. Об этих двух поездках летописи ничего не сообщают, как не содержат они сведений и о татарских налоговых переписях при Ярославе Ярославиче, проводившихся во время правления как его предшественника на великокняжеском престоле Александра Невского, так и преемника — Василия Ярославича.

Хотя летописцы на удивление мало сообщают об отношениях Ярослава с Ордой, ясно все же, что эти отношения должны были иметь вполне позитивный характер. Участие великого баскака в походе на Ревель в 1269/70 году было, по утверждению В. В. Каргалова, первым случаем непосредственного участия татар в великокняжеских акциях. Эта оценка верна в той степени, в которой подразумеваются военные предприятия, направленные против нерусских сил. Татары энергично поддержали в свое время уже и Александра Невского, войска которого разбили в 1252 году под Переяславлем Андрея Ярославича; тем самым татары открыли для Александра путь к великокняжескому престолу. Поездка к хану, предпринятая великим князем зимой 1270/71 года, оказалась его последней политической акцией: Ярослав Ярославич умер на обратном пути зимой 1271/72 года. Его тело доставили в Тверь *«епископъ Семенъ, игумени, и попове, певше надь нимь обычныя песни, и положиша его на Тфери въ церкви святого Козмы и Демьяна»*. В другом летописном сообщении епископ прямо обозначен как «Симеон Тферский».

За полвека до этого Тверь была всего лишь пограничным укреплением; в ней даже не было княжеского стола. Приобретя епископскую кафедру, она превосходила теперь большинство других городов русского северо-востока. Тверь росла так быстро, что уже в первой половине XIV века упоминаются первые здания и рынок на посаде. Хотя Тверь была защищена от нападений не так хорошо, как расположенная среди лесов и болот Москва, зато она была наиболее удалена от самых значительных городов Суздальской земли, пунктов, через которые татары и вторгались на Русь. Таким образом, хотя княжества Московское и Тверское отличались во многих отношениях по предпосылкам своего развития, их сила после «ускорения» Москвы в первые годы XIV века была примерно равной. Однако московский правитель Даниил Александрович, ожидавший своего восшествия на великокняжеский стол, имел на руках лучшие карты, способствующие превращению силы Московского княжества в верховную власть над Русью.

Стоит, впрочем, указать на одно весьма своеобразное и заслуживающее внимание известие под 1408 годом: правящий в Твери Иван Михайлович в ходе конфликта с Москвой обращается к великому князю московскому, утверждая, что его предок Ярослав Ярославич во время своего семилетнего великого княжения вырастил малолетнего сына Александра Невского Даниила и управлял его Московским уделом через своих служилых людей. Даниил был первым князем московским, Ярослав — первым князем тверским.

Со всей осторожностью, вызванной необходимостью учитывать малое количество дошедших до нас источников, можно констатировать следующее:

Ярослав Ярославич преследовал далеко выходящие за рамки его удела политические цели. Опираясь на власть и авторитет, полученные им вместе с великокняжеским титулом, он попытался укрепить или же утвердить свое господство в Новгороде и Пскове; одновременно он стремился защитить северо-запад Руси от рыцарей Ливонского ордена. С другой стороны, он не забывал и о своем собственном уделе.

АЛЕКСАНДР ЧИСТИКОВ

ТРОЙКА, СЕМЕРКА, ТУЗ...

Плоска я, пестра, собою пригожа, иных увеселяю, других обогащаю, а третьих разоряю.

(ИГРАЛЬНАЯ КАРТА)

В этой бесхитростной загадке, придуманной русским писателем и ученым А. Т. Болотовым, довольно точно намечены возможные судьбы поклонников карточной игры. Проигравших, как правило, оказывалось гораздо больше, чем выигравших. Оберегая покой сограждан, государство с момента появления карточных игр в России в XVII веке не единожды уделяло внимание этому увлечению своих подданных.

При царе Алексее Михайловиче с игроками в карты обращались как с татями, то есть ворами. Его сын, Петр I, сам более любивший шахматы, тоже не поощрял карточные игры на деньги. «Дщерь Петрова», императрица Елизавета, попыталась разделить все игры на коммерческие и азартные, первые из которых были разрешены. В отличие от азартных игр, где выигрыш или проигрыш зависел от слепого случая, в коммерческих от играющих требовались известное искусство и расчет. И в дальнейшем российские императоры пытались запретить игру как промысел и разрешить ее для забавы. Немалое число законов было разработано по этому поводу, но слепой азарт или холодный расчет нередко толкали людей на нарушение юридических норм.

А какой же была советская государственная политика по отношению к азартным играм?

24 ноября 1917 года Петроградский военно-революционный комитет (ВРК) постановил *«закрыть все клубы и притоны, где производится игра в карты»*[1]. При комитете была образована специальная комиссарская должность: *«по борьбе с алкоголизмом и азартом»*. Решительность, с которой большевики начали борьбу с азартными играми, объяснялась не только дореволюционной традицией или заботой о нравственном облике строителей нового общества. В тайных притонах и полулегальных частных, антрепренерских клубах нередко искали заговорщиков против советской власти. Здесь традиционно скапливался криминогенный элемент. Игральные карты и другие «инструменты азарта» конфисковывались, а деньги передавались в распоряжение местных Советов. Игорные клубы власти закрывали, а на их месте создавали иные учреждения. Так, в бывшем клубе «Якорь», что на углу 1-й линии и Среднего проспекта на Васильевском острове в Петрограде, открылись советский клуб и общество пролетарских искусств; на улице Жуковского — петроградский мусульманский кружок фабрично-заводских рабочих и трудового крестьянства.

Сосредоточив первостепенное внимание на притонах и частных клубах, ВРК не упустил из виду и общественные собрания, первые из которых возникли в России еще в XVIII веке. Они существовали за счет продажи билетов на спектакли, дохода от торговли в их буфетах, но большей частью благодаря прибыли, получаемой от разрешенных здесь карточных игр. От антрепренерских клубов их отличали постоянный состав посетителей, прочные традиции, активная благотворительная деятельность. 6 декабря 1917 года в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» тогдашний комиссар по борьбе с алкоголизмом и азартом И. В. Балашев объявил, что все председатели или директора общественных собраний обязаны в трехдневный срок сообщить подробные сведения о деятельности своих организаций. В противном случае они закрывались.

Из письма «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской своей сестре Н. К. Лишиной от 2 ноября 1909 года

«(...) Голубушка моя, ты напрасно упрекаешь себя за свой невинный «преферанс по маленькой». Ничем он не хуже всякого другого развлечения для того, кто не танцует и не прыгает в обществе. Игра в карты, как и всякая игра, может быть осуждаема не сама по себе, а тогда, когда она есть выражение корысти или страстной привычки, поглощающей способности человека.

А если старый человек, всю свою жизнь работавший на долг и на совесть, захочет хоть каждый вечер провести час-другой за шахматами, картами, ребусами, бирюльками и т. п., то нет в этом ровно ничего предосудительного. Ведь если и читать с целью развлечения и заполнения времени только, не то ли самое выходит? А тот, кто не может принимать участие в общем разговоре, тем больше имеет права отдаваться занятиям, могущим интересовать его хоть сколько-нибудь!»

(Государственный музей истории Санкт-Петербурга, документальный фонд (архив Г. А. Иванишина). КП-352712. Л. 156об.—157об.)

Различный подход к антрепренерским и общественным клубам объяснялся, видимо, прежде всего тем, что новая власть сразу просто не могла охватить всю сеть организаций, где играли в карты. Но можно допустить, что в отношении общественных собраний поначалу не сформировалась четко выработанная позиция. Как бы то ни было, Благородное и Русское купеческое собрания, Экономический клуб, Литературно-художественное и им подобные общества получили возможность работать.

Вскоре ВРК прекратил свое существование, передав эстафету борьбы с азартными играми советским органам города. Те, в свою очередь, неоднократно напоминали через газеты, что все *«буржуазные притоны карточного азарта»* должны быть закрыты. Уклоняющихся от исполнения этих постановлений ждали либо штраф в 3 тысячи рублей, либо тюремное заключение.

Впрочем, сама власть не всегда была последовательна в своих действиях. С одной стороны, карательные меры, доходящие порой до курьеза; с другой — официально разрешенная, по крайней мере до мая 1918 года, продажа игральных карт в специализированном магазине, находящемся в ведении Народного комиссариата государственного призрения.

С этим магазином связана скандальная история. Из-за карточного дефицита перед магазином не исчезали очереди. Получив согласие комиссариата призрения на повышение цены на карты в 9 с лишним раз, заведующий магазином Егоров принялся продавать старые запасы уже по новой цене. За короткое время его прибыль достигла 900 000 рублей. Но попался он на другом — на вымогательстве. Покупатель из Одессы Анчиполовский получив со склада магазина 200 дюжин карточных колод, был арестован у ворот какими-то «солдатами». По дороге в комиссариат местной милиции Анчиполовского вытолкнули из пролетки, а товар увезли. Догадавшись, что «солдаты» связаны с Егоровым, одессит явился к заведующему за возмещением убытка. Егоров, в свою очередь, потребовал деньги, и конфликт завершился судом революционного трибунала над продавцом игральных карт.

Борьба с «азартом» шла с переменным успехом. Закрывались одни притоны, на их месте вырастали другие. Но напуганные суровыми карами некоторые владельцы чайных и трактиров старались не нарушать приказ о запрете на азартные игры. Иногда подобная законопослушность оборачивалась трагедией. Об одной из них рассказала «Красная газета» в январе 1918 года. Когда в чайной «Незабудка» на Васильевском острове один из посетителей затеял игру в карты, хозяин попытался пресечь ее. Разгневанный посетитель набросился с кулаками на прислугу и жену владельца заведения. Защищая их, хозяин выстрелом из пистолета убил хулигана, за что был арестован и предан народному суду.

Новая волна борьбы с «азартом» пришлась на весну 1918 года, когда верховная власть в городе перешла в руки совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны. На заседании 23 марта комиссары постановили *«закрыть все клубы и собрания, в коих будут допущены игры в карты, лото и пр.»*[2]. Декрет в основном был направлен против общественных собраний, так как в отношении притонов, антрепренерских клубов и игорных домов запрет действовал и ранее.

Представители собраний, как и следовало ожидать, весьма болезненно отреагировали на постановление властей. В совет комиссаров посыпались умоляющие прошения и заявления. *«В настоящее время ни один клуб не может существовать материально без доходов, даваемых играми»*, — свидетельствовал старшина петроградского Благородного собрания Н. Зеленин. *«Всякие репрессии и ограничения в отношении официальных мест игры всегда порождали клубы антрепренерские и притоны, где игра и времяпрепровождение принимали уродливые формы»*, — предупреждали председателя совета комиссаров Г. Е. Зиновьева представители служащих Финансового и коммерческого собрания Петрограда[3]. Но авторы посланий не ограничивались только мольбами и перечислением своих прежних и нынешних заслуг на ниве благотворительности. Руководство нескольких петроградских обществ в своем обращении от 18 апреля предложило совету комиссаров часть средств собраний (в процентах от валового дохода) направлять в городскую казну. За правильным соблюдением уставов и распоряжений властей, за сбором средств, по их мнению, мог наблюдать один из городских комиссариатов[4].

Как ни удивительно, но подобные идеи за несколько дней до этой записки высказал комиссар городского хозяйства Петрограда, будущий «всесоюзный староста» М. И. Калинин. 15 апреля в совет комиссаров поступила его докладная записка «По борьбе с азартом (или о клубах и собраниях)». В ней предлагалось все заведения, где существует карточная игра, подвергнуть обложению в пользу города в размере 10—30 процентов от их валового дохода. Свою идею Калинин подкреплял уверенностью, что *«парализовать хотя бы в этой части завоеванную свободу не соответствует демократическим взглядам, что искоренить репрессиями присущее природе человека влечение к играм вряд ли является возможным...»*[5]. Он даже подготовил соответствующий проект декрета, в котором оставалось лишь проставить дату утверждения.

Но соображения Калинина не встретили понимания и поддержки со стороны других городских чиновников. Комиссар внутренних дел Союза коммун Северной области М. С. Урицкий, на отзыв которому была передана эта докладная записка, заметил: *«Согласен с Калининым, что полицейскими мерами азартных игр не уничтожить. Их не уничтожить также и теми мерами, которые предлагает Калинин. ...Я не был сторонником декрета о закрытии клубов, но полагаю, что раз он издан, необходимо с его отменой не спешить»*[6].

Аналогичным образом, вероятно, рассуждали и остальные комиссары. В результате идею экономической выгоды принесли в жертву политическим установкам. Причиной закрытия общественных собраний, конечно, стало не только наличие в них карточной игры. Само существование клубов и обществ, купеческих, благородных и им подобных, просто не вписывалось в представление о новой жизни. Кроме того, национализированные здания можно было использовать для нужд новой идеологии: разместить, например, в доме Благородного собрания «Дворец пролетарской культуры».

Вскоре остановилось производство игральных карт на петроградской карточной фабрике. Однако репрес-

Прошение
от Елены Михайловны Новиковой.

Покорнейше прошу товарищей о разрешении на право мне иметь вывеску по Гаванской улице над парадным входом у дома № 44-а кв. 16 по моей специальности: гаданию на картах, на воде и по линиям рук. Покорнейше прошу не отказать в моей просьбе.
20 ноября 1919 год. Елена Новикова.

На прошении наложены две резолюции:
1. «В Советской Республике надо заниматься только производительным общественно-полезным трудом. Посему в просьбе отказать. 24/XI. 1919. С. Равич».
2. «До сведения просителя доведено. 25/XI.19. (подпись)».

(Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. 142. Оп. 1. Д. 10. Л. 167)

Из протокола заседания малого президиума Петрогубисполкома от 30 декабря 1921 г.:
«п. 6. Об игральных картах на Кабинетской ул. и об использовании их путем продажи через Губкомпомгол.
6. Имеющиеся в несгораемом шкафу на Кабинетской ул., д. 10 игральные карты передать в распоряжение Губкомпомгол, разрешив ей продажу означенных карт».
(ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 141. Л. 338)

сивные меры не привели к уничтожению азартных игр. Поклонники их переместились на частные квартиры, в новые, нелегально открытые заведения. За вторую половину 1919 года сотрудниками петроградской милиции было зафиксировано 304 случая игры в карты. Речь, конечно же, идет об игре в карты на деньги. В действительности же карточная игра имела несравнимо больший размах, чем это отражено в милицейских сводках. Она процветала не только среди уголовников и «бывших». Любители перекинуться в картишки, на деньги и «на просто так», находились среди рабочих и служащих, интеллигенции и военных. Не брезговали картами и сами милиционеры. За последние четыре месяца 1919 года 31 страж порядка в Петрограде был наказан за это уголовное преступление (именно так расценивалась карточная игра)[7]. Лихорадка «азарта» проникла даже за стены Смольного. В последний день уходящего 1920 года дежурный помощник сообщал коменданту здания: *«Во время обхода казарм в 1 ч. 20 м. ночи... обнаружена была группа сидящих красноармейцев и играющих в карты на деньги. Тут же, в присутствии деж(урного) по караулу и его пом(ощника), отобраны колода карт и деньги в сумме 1750 (тысяча семьсот пятьдесят) руб. С играющими я ничего не сделал, т.е. не арестовал, а списал фамилии»*[8]. И это не единичный случай.

Наступивший 1921 год — во многом переломный для России — стал таковым и по отношению к азартным играм. Осознав, что загнанную внутрь болезнь вылечить не удалось, председатель Совета труда и обороны В. И. Ленин 9 ноября подписал постановление, разрешающее продажу игральных карт на внутреннем рынке России. Наркомат финансов должен был в течение 48 часов установить цену на этот вид товара[9].

Сделав первый шаг, центр, однако, не сделал второго. Общественные собрания, думается по политическим причинам, не были возрождены. Не пошел Кремль и на разрешение деятельности игорных домов. Этому утверждению, правда, противоречит сообщение прессы о том, что в октябре 1922 года НКВД передал в Наркомат юстиции проект декрета о закрытии игорных клубов и ужесточении наказания за азартные игры. Видимо, проект получил одобрение вышестоящих органов, ибо спустя месяц на места поступила инструкция НКВД, в которой вновь говорилось о запрете азартных игр в карты, лото и рулетку[10].

В чем же дело? Если не было официального разрешения на открытие игорных домов, то что в таком случае собирались закрывать в 1922 году? Разгадка в том, что открывались эти заведения исключительно по инициативе и с разрешения местных властей. Процесс, начавшийся в некоторых городах еще в 1920 году, усилился в 1921-м и достиг пика 3—4 года спустя. В Ленинграде, например, в 1924 году работали 7, а в 1925-м — 6 игорных клубов[11]. При этом, как позднее подчеркивал нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов, *«в практике Наркомвнудела почти не было ни одного случая, когда бы г(убернский) и(сполнительный) к(омитет) высказался против сохранения этих заведений. Все считали необходимым оставление заведений в том виде, как они существовали, и даже возбуждали ходатайства об открытии вновь»*[12].

Главным оправданием такой позиции была материальная заинтересованность местных властей. Получая определенный процент от дохода игорных клубов, губернские и городские правители тем самым пополняли свою казну.

Петроградский губисполком, например, в мае 1922 года дал разрешение на открытие казино «Сплендид-Палас» при условии отчисления части прибыли клуба в пользу Центральной комиссии помощи голодающим. Правда, ситуация вскоре изменилась. В критическом положении оказались органы народного образования. В поисках дополнительных средств власть обратила свой взор на игорные дома. Большой президиум Петроградского губисполкома 26 августа 1922 года постановил *«из излишних доходов «Сплендид-Паласа» зачислять 80% отделу народного образования и 20% в распоряжение президиума»*. На этом же заседании было признано желательным организовать еще один игорный клуб *«для усиления средств отдела народного образования»*[13]. Часть доходов от игорного бизнеса шла также *«в пользу Воздушного флота»*, Всероссийскому обществу Красного Креста. В 1926—1927 годах почти все игорные заведения страны перешли в ведение двух организаций: Всероссийской комиссии по улучшению жизни детей (КУЖД), организованной при Президиуме ВЦИК, и Всероссийского комитета помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне (Всерокомпом). У последнего доход от азартных игр составлял 45 процентов бюджета.

Суммы, получаемые от игр в казино, были весьма значительными. В том же «Сплендид-Паласе» только за входную плату за два летних месяца 1922 года с посетителей получили 2,5 млн. рублей. Учитывая, что деньги от продажи билетов составляли всего 1—4 процента общей прибыли заведения, можно с уверенностью утверждать, что месячный доход казино исчислялся не одним, а многими десятками миллионов рублей. От 60 до 80 процентов выручки поступало в распоряжение той организации, в ведении которой находился этот игорный дом. Еще часть средств перечислялась на счета других организаций.

Популярность подобных заведений, во всяком случае в Петрограде-Ленинграде, была велика. «Сплендид-Палас», судя по отчетам, в июне—июле 1922 года посетили более 20,5 тыс. человек, в среднем более 300 человек в день. В декабре того же года представитель Последгола (Центральной комиссии ВЦИК по борьбе с последствиями голода) обратился в отдел управления Петрогубисполкома с просьбой перевести клуб «Лото» на проспект 25 Октября (Невский пр.), д. 96, так как *«помещение по пр. 25 Октября, 76 не вмещает публику»*[14].

Приехавший нелегально в СССР в середине 20-х годов В. В. Шульгин в январе 1926 года прибыл в Ленинград и побывал в одном из знаменитых игорных домов — Владимирском клубе. Свои впечатления от посещения Шульгин описал следующим образом: *«Мы... прошли в другую залу, дверь в которую виднелась налево. ...Отвратительный, мутный дым стоял в этой зале. От него тускнел яркий свет электричества. И физическая, и психическая атмосфера этой комнаты была нестерпима.*

Вокруг столов, их было штук десять, больших и малых, сидели люди с характерными выражениями...

— Что это? — сказал я. — Игорный дом?

— Да. Это то учреждение, которое в пролетарской республике не закрывается ни днем ни ночью!

— Как? Никогда? Даже для уборки?

— Никогда. Республика не может терять золотого времени. В четыре часа утра, в двенадцать часов дня, в шесть часов вечера — когда ни придите, здесь все то же самое: все те же морды и все тот же воздух.

Я не мог тут долго выдержать. Здесь было слишком отвратительно. (...)

Мужские и женские лица, старые и молодые, сливались в одну скверную харю, нечто вроде химеры с лицом скотски-отупевшим»[15].

«Скотски-отупевшие лица» принадлежали не одним только «бывшим» и нэпманам. Всепожирающая страсть запутывала в сети азарта и советских чиновников, и рабочих, и интеллигентов. Тот же Шульгин замечает: *«Публика тут была разная. Были хорошо одетые, но большинство было мятых и грязных, очевидно, небогатых»*. Наблюдение Шульгина подтверждает известный журналист и издатель В. А. Поссе: *«Неправда, что в игорных вертепах гибнут преимущественно старые и новые буржуи, нет, там больше гибнет советских работников и фабрично-заводских рабочих»*. *«В столичных игорных вертепах*, — продолжает мемуарист, — *я не бывал, но иногда заходил в провинциальные казино и клубы, и всегда вокруг рулетки и других азартных выдумок толпились пролетарии»*[16].

Проблема азартных игр оказалась трудноразрешимой. С одной стороны — существенная статья в бюджете отдельных государственных или общественных организаций, с другой — изломанные, исковерканные людские судьбы, трагедии и уголовные преступления.

Запутанность положения заставила взяться за решение этой проблемы Совет Народных Комиссаров РСФСР. На заседании 15 декабря 1925 года он предоставил Наркомвнуделу право выдавать в исключительных случаях разрешения на открытие заведений с азартными играми. Когда НКВД взялся за выполнение этого постановления, оказалось, что количество уже действующих в разных частях России игорных домов и клубов столь велико, что надо не выдавать разрешения на открытие новых, а выбирать, какие заведения должны быть закрыты в первую очередь.

Учитывая это обстоятельство, комиссариат ввел ряд ограничений. Запрещалось открывать игорные дома в селах, уездных городах и городских рабочих районах. Эксплуатация подобных заведений позволялась лишь благотворительным организациям без права передачи иным юридическим и частным лицам. В буфетах при игорных клубах не разрешалось продавать спиртные напитки, а из игр рекомендовались наименее азартные — преимущественно лото. Вероятно, именно эти условия содержались также в не опубликованном до сих пор распоряжении НКВД от 4 мая 1926 года *«О порядке открытия заведений для игр в лото, карты и т.п. и надзора за ними»*. Даже появление документа под таким названием само по себе весьма показательно. Вместе с декабрьским постановлением Совнаркома он свидетельствовал о переходе политики большевиков по отношению к азартным играм к новому этапу — разрешительному, хотя и обставленному рядом ограничений. Впрочем, он был весьма кратковременным.

НКВД разрешил деятельность 36 игорных домов в 34 городах России. Кроме того, еще в четырех городах — Москве, Ленинграде, Новосибирске и Томске — действовали «предприятия игорного бизнеса», не получившие пока на то согласие НКВД. Но, по признанию Белобородова, этот список был далеко не полным: подобные заведения функционировали на Северном Кавказе, на Дальнем Востоке и в ряде других мест России.

Нарком уже не настаивал на официальном запрещении игорного бизнеса, как это раньше делали его коллеги. Аргументы Белобородова сводились к следующему: запрет приведет лишь к росту нелегальных притонов, а также существенно уменьшит бюджет заинтересованных организаций. *«На это ссылаются, между прочим*, — отмечал Белобородов в докладе СНК РСФСР 11 марта 1927 года, — *и все губисполкомы, которые подчеркивают, что заменить этот источник дохода другим абсолютно невозможно»*. Как бы перекликаясь с наркомом, председатель Ленгубисполкома Н. П. Комаров писал через 11 дней в Малый Совнарком РСФСР, что губернская КУЖД из доходов от

трех игорных клубов перечисляет в местную казну около 2 млн. рублей в год. За счет этих денег «*увеличивается бюджет губоно по местным средствам сверх обычной доли, причем это увеличение бюджета обращается на содержание детских домов*». По убеждению Комарова, необходимо «*сохранить функционирование означенных игорных клубов до конца текущего бюджетного года*»[17].

Рекомендации, изложенные в мартовском докладе НКВД, были в основном приняты Малым Совнаркомом РСФСР. Правда, если НКВД предлагал одобрить «*установленную им систему ограничений*», то в постановлении СНК эта фраза получила существенное уточнение и звучала следующим образом: «*... принять меры к установлению м а к с и м а л ь н о* (разрядка наша. — *А. Ч.*) *ограничительного порядка открытия игорных заведений*»[18]. Слово «максимально» в данном случае сигнализирует о наметившейся политике полного запрета азартных игр.

Существовала ли борьба между сторонниками ограничительного разрешения и полного запрета на игорный бизнес? К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают ответа на этот вопрос. Все же если она и велась, то недолго, ибо 8 мая 1928 года СНК СССР принял постановление, в котором без объяснения причин предложил Совнаркомам союзных республик «*принять меры к немедленному закрытию всех заведений для игр в карты, рулетку, лото и других азартных игр*»[19].

Все, казалось, вернулось на круги своя, в год восемнадцатый. Но закрыв казино, запретив азартные игры, государство не пошло на уничтожение карточной игры как таковой. Ленинградская карточная фабрика продолжала рассылать колоды игральных карт по всему Советскому Союзу. В мае 1929 года НКВД специально разъяснял нижестоящим органам внутренних дел, что лица, устраивающие карточные игры в частных квартирах, привлекаются к административной ответственности лишь тогда, когда «*это помещение приобретает характер игорного заведения, где с играющих владельцем помещения или устроителями игр берется какая-либо плата за вход или за пользование игральными предметами или за участие в игре*»[20].

В остальных случаях игра в карты не запрещалась. Ее поклонники могли, не таясь, собираться вечерами, чтобы предаться своему любимому занятию.

Самовар кипит со свистом,
граммофон визжит романс,
два знакомых коммуниста
подошли на преферанс.
«Пизырь коки... черви... масти...»
Ритуал свершен сполна...
Смотрят с полочки на счастье
три фарфоровых слона... —

писал В. В. Маяковский в 1928 году в стихотворении «Идиллия»[21].

«Знакомых коммунистов» (впрочем, и не коммунистов тоже) не могли за это привлечь к административной ответственности. Другое дело, что вообще карточная игра как развлечение тоже не приветствовалась идеологами нового общества. Для них она, как и раньше, оставалась «родимым пятном капитализма». Но тяга к азарту среди населения существовала, и игра в карты по-прежнему занимала место среди других форм досуга городских и сельских жителей страны.

От Комиссариата Внутренних Дел

Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны постановил: закрыть все клубы и собрания, в которых будут допущены игры в карты, лото и т.д.

Доводя об этом до всеобщего сведения, предупреждаю владельцев, управляющих и других ответственных лиц по управлению и заведованию клубами, ресторанами, кафе, собраниями и посетителей этих учреждений, что при обнаружении игры в карты, лото и т.п. в вышеуказанных местах владельцы, управляющие и другие ответственные лица будут арестовываться и препровождаться в распоряжение чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией для установления размера штрафа и предания суду. Посетители этих заведений, застигнутые за игрой или в помещении, где производилась игра, будут препровождаться в распоряжение чрезвычайной комиссии для установления их личности и конфискации всех обнаруженных при них денег в доход Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Комиссар по внутренним делам М. Урицкий
Секретарь Б. Каплун

(Известия Петроградского Совета. 1918. 29 (16) марта).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петроградский военно-революционный комитет. Т. 3. М.: Л., 1967. С. 318, 320.
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 143. Оп. 1. Д. 131. Л. 26.
3. Там же. Л. 34, 40 об.
4. Там же. Л. 54.
5. Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 1 об.
6. Там же. Л. 3 — 3 об.
7. За 8 лет. Материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска за 1917 — 12 ноября 1925 гг. Л., 1925. С. 10, 21.
8. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 79. Д. 325. Л. 14, 84.
9. СУ РС СР. 1921. № 74. Ст. 609.
10. Бюллетень НКВД. М., 1922. № 42—43. С. 167.
11. Весь Ленинград на 1924 г. Л., 1924. С. 192; Весь Ленинград на 1925 г. Л., 1925. С. 338.
12. Вопросы истории. 1994. № 2. С. 139.
13. ЦГА СПб. Ф. 2805. Оп. 1. Д. 110. Л. 33.
14. Там же. Л. 4, 9; Д. 130. Л. 1—122 (подсчет).
15. Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 313—314.
16. Поссе В. А. Нэп и голод// Русское прошлое. СПб., 1993. № 4. С. 307.
17. Вопросы истории. 1994. № 2. С. 141.
18. Там же. С. 141, 142.
19. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1928. № 27. Ст. 249.
20. Бюллетень НКВД. М., 1929. № 20. С. 396.
21. Маяковский В. В. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1988. С. 548.

ГОЛОДОМОР

Голод на Украине в начале 30-х годов унес несколько миллионов жизней. Ныне некоторые национальные лидеры республики предъявляют счет за это России, обвиняя русских в геноциде. Но она ли виновник трагедии? Наш журнал писал о голоде в Поволжье, Казахстане, еще предстоит опубликовать документы о голодоморе на Кубани, Дону, в Западной Сибири... Страшные вещи: в 1922 году с Поволжья поступают сообщения о массовом трупоедстве и людоедстве, а Оргбюро ЦК РКП в это время выделяет дополнительно сотни тысяч золотых рублей для «лечения больных товарищей за границей». Понятно, кто ехал на курорты Швейцарии, Германии...

Коммунистическая власть — вот истинный виновник миллионов жертв.
Украинцев, русских, казахов, татар...

ИТОГОВЫЙ ОТЧЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ГОЛОДА 1932—1933 ГОДОВ НА УКРАИНЕ. (Торонто, 1990 г.)

Комиссия создана по инициативе Всемирного Конгресса Свободных Украинцев, члены которого обратились к ряду юристов и законоведов разных стран с просьбой принять участие в расследовании фактов голода, имевшего место на Украине в 1932—1933 годах.

Комиссия по расследованию была образована как абсолютно независимый, негосударственный, самостоятельный орган.

За отправную точку был принят статус комиссий по расследованию, предложенный на 60-й конференции Международной Юридической Ассоциации, а также регламент, принятый Европейской Комиссией по правам человека.

Президент Комиссии — Якоб В. Ф. Сандберг, профессор юриспруденции Стокгольмского университета.

В течение двух лет (1988—1990) Комиссия занималась расследованием фактов, связанных с фактами голода, причинами и с его последствиями для Украины и украинского народа, а также рассматривала проблему ответственности властей за эти события.

Выводы Комиссии базируются на анализе дипломатических источников, документальных публикаций, а также свыше 40 советских законодательных актов, относящихся к рассматриваемому периоду.

В работе использовались данные ряда экспертов по сталинскому периоду советской истории; среди них проф. Р. Конквест, проф. В. Козик, д-р Дж. Э. Мэйс, д-р Л. Ю. Лисюк, проф. И. Славутич, проф. Н. Л. Чировский и проф. Л. А. Козинский.

Были заслушаны показания 12 свидетелей, переживших голод на Украине и проживающих ныне в Европе, Канаде и Соединенных Штатах.

Комиссия пришла к следующим выводам:

— Факт голода на Украине в 1932—1933 годах не подлежит сомнению, равно как и то, что власти как в самой республике, так и в Москве были осведомлены о недостатке продовольствия. Более того, несмотря на критическое положение, советские власти не предпринимали никаких мер, чтобы оказать помощь Украине, вплоть до лета 1933 года.

— Тем не менее большинство членов Комиссии не уверено, что этот голод был намеренно организован с целью уничтожить раз и навсегда украинскую нацию; однако, по мнению Комиссии, советские власти использовали ситуацию голода, чтобы увенчать свою политику денационализации.

В Советском Союзе на протяжении многих лет сам факт голода на Украине в период 1932—1933 годов обходился полнейшим молчанием, которое если и нарушалось, то лишь официальными опровержениями как со стороны властей и прессы, так и со стороны научных и университетских кругов.

Это организованное молчание длилось, пока все аспекты советской политической жизни контролировались Сталиным. После его

ДАННЫЕ СОВЕТСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ДО И ПОСЛЕ ПЕРИОДА 1932–1933 ГОДОВ ДАЮТ СЛЕДУЮЩУЮ КАРТИНУ:

Численность населения (млн. чел.)	Перепись 1926 г.	Перепись 1939 г.	Рост / Падение
СССР в целом	1467,028	170,557	+23,529 / +16,0%
Россия	77,791	99,591	+21,800 / +28,0%
Белоруссия	4,739	5,275	+0,536 / +11,2%
Украина	31,195	28,111	-3,084 / -9,9%

смерти и в особенности после доклада Хрущева на XX съезде Коммунистической партии упоминания о пережитой Украиной в 1932—1933 годах трагедии начинают появляться.

Завершение процесса десталинизации затянулось на годы, и лишь с приходом к власти М. Горбачева факт голода стал признаваться советскими официальными лицами, несмотря на расхождения в мнениях о его причинах, масштабах и ответственности за эту трагедию.

Очевидно, что население Украины сократилось более чем на 3 миллиона человек; уменьшение естественного прироста населения прибавляет к этой цифре еще 3 миллиона; за тот же период и при тех же условиях жизни население соседних с Украиной республик увеличилось: в России на 28 проц., в Белоруссии на 11,2 проц.

Источники позволяют определить, что начало голода относится к лету 1932 года, пик приходится на начало весны 1933-го, а завершение — на начало лета 1933-го.

Самое страшное время — 1933 год. Измученные суровой зимой, крестьяне использовали последние запасы продовольствия, которые им удалось спасти от реквизиций. Результатом стала массовая смертность от голода.

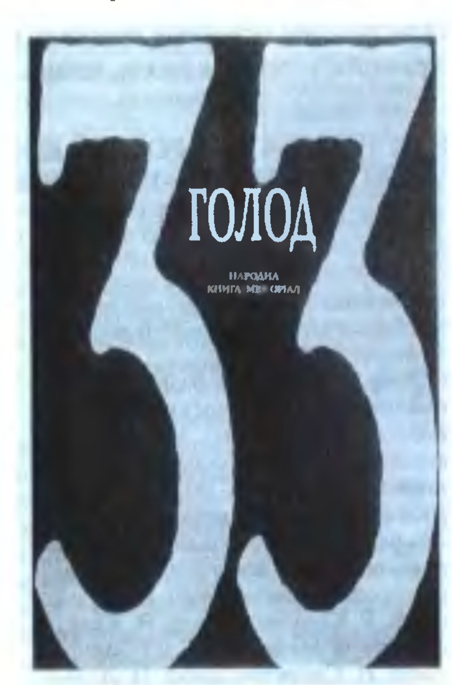
Назначение Постышева в январе 1933 года на пост второго секретаря Коммунистической партии, кажется, лишь усугубило ситуацию; были ужесточены меры, направленные против украинского населения, и это привело к наиболее ужасающим страданиям людей в начале весны 1933-го.

Условия для возникновения голода создавались в течение многих месяцев, и так же много времени прошло, прежде чем он закончился. Свидетели и эксперты сходятся на том, что к концу апреля — началу мая 1933 года реквизиции зерна были временно приостановлены или по меньшей мере сокращены. Можно говорить о том, что к началу лета 1933 года голод прекратился, хотя потребовались годы, чтобы смягчить трагические последствия более чем десяти месяцев лишений, повлекших смерть людей в массовых масштабах.

Распространение голода не ограничилось Украиной. В 1932—1933 годах этим бедствием были охвачены и другие регионы Советского Союза: в наибольшей степени — Казахстан, а также Северный Кавказ, Дон, Кубань, бассейн Волги и некоторые части Западной Сибири.

Поразительно, что Белоруссия, находящаяся в непосредственном соседстве с Украиной и имеющая весьма сходные характеристики, голода избежала.

У Комиссии нет объяснения тому факту, что российские территории в этот период не были поражены голодом, тогда как в 1921—1922 годах Россия разделила эту участь с Украиной.

Различные источники по-разному оценивают число жертв голода. Называются цифры в 6, 10, 16 миллионов. Конквест говорит о 5 миллионах, Мэйс — о 7,5.

Без сомнения, погибло не меньше 4,5 миллиона. Сюда надо добавить и умерших от голода за пределами Украины — число их определяется в три миллиона, причем один миллион приходится на Казахстан и Северный Кавказ. Таким образом, общее число жертв голода 1932—1933 годов — минимум 7,5 миллиона, причем, по мнению некоторых экспертов, и эта цифра является заниженной.

Парадоксально, что голод разразился в одном из богатейших регионов Советского Союза. В этот период доля Украины в совокупном национальном продукте составляла почти 30 проц. при том, что территория ее составляла 3 проц. территории Советского Союза, а население — 20 проц. Сельское хозяйство на Украине традиционно процветало, и это является подтверждением тому факту, что лишь непропорционально большие нормы государственных зернозаготовок смогли подорвать его и стать непосредственной причиной голода.

В 1930 году норма сдачи зерна государству Украиной составляла 7,7 млн. тонн. Благодаря хорошему урожаю эта норма была выполнена, хотя запасов зерна почти не осталось. Та же норма была сохранена и в 1931 году, но из-за плохого урожая не была выполнена. Тем не менее 7 млн. тонн зерна было реквизировано, и это серьезно сократило ресурсы колхозников. Та же норма была установлена и в 1932 году, хотя на этот раз она составила более 50 проц. годового урожая. Нормы сдачи зерна государству были явно диспропорциональны, и это публично подчеркивалось такими украинскими лидерами, как Станислав Косиор, Микола Скрыпник и Панас Любченко, на Третьей Всеукраинской партийной конференции, проходившей в 1932 году, — подчеркивалось в присутствии Кагановича и Молотова, официальных представителей Москвы. Результатом стало сокращение плана на 1,1 млн. тонн, но даже эта уменьшенная цифра оказалась за пределами возможного для украинских крестьян. В итоге властям удалось собрать лишь 3,7 млн. тонн зерна, несмотря на все предпринятые ими усилия отнять у крестьян все до последнего. Голод уже начинался.

В ожидании транспортировки реквизированное зерно складывалось в хранилища или просто сваливалось в кучи около железнодорожных станций. Когда голод усилился, эти склады стали местом, где крестьяне пытались добыть хоть какое-то пропитание. Вполне понятно, что умирающие с голоду люди делали попытки украсть зерно, чтобы выжить, и даже завладеть им с помощью грубой силы.

В связи с распространением подобных беспорядков власти призвали армейские части для охраны запасов, и солдаты — это были не украинцы, а в основном русские или

представители других национальностей, — не колеблясь, пускали в ход оружие для защиты реквизированного зерна. Закон об охране социалистической собственности от 7 августа 1932 года предусматривал за хищение или сокрытие зерна и другого продовольствия, принадлежащего государству, очень суровые наказания, вплоть до смертной казни и конфискации всего имущества.

Закон от 6 декабря 1932 г. предусматривал составление «черных досок» — «черных списков» тех деревень, которые признавались виновными в саботаже и диверсиях. В случае занесения в «черный список» применялись следующие меры:

— немедленное закрытие государственных и кооперативных магазинов и изъятие всех их запасов;

— полный запрет всех видов торговли, производимой как колхозами и их членами, так и единоличниками;

— немедленное прекращение всех видов кредитования и предварительных выплат и их обязательный возврат;

— чистки кооперативного и государственного аппарата от всех чуждых и враждебных элементов;

— чистки колхозов от всех «чуждых элементов» и «саботажников кампании по зернозаготовкам».

Изначально в этом списке было 6 деревень. К 15 декабря 1932 года он уже включал целиком 88 районов из 358, на которые в это время была разделена Украина. Жители этих районов были подвергнуты массовой высылке на север.

Ужасающие последствия чрезмерных реквизиций зерна были значительно усугублены общей ситуацией, сложившейся на Украине, где советские власти пытались проводить насильственную коллективизацию сельского хозяйства с целью уничтожить кулачество и подавить те центробежные тенденции Украины, которые угрожали целостности Советского Союза.

С самого начала Москва знала, что Украине угрожает голод, Сталин был прекрасно информирован о критической ситуации на Украине. Роман Терехов, первый секретарь Харьковского областного комитета, лично говорил об этом Сталину во время январского (1933 г.) пленума Центрального Комитета. Адмирал Черноморского флота Федор Раскольников и командующий Киевским военным округом Иона Якир посылали Сталину официальные письма с протестами и просьбами о помощи.

Также не подлежит сомнению, что, несмотря на свою полную осведомленность, советские власти не предпринимали никаких мер до лета 1933 года и попустительствовали тому, что голод производил все большее опустошение, на протяжении десяти месяцев, никак не пытаясь предотвратить страшные последствия.

Путем различных законодательных мер советские власти усиливали губительное воздействие голода. Эти меры были направлены на то, чтобы жертвы нигде не могли найти продовольствия и не могли покинуть регион бедствия. Заслуживает упоминания следующее:

— закон от 7 августа 1932 г. о защите социалистической собственности, запрещающий людям, умирающим от голода, под страхом самого жестокого наказания брать зерно, гниющее на складах или сваленное у железнодорожных станций;

— законы от 13 сентября 1932 года и от 17 марта 1933 года, прикрепляющие крестьян к земле и запрещающие им оставлять свои колхозы в поисках другой работы иначе, чем с разрешения колхозного руководства;

— закон от 4 декабря 1932 года, устанавливающий особый паспортный режим, который делал невозможным для людей, ставших жертвами голода, переезд на другое место без официального разрешения. Крестьян, стремившихся вырваться за пределы Украины, чтобы избежать голодной смерти, насильственно возвращали назад.

Есть свидетельства о наличии секретного распоряжения комиссара путей сообщения А. А. Андреева о «блокаде» украинско-российской границы с целью недопущения поставок продовольствия на Украину. Свидетели показывают, что железнодорожные билеты продавались лишь тем, у кого было письменное разрешение на поездку; путешествовавшие «незаконно» отсылались сотрудниками ГПУ к исходному пункту, причем все продовольствие, которое они везли, конфисковывалось. Основанием для этого служил закон о спекуляции.

Ясно, что все эти меры принимались отнюдь не только по причинам, связанным с голодом, и не были специально направлены на то, чтобы усугубить лишения. Но даже в более благоприятной ситуации эти меры, несомненно, оказали бы весьма негативное воздействие. В сочетании же с тем, что власти не оказывали голодающим никакой помощи, это еще более усугубляет вину тех, на ком лежала ответственность за охватившее Украину бедствие.

По имеющимся в распоряжении Комиссии сведениям, несомненно, что большие и малые города Украины в основном избежали воздействия голода; то же самое относится к местным деревенским властям, проводившим коллективизацию и непосредственно осуществлявшим зернозаготовки.

Очевиден и тот факт, что большинство городского населения не являлось украинским. Многие представители местных властей были русскими.

Правдой является и то, что советские власти в тот период отрицали существование голода на Украине и вопреки всякой очевидности продолжали отрицать это в течение более чем пятидесяти лет, за исключением частного упоминания в мемуарах Хрущева.

Указывает ли вышеизложенное на

существование некоего заранее разработанного плана, обрекающего Украину на голодную смерть? В документах, имеющихся в распоряжении Комиссии, о существовании подобного плана нигде не упоминается. Возможно, однако, что у столь чудовищной личности, каковой является Сталин, могла быть самая безумная стратегия. Но поскольку Комиссия не обладает такой информацией, она не может утверждать, что существовал план организации голода на Украине с целью обеспечить таким образом полную победу политики Москвы.

Отсутствие заранее обдуманной стратегии отнюдь не означает, что голод был просто случайным результатом этой политики, — случайностью, повлекшей уничтожение части украинского народа. Комиссия уверена, что советские власти не предпринимали активных действий по организации голода, но успешно поддерживали его, поскольку это помогало заставить крестьян терпеть политические решения, которым те отчаянно сопротивлялись.

Политика Москвы не была прямо ориентирована на уничтожение какой-либо «этнической или расовой группы как таковой», что является одним из признаков геноцида согласно конвенции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Намерение «денационализировать» Украину было вызвано нежеланием Москвы мириться с «националистическими и мелкобуржуазными уклонами», не совпадающими с основополагающими заповедями коммунизма.

С другой стороны, у Комиссии сложилось впечатление, что Сталин пытался, используя голод как орудие, нанести окончательный удар по украинской нации «как таковой», и эта попытка проливает свет на те нечеловеческие страдания, которым подверглись украинцы.

Повторяем: голод, равно как и та политика, результатом которой он явился, не были ограничены только Украиной, хотя именно территории с преобладающим украинским населением пострадали больше всего. История показывает,что ненависть Сталина распространялась отнюдь не только на украинцев. Можно усмотреть целую серию геноцидов, как бы пугающе это ни звучало: однако само по себе это не исключает гипотезы о геноциде против украинского народа во время голода 1932—1933 годов.

Исходя из вышеизложенного, Комиссия считает вероятным, что элементы геноцида в данной ситуации имели место.

Проанализированные Комиссией материалы свидетельствуют, что главная ответственность за голод на Украине 1932—1933 годов лежит на И. Сталине. Эту ответственность разделяют другие члены Политбюро, в особенности В. Молотов и Л. Каганович.

Местные украинские власти: шеф украинского ГПУ В. Балицкий, председатель украинского Совета Народных Комиссаров В. Чубарь, первый секретарь Коммунистической партии Украины С. Коснор и президент Украины Г. Петровский могут быть обвинены в преступной пассивности; зная о голоде, они ничего не предпринимали, боясь санкций Москвы. Видимо, они не играли ведущей роли в подготовке и проведении тех мероприятий, которые стали причиной голода.

Исключение, возможно, составляет Павел Постышев, ставший вторым секретарем Коммунистической партии Украины в январе 1933 года. Будучи приближенным Сталина и русским по национальности, Постышев обладал на Украине реальной властью, играл ключевую роль как в кампании по сдаче государству зерна, так и в репрессиях, связанных с так называемыми «националистическими уклонами», и — в целом — в ужесточении мер по насильственной коллективизации и уничтожению кулачества.

В заключение Комиссия отмечает, что в той политике, которая проводилась в отношении украинского народа и привела к трагическим событиям 1932—1933 годов, игнорировались основополагающие нравственные нормы, являющиеся обязательными для властей. Советские власти должны быть подвергнуты суровому осуждению. Независимо от того, являлось ли нарушение норм морали преступлением с юридической точки зрения или нет, невозможно отрицать неизмеримые страдания, причиненные украинскому народу, и первая обязанность властей, допустивших это, — признание своей вины*.

* Перевод с английского Татьяны Горшуновой

ИЗ РАССЕКРЕЧЕННЫХ АРХИВОВ

Из письма
правления артели «Бедняк» деревни Тишковка Гайсинского района Винницкой области о тяжелом состоянии артели и голодании колхозников.

25 ноября 1931 г.

Заявление

При сем вышеозначенное правление просит рассмотреть дело колхозного хозяйствования на 1932 год. Потому что только [на] 25/XI. 31 г. для тягловой силы фуража, в частности зерна, нету ни одного кило, а все ж таки имеется 135 голов рабочей скотины. Деревня Тишковка — первая в Гайсинском районе сплошной коллективизации. Если судить по посевной, что дало блестящие примеры и результаты как в посевной, так и на уборочной и строительстве 1931 г., а также в выполнении всех обязательств перед Совластью и Компартией. План хлебозаготовок выполнен на 26 сентября 1931 г., по выполнению плана наш колхоз также первый в Гайсинском районе. В 1929 г., когда было у нас 25% коллективизированного населения, план хлебозаготовок был 400 пудов, а в этом году на 95% план 8077 пудов. Значит, для села сплошной коллективизации план доходит до 219%. К тому же, был у нас уполномоченный ВУК, который категорично заявил, что если нету хлеба, то надо забрать картофель, а если у кого имеется 10 или 5 пудов, то, не считаясь с составом семьи, оставить ему не больше 2 пудов картофеля. Из этого явствует, что в село едут никакие не служащие Соввласти, а те псы, которых нанял капитал и приказал им гавкать, потому что он заявил, что мужику если дать 5 пудов картофеля и 5 пудов хлеба, то он обоснуется, как паук, и никому ничего не скажет, а так — забери у него все, тогда он молчать не будет, а будет искать выход. Но пусть совет ВУКа подумает, какой выход будет искать голодный человек, который за 14 лет существования Соввласти всему подчинялся, а из слов представителя видно, что до того доподчинялся, что должен теперь умереть голодной смертью. Так что вполне естественно найти такой выход, чтобы погиб тот, кто заставляет умирать от голода работающего человека. Возьмем пример из советской печати, которая освещает нам жизнь рабочего в странах капитала. Но ведь наша страна критикует капитализм, а почему-то делает еще во много раз хуже, чем капитализм; вот ведь у нас могут напечатать, что Англия, Франция и другие страны угнетают рабочий класс, тогда как у нас до того издеваются над крестьянином, что и описать уже невозможно. В настоящий момент ни в одной стране нет хуже жизни для рабочего человека, чем в Стране Советов. Потому что в других странах если человек полуголодный, так у него хоть есть во что одеться и обуться, а в нашей стране — работал целый год в колхозе, а осенью и хлеба нет, и на деньги заработанные тут тебе и заем, и налогообложение, и страхование; купил газету, сходил на кинопостановку — вот и все. Так и получается: проработал год, а рассчитался за 1 час и пошел домой без ничего. На что такая жизнь?

Приедет чиновник и говорит, что, дескать, все трудности переживем. Это конечно, трудности-то мы бы пережили, да только в том случае, если бы мы их вместе переживали. А если их переживает одно несчастное крестьянство нашей Украины, то оно этих трудностей не переживет, потому что таких трудностей, неслыханных на земном шаре, человек пережить не может.

В настоящий момент крестьянину не нужно ничего: ни тяжелой индустрии, ни машин, ничего, кроме одного — хлеба, больше ничего

от крестьянина не услышишь. В то время как в странах капитала пшеницу затопляют в море, потому что некуда ее сбыть, в Стране Советов 1 пуд зерна на рынке — 15 руб., и нет возможности его достать, а одна буханка весом в 1,5 кг — 45 руб., тогда как крестьянин, проработав целое лето в тяжком труде, сдал государству свою продукцию по 90 коп. за пуд ржи и по 1 руб. 10 коп. за 1 пуд пшеницы, а потом подошла зима, поехал в город, зашел в буфет ЦРК, а там пуд этого хлеба, который он сдал за 90 коп., — 45 руб. Значит, для того чтобы обменять, нужно крестьянину везти из дома 50 пудов, а кооперации получить 1 пуд. Почему это так, это же убийство, это казнь. Из несчастного крестьянина повсюду палачи и убийцы пьют последнюю каплю крестьянской крови, а пишут, что строят социализм. Это не строительство, а убийство, с такой политикой социализма нам не построить.

Правление.

25/XI—31 г.

Просим персонального выяснения по вопросам.

ЦГАОР УССР. Ф. 1. Оп. 7. Д. 145. Л. 245—255. Оригинал. Рукопись.

***

23 февраля 1932 г.

Высокодостойнейший, высокочтимый, незабвенный, драгоценный начальник Украины, тов. председатель ВУЦИКа Петровский Григорий Иванович!

Ах! Страшно, страшно на пытке умирать!!! Пытка — это есть страшный голод, сделанный искусственно отобранием хлеба и всех сортов овощей. Голод от природы вызывает сокрушение, скорбь в сердцах людей, ведет к милосердию, к добрым делам на пользу ближнего, чтобы угодить Божеству. А голод искусственный вызывает в людях злобу, ненависть, жадность, недоверие, хитрость, обман и много другого дурного, и я не ошибусь, если скажу, что кто посоветовал голод сделать, тот не друг большевистской власти; евреи сделали голод в Египте и были мучимы, убиваемы и изгнаны. Боже, избавь Совласть от подобных последствий!..

До сих пор я один питался оставленным мне житом, а теперь и жита нет, и питаюсь отрубями, картофелем, буряками, купленными на базаре: дома засеять не мог за неимением земли и сил, теперь же стали голодать все и на базар не выносят на продажу, а если кто и вынесет, то хватают, берут с боем, и я не могу купить и голодаю. И кроме того, все страшно дорого: хлебина фунта 4 стоит 15 руб., фунт отрубей — больше рубля, картофелина обходится в 5 коп. каждая средней величины. Ах, какая мýка от голода. Ах, страшно, страшно на пытке умирать.

Я уже писал Вам, умоляя дать мне хлеба, а здесь купить нет где, артель не дает, посылает просить у державы, частные лица не продают, говорят, что сами голодаем, а держава не завела складов для продажи. Об устройстве таких

складов я заявлением просил товарища голову Совнаркома Чубаря еще осенью, но ответа не имею от него.

Вам пишу уже 4-е письмо о разных нуждах, истратил уже 1 р. 30 к. на почтовый сбор, что для меня очень тяжело при неимении денег, кои притом ничтожны по курсу, рубль стоит менее 10 коп., о чем я уже писал Вам, прося поднять курс рубля, устроить лучше торговлю.

Просил я по совету Вашему в районе дать мне пенсию большую учительскую, но вот скоро будет 2 года, а район и не отвечает мне. Просил я страхкассу Полтавскую об этом же, и она сказала, что нельзя за неимением у меня стажа при Советской службе, который должен быть в 10 лет. И я остаюсь яко наг, яко благ, яко нет ничего. Ах, страшно, страшно на пытке умирать.

Дорогой, золотой, милый Григорий Иванович! Не допустите умереть мученически, поспешите, дайте хлеба и пр. Если нельзя казенного, дайте своего, дайте, где хотите возьмите, будьте милостивы, поспешите, пришлите, укажите и Вы будете награждены от бога и людей здоровьем, счастьем, славой и проч., а я вечно буду благодарить Вас и молиться за Вас. Многие лета Совласти и Вам, Григорий Иванович! Прошу, умоляю слезно дать скоро и милостиво, и уведомить.

Глубоко, искренне почитающий Вас и Совласть, бывший 35 лет учителем народа, внушителем им социализма, а был я в разных местах: Чутово, Черняковка, Иванчинцы, Мачеха, Тахтаулов, Байрак, Братеньки, Полтава, Чернигов, Меркульвичи, Годиловичи, был и в народных школах и гимназиях.

Иван Казимирович Лашкевич

Мачехи, 1932 года, 23 февраля

ЦГАОР УССР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 115. Л. 5—6. Оригинал. Рукопись.

***

27 мая 1932 г.

Председателю ВЦК Украины Петровскому

Уведомление.*

Я хочу жить, но невозможно, умираю от голода. Как у нас в селе Крехаеве, так и по всему району Остерскому настоящий голод. Пуд муки ржаной — 100 руб., пуд картошки — 20 руб., и то нигде не купишь. И много [таких] случаев: мужик купил пуд, отдал 100 руб., а у него милиция отобрала, так что много убивают себя и мрут с голоду. В Крехаеве открылся тиф голодный и приехала бригада врачей из района, закрыли школу и ну ликвидировать тиф. Навезли из районного центра продуктов, подкормили больных, и не стали умирать с голоду. В селе умерли от голода 3

души здоровых, много детей и стариков. Страшные бедствия по селу, а тут еще наводнение, затопило 25 процентов посевных площадей озимых, и нужно сеять заново, но никто сеять не собирается, потому что нечего. Есть в Крехаеве 2 колхоза: 1[им.] Петровского — 55 хозяйств и 2-й «Пятилетка» — 30 хозяйств. Посевную не начинали, так как никто не идет на работу, поскольку голодные, лошади у крестьян дохнут, нечем кормить, потому что сено и продукты у крестьян отобрали и картошку всю погноили в баржах на реках Десне и Днепре. Осенью 1931 года людей мучили, чтоб свозили картошку на склады, а теперь мучат, чтоб вывозили [это] гнилье со складов. В Остере на базаре громадный склад картошки на весь базар завонялся, что все плачут, как гибнет их труд понапрасну. И некому на это обратить внимание, почему уже не хватает сил работать и смотреть на все. Что и обращаюсь с покорнейшей просьбой к Вам, Григорий Петрович, обратить на это внимание и спасти от голодовки Остерский район.*

Мы читаем письма из-за границы наших земляков, которые пишут, что они живут и все у них дешево. И вот хотели удрать из Крехаева Кот Дмитро и Евлинко один, которых поймали и отправили на Соловки. Но у нас вот я не рад жизни, и жена стала противна, и дети — страшные враги, потому как когда я сижу целый день не евши и плету сеть, а только закурю и запью водой, а тут под ногами болтаются дети и плачут, говорят — пойди, где-нибудь купишь хлеба или картошки, — все это как ножом в сердце; зачем, думаю, я вас на свет пустил, и становится обидно. Отношу сеть на склад и иду на базар в Остер (20 километров), покупаю мешок картошки, и тут милиция забрала. Вот так в огонь подливают смолу, чтоб было жарче. И теперь друг у друга воруем коров, кур, телят и все порежем и съедим, а потом [всем] вместе подыхать. Раздали посевные карточки, чтоб осенью сдали продуктов [такую] массу, какой у мужика не бывало. Когда у него была скотина — был навоз, а сейчас земля без навоза никакого урожая у нас в Крехаеве на песке не дает. И мало кто собирается пахать землю, потому что все зерно отобрано и вывезено из села на станцию, а купить негде, и уже никому ничего не нужно. А кто не взял посевной карточки, того присудили к тюрьме до 4 лет, вот такая у нас свобода. И не знаю, из центра ли это постановление, чтоб у крестьян отбирать все из продуктов до фунта, или на месте выдумывают, что такой ужас.

Как в нашем селе, так и по району принуждают к колхозу, но идут через силу и не последняя беднота, а лодыри и кого надо раскулачивать. В колхозах нигде порядку еще не устроено, скот гибнет. площадей хоть и много, но работать нечем. Всюду и по совхозам масса было картошки невыкопанной, хлеба не убраны, сено пропало в траве или в копнах, из-за того что рабочих не обеспечивают продуктами и одеждой, а обеспечивают только газетой и директивами, а это ни к чему. Нужно обеспечивать продуктами и мануфактурой, а не директивами. Например, в Крехаеве в колхозе были директивы в 31 году сеять там ячмень и гречку по 4 десятины. Колхозники уверяют, что там не будет ничего и надо сеять другие культуры, но сказано: подчиняйся директиве. Посеяли и собрали с 4-х га гречки 33 пуда, а ячменя 40 пудов с 4-х га. Так и по колхозам сейчас работать работай, а [есть] извини. И вот работа стоит, колхозники разбегаются, потому что кормят сейчас инструкциями и директивами. И вот я бы и просил ВУЦИКа проехать по селам и убедиться, что надо в колхозах [такие] директивы, чтоб работа шла как надо, и самое главное — прошу от всей души пожалеть бедного мужика и спасти от голодной смерти, и тогда мужик бы любил свою страну, и не была бы колхозная работа каторгой.

Мы разрабатываем планы увеличить посевные площади, но это лишнее, надо больше убирать и привести все в порядок, а то повсюду урожаи не убираются, гибнут через неосновательную плату за уборку, все принудительно. А коли силою колодец копать, то воды не пить. Раньше у пана было больше земли, чем теперь в совхозе, а все убиралось, потому что он кормил рабочих и платил, а сейчас все принудительно и работа стоит. Вот тут и надо делать, как требует жизнь, а то контрактуй землю и скотину и работай, а сам сиди голодный и платы не спрашивай. И на этот год у нас весь скот, не увеличивается стадо, а уничтожается. У бедняка есть 2 коровы — одну забрать, а у середняка забрали и последнюю, сейчас контрактуй и бедняк корову, а на базах скот дохнет, а овечек и свиней уже нет ни у кого, нечем кормить. Свиньям надо зерно и картошку, а ее нет, потому как отбирают. И всяк ждет гибели, а не жизни — вот как у нас в Крехаеве и в районе. А об этом надо кому-то позаботиться, вывести народ от погибели, потому — если человек голодный, он злой, и если работа его не ценится, он [ее] бросает. Так и сейчас — все принудительно делай, а платы не спрашивай... Некому заглянуть из центра, а может, так надо, не знаю, но я смотрю и вижу, кругом гибель, а не жизнь, когда земля родит, а урожай кто-то должен забрать и свезти на свалку, как картошку.*

Тавлуй Никита Максимович,

с. Крехаев, Остерский р-он.

ЦГАОГР УССР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 108. Л. 41—44. Оригинал. Рукопись.

12 декабря 1932 г.

Дорогой всемирный вождь тов. Сталин!

Я обращаюсь и к тебе также с просьбой, горе и мученье заставляют. Я самый несчастный в мире, больной лежу и пишу, нет сил. Подкрепи и ты меня, пришли вина и сала, поддержите, товарищи, мои силы. Пусть я не умираю в завоеванной стране от голода, смерти нет, а кушать хочется.*

Вовченко

ЦГАОР УССР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 114. Л. 72. Оригинал. Рукопись.

Центральному Комитету КП(б)У

23 сентября 1932 г.

Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б): ряд местных организаций обращается в СНК и ЦК за семенной ссудой для совхозов и колхозов. Ввиду того, что урожай настоящего года является удовлетворительным, а правительством оставлен для колхозов уменьшенный план государственных хлебозаготовок, который должен быть выполнен полностью, СНК и ЦК постановляют: первое — отклонить все предложения о выдаче семенной ссуды. Второе — предупредить, что в текущем году ни совхозам, ни колхозам семссуда не будет выдаваться ни для озимого, ни для ярового сева. Третье — возложить на председателей колхозов, директоров МТС и директоров совхозов ответственность за выделение полностью семенных фондов к яровому севу в установленные СНК и ЦК сроки (не позднее 15 января 1933 г.) и за их полную сохранность.

23 сентября

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК СССР

МОЛОТОВ (СКРЯБИН)

СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. СТАЛИН

***

Деревянко Григорий Андреевич, 1924 года рождения, родом из деревни Ольшевка Черниговского района.

1933 год до смерти не забуду. Люди ходили распухшие, водянистые, неповоротливые. Трупы под заборами лежали. Поесть нигде ничего, а кабы и было, то купить не

* Стилистика письма сохранена. В документе большое количество русских слов, написанных по-украински.

* Здесь так. Имя Петровского — Григорий Иванович.

* В двух ответах в ВУЦИК (от 9 июня и 21 июля 1932 г.) участковый прокурор тов. Прибылов пытается опровергнуть факты, изложенные в письме крестьянина: «Голода как в колхозах, так и по селу нету, однако недостаток в хлебе безусловно имеется... Факт принудительного вовлечения в колхоз не соответствует действительности. Что касается заболевания тифом, то в Остерском районе были зарегистрированы заболевания по 15 селам, в Крехаеве было 90 случаев, из них 4 умерли». Прокурор признал, что поступали устные заявления от крестьян о незаконном изъятии у них картофеля и хлеба, однако падеж скота и порчу овощей считает незначительными. В целом прокурор Прибылов приходит к выводу, что факты, приведенные в заявлении, «не соответствуют действительности». Опровергающие или приукрашивающие ответы с мест, наряду с абсолютно правдивыми, были характерны для того противоречивого времени. Что же касается судьбы автора письма, то он вскоре умер от голодного тифа.

* В это письмо вложены также аналогичные обращения автора к Г. И. Петровскому, Н. К. Крупской и А. М. Горькому.

на что. У кого были сережки, перстень или другая какая ценная вещь, то поотдавали в Торгсин за килограмм муки, все выкачали из людей. Ели ворон, собак, лебеду, липу, люпин. Я пытался спасаться попрошайничеством, но у кого попросишь? На всю деревню только у одного соседа — начальника милиции Макарьевского пекли пирожки, иногда и мне за какую-нибудь работу по хозяйству перепадало — может, и совесть немного мучила. Местные активисты тоже гладкие ходили, но у них не попросишь. Стойкие бойцы были! Недаром их потом в разные времена с почестями хоронили. А тогда ох и лютовали, живодеры. У какой-нибудь бабки найдут 50 грамм сала или пучок ржи припрятанный — все забирали. Лучше своим собакам скормят, лишь бы люди не ели. Сами они остались живы, а из крестьян много поумирало. Потом полегче стало, уже хлеб был. Но настал 1937 год. Забрали ночью семь человек, мужики и расписаться-то путем не умели, какая от них политика. Никто не вернулся.

Запомнилось еще вот что. 40 граммов хлеба тогда стоили 5 рублей, а бутылка водки 6 руб. 05 коп. Это с нагрузкой — к бутылке почему-то обязательно добавляли фотографию Блюхера. Пей и любуйся. За все село не скажу, оно большое — 500 дворов, а на нашем закутке некоторые мужики из тех, что не хотели медленно помирать с голоду, вместо хлеба покупали водку с Блюхером. Выпьет мужик, да и упадет замертво под забором — задохнулся. Бывало, прямо на кладбище пили... Жаль, фамилий не запомнил. Давно я из села, позабыть все хочется, только такое не забывается.

***

Дебрий Мария Митрофановна, 1909 года рождения, работала поварихой в интернате.

Открыли этот интернат в Могильной Хате. Тем детишкам надо бы молочка, а у нас и хлеба-то не было. Так что кормили их мамалыгой и супчиком с неочищенной картошечкой. Не все выживали, потому что у них уже ничего не задерживалось. Некоторые и ложку в ручках держать не могли, таких мы через тряпочку кормили, как грудничков. Все-таки они постепенно оживали. Со временем начали ходить, даже улыбаться; какая же тяжкая была она для нас. эта улыбка. В интернат брали только круглых сирот, а голодных набиралось намного больше, и все они тянулись к интернату, как подсолнух к солнышку, в надежде получить хоть какую-нибудь еду. Они тут, около интерната, жили. Один раз вышла я и вижу — сидит хорошенькая, как ангелочек, девочка.

— Как тебя зовут? — спрашиваю ее, а она только глазенками синенькими поводит да все на мои руки поглядывает, нет ли у меня чего.

— Дайте, тетечка. хоть ложечку мамалыги, моя мама не сегодня-завтра умрет, и тогда меня возьмут к вам, а я могу не дожить...

Я чуть не умерла от этих слов... Взяла ее на руки, а она такая легонькая, ну прямо мотылек. А сколько их так и осталось там, под дверью...

***

Соловищук Петро Макарович, родился в 1921 году в селе Леухи Дашевского района Винницкой области. Участник Великой Отечественной войны.

...Отец кладет на тачку двух моих братьев и сестру, везет на кладбище. Разрыл лопатой мамину могилу, развернул рогожу, положил их троих туда же, к маме. Начал лопатой бросать землю в яму, а я руками. Как сейчас слышу его слова: «Не трогай землю руками, она холодная, простудишься». Похоронили мы с отцом братьев и сестру, а потом умер и отец. Я спал на печи, перед рассветом проснулся: «Папа, я есть хочу, папа, в доме холодно». Папа молчит. Я стал кричать. Папа вытянулся на лежанке — и ни слова в ответ. Уже рассвело, у отца возле рта какая-то пена. Потрогал его голову — холодная. Я тогда к маминой сестре. Пришла, пощупала отцову руку, говорит: «Умер». Потом приехала подвода, на ней мертвые лежали, как дрова. Два мужика вошли в дом, положили отца на рогожу, вынесли, с размаху бросили на подводу. Мне стало жалко отца. В своем доме я больше не жил. Спал на конюшне, в стогах, ходил опухший, оборванный. Дом наш сломали, через каких-нибудь 6—8 дней вывезли строительный материал, вывезли инвентарь, разрушили сарай. Осталась куча глины. И от моей семьи никакого следа — ни могилы, ни надгробья. Только имена:

Отец — Соловищук Макар Алексеевич, умер в мае 1933 года.

Мать — Соловищук Оляна Сергеевна, умерла в марте 1933 года.

Брат — Соловищук Иван Макарович, умер в апреле 1933 года.

Брат — Соловищук Михайло Макарович, умер в апреле 1933 года.

Сестра — Соловищук Мотря Макаровна, умерла в апреле 1933 года.

Перевод с издания: «33-й. Голод». Народная книга-мемориал. На украинском языке. Киев, 1991.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Европа: 1932 – из Африки возвращается великий гуманист Альберт Швейцер; его лекции и концерты в Германии, Голландии, Англии, Швейцарии;

– первый год Испанской республики;

1933 – Гитлер приходит к власти

Америка: 1932 – начинается война между Боливией и Парагваем.

1933 – Ф. Рузвельт провозглашает «новый курс», который выведет США из эпохи «великой депрессии»;

– расцвет звукового кино (Чаплин, Дисней).

Азия: 1932 – Ибн Сауд создает королевство Саудовская Аравия.

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ГЛАВА XI
ТЕНЬ НАД ПРЕСТОЛОМ

Вопреки ожиданиям, двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны протекало отнюдь не безмятежно. Легкость, с которой совершались предыдущие перевороты, вызывала желание совершить нечто подобное еще раз. Благо на устах было и имя, в пользу которого можно было действовать, — Иоанн Антонович. Свергнутый император, словно тень, преследовал императрицу все два десятка лет ее правления, не давал он покоя и ее преемникам — Петру III и особенно Екатерине II, подобно Елизавете занявшей трон с помощью переворота.

В годы правления Елизаветы Петровны, как и при ее предшественнице Анне Иоанновне, в застенках Тайной канцелярии томились безвестные колодники; как и раньше, в пыточные камеры этого мрачного заведения попадали влиятельные особы. Однако царствование «дщери Петровой» не было омрачено кровавым террором. Стоны в застенках раздавались реже, кары были снисходительнее, но «слово и дело» продолжало сохранять свою силу. В Тайную розыскных дел канцелярию попадали лица, обвиняемые в непочтительных отзывах об императрице, в намерении повредить ее здоровью.

В сети Тайной канцелярии обычно попадала мелкая рыбешка — например, оказавшийся в Речи Посполитой беглый солдат, которого

какой-то ксендз научил посыпать дорожку вредным порошком, вызывавшим смерть у всякого, кто по ней пройдет (перед тем как посыпать дорогу, по которой должна была шествовать императрица, злоумышленник проверил действие порошка на курах — у тех отнялись ноги). Хотя солдат в конце концов от своей затеи отказался, он тем не менее оказался в Тайной канцелярии. По соборному уложению 1649 года за покушение на здоровье государя ему грозила смертная казнь, но солдат отделался сравнительно легко — истязанием кнутом и вечной работой на каторге в Рогервике.

Среди колодников Тайной канцелярии оказывались и странные люди, видимо, с ненормальной психикой. Солдатский сын Никита Алексеев попал в застенок по наговору на себя, что будто бы пьяным поносил «в уме своем» императрицу Елизавету Петровну. Хотя слова поношения не были произнесены вслух, Алексеев понес наказание, ставшее нормой, — истязание плетьми и ссылку на каторжную работу. Было немало охотников сказывать «слово и дело» ложно, из «любви к искусству» мечтавших подвергнуться истязаниям. Например, некий матрос Адмиралтейского ведомства многократно вопил «слово и дело», а последний раз во время экзекуции поносил бранью Николая Чудотворца и государыню. Сей рецидивист подвергся более суровому наказанию — к битью кнутом и ссылке прибавили вырезание ноздрей.

Подобных дел было немало, но не они привлекали внимание императрицы. В этой главе мы поведем речь о так называемых политических процессах, когда обвиняемые, не ограничившись осуждением императрицы, называли альтернативную ей кандидатуру — Иоанна Антоновича. Таких процессов было три, причем два из них, в начале ее царствования, последовали один за другим. Все три процесса скорее явились плодом обостренного слуха Елизаветы Петровны к делам подобного рода: каждый шорох принимался за раскаты грома. Дело ограничивалось досужими разговорами.

Летом 1742 года зафиксирован так называемый заговор Турчанинова. Инициатором его стал прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Петр Квашнин, глава-

рем же следствие назвало камер-лакея Александра Турчанинова (видимо, потому, что его статус был выше, чем у Квашнина). Третий участник заговора — Иван Сновидов служил в Измайловском полку сержантом. Намерение заговорщиков состояло в том, чтобы восстановить на престоле законного государя, назначенного наследником еще при жизни Анны Иоанновны. Что касается Елизаветы Петровны, то она никаких прав на престол не имеет, ибо «прижита государынею императрицей Екатериной Алексеевной до венца». Ее возвели на престол лейб-компанцы «за винную чарку».

Детально разработанный план переворота отсутствовал: надлежало собрать, по одним известиям, 300, по другим — 500 человек, разделить их не то на две, не то на три группы и двинуться во дворец, к государыне в спальню, и взять ее под стражу. Другому отряду надлежало обезоружить лейб-компанию, а если она окажет сопротивление, то всех их переколоть.

Все это оказалось несбыточной мечтой. А когда к «заговору» попытались привлечь лейб-гвардии каптенармуса Парского и капрала Изгединова, оба поспешили с доносами в Тайную канцелярию.

Во времена Анны Иоанновны обвиняемых ожидала бы самая суровая кара — в лучшем случае им отрубили бы головы. При Елизавете, давшей обет не казнить никого из подданных, приговор по меркам того времени был сносным: Турчанинов после наказания плетьми, вырезания языка и ноздрей был сослан в Охотский острог, Квашнин и Сновидов отделались ссылкой в Сибирь.

Еще более странным было так называемое дело Лопухиных. Его можно оценить не иначе как брюзжание дам, недовольных воцарением Елизаветы и утратой прежних благ. Расскажем все по порядку.

Дело началось с того, что поручик кирасирского полка лифляндец Бергер, получив назначение в Соликамск начальником караула при сосланном туда графе Левенвольде, явился к Лестоку с важным сообщением. Этим доносом Бергер надеялся освободиться от назначения в глухую провинцию. Сообщение оказалось так по душе Лестоку, что он пообещал лифляндцу не только избавить его от новой службы, но и выдать вознаграждение.

Бергер донес о просьбе подполковника Ивана Лопухина передать по поручению его матери статс-дамы Натальи Федоровны Лопухиной поклон ее бывшему любовнику Левенвольде, а также пожелание не отчаиваться и твердо надеяться на лучшие времена. Какие же выгоды собирался извлечь Лесток из этой информации?

В его уме родился план большой интриги, рассчитанной на то, чтобы свалить вице-канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина или на худой конец хотя бы подорвать доверие к нему императрицы.

Дело в том, что опытный дипломат и интриган Бестужев оказался в ссылке после ареста Бирона, которому он оказывал не в меру ретивую поддержку во времена его регентства. После же ссылки Остермана Елизавета осталась без опытного руководителя внешнеполитического ведомства. По совету Лестока Бестужева вернули ко двору, возвратив ему прежнюю должность вице-канцлера. Лекарь поначалу рассчитывал, что обязанный ему Бестужев станет его марионеткой. Но Елизавета Петровна как в воду глядела, предупреждая француза, что тот протежирует Бестужеву на свою голову. Действительно, вице-канцлер отверг союз с Францией и остался убежденным сторонником традиционного сближения России с Австрией.

Основную роль в дискредитации своего противника Лесток отводил подруге Лопухиной графине Анне Гавриловне Бестужевой, супруге гофмаршала Михаила Петровича, родного брата вице-канцлера.

Посчитав полученную информацию недостаточной, Лесток поручил Бергеру выпытать у Ивана Лопухина, что означали слова его матери о наступлении лучших времен и когда их следует ожидать. Зная о пристрастии подполковника к горячительным напиткам, Бергер пригласил его в трактир, где развлекалась гвардейская молодежь. После того как собеседник захмелел, он начал провокационные расспросы. Лопухин заявил:

— Жить стало скучнее, чем раньше.

— А почему? — спросил Бергер.

— Та и есть причина, что ныне веселье никому на ум нейдет. Вот хоть на себя укажу. При дворе принцессы Анны Леопольдовны был я камер-юнкером в ранге полковника, а ныне определен подполковником, да и то неведомо куда — в гвардию или в армию... Ныне, друг любезный, веселится только наша государыня. В Царское Село со всякими непотребными людьми ездит, аглицким пивом напивается...

Далее Лопухин заявил собеседнику, что после смерти Петра II хотя и надлежало призвать на престол Елизавету, но она в то время была беременна. Подполковник продолжал рассуждать:

— Императрица держит в Риге под караулом Брауншвейгскую фамилию, того не ведая, что рижский караул готов поддержать ее против Елизаветы. Думаешь, не сладит с тремястами канальями? Прежний караул и крепче был, да сделали дело... Плохо под бабьим правительством, — заключил свой монолог Иван.

Но Бергер вытянул из него еще одно признание:

— Сам увидишь, что через несколько месяцев будет перемена. Недавно мой отец к матери писал, чтобы я не искал никакой милости у государыни. Мать перестала ко двору ездить, а я в последний раз был на маскараде.

Бергер решил продолжить беседы с Лопухиным и нашел себе сообщника в лице майора Фалькенберга, которого посвятил в тайны замысла.

— А принцу Иоанну недолго быть сверженну? — спросил Бергер у Ивана.

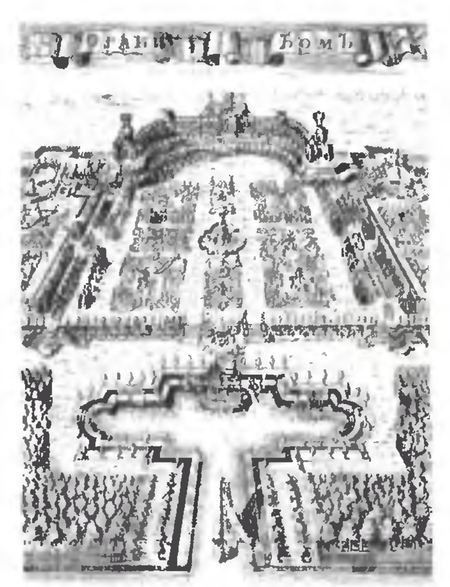
Получив утвердительный ответ, Бергер с Фалькенбергом поспешили с доносом к Лестоку. В тот же день лекарь известил обо всем императрицу. Как и следовало ожидать, реакция последней была молниеносной. Елизавета Петровна отменила поездку в загородную резиденцию, велела назначить караулы на улицах столицы и усилить их во дворце, несколько ночей меняла покои для сна. 21 июля 1742 года последовал указ руководителю Тайной канцелярии генералу Ушакову, действительным тайным советникам Трубецкому и Лестоку немедленно арестовать Лопухина и допросить его «о делах, касающихся против нас и государства».

Указ был приведен в исполнение только 25 июля. Бергеру и Фалькенбергу было отпущено четыре дня, чтобы они попытались выведать у подполковника что-то новое. Провокаторы снова пригласили Ивана в трактир, где тот назвал человека, преданного Иоанну Антоновичу. Им оказался не кто иной, как сам австрийский посол маркиз де Ботта — по словам Лопухина, «принцу верный слуга и доброжелатель», недавно выехавший из Петербурга, чтобы занять должность посла в Берлине при прусском короле.

Бергер и Фалькенберг состряпали дополнительный донос, после чего арестованный предстал перед грозными судьями — одна личность Андрея Ивановича Ушакова с его умением выбивать показания вселяла в подследственных неистребимый страх. На первом же допросе Лопухин признался — хотя и не во всем, но в главном: он поносил императрицу, бранил лейб-компанию и высказал удивление, почему прусский король не вступился за Иоанна Антоновича.

На следующий день императрица велела арестовать отца Ивана — находившегося в Москве камергера и генерал-кригс-комиссара Степана Васильевича Лопухина. Во время нового допроса младший Лопухин назвал имя своей матери, Натальи Федоровны, которой де Ботта якобы говаривал, что он, маркиз, не успокоится, пока не дождется воцарения Иоанна Антоновича, а восшествию его на престол будет помогать прусский король.

В дом Лопухиной для допроса отправилась комиссия. В отличие от слабовольного Ивана, Наталья Федоровна оказалась женщиной уравновешенной и рассудительной. Она отрицала показания сына относительно де Ботты и прусского короля и призналась лишь в том, что из жалости к Брауншвейгской фамилии считала желательным ее освобождение.

Вскоре под домашним арестом очутилась Анна Гавриловна Бестужева. И ее показания не слишком обогатили следствие. Как только сведения о допросах двух женщин стали известны Елизавете, вечером 26 июля последовал указ: «Ивана Лопухина и мать его Наталью и графиню Анну Бестужеву отослать под караул в крепость». Там обе дамы не в пример Ивану вели себя стойко и не в чем не винились. Наталья Федоровна попыталась отвести угрозу от семьи, свалив всю вину на австрийского дипломата, находившегося за пределами России. Ей было невдомек, что сын давно уже снабдил следствие сведениями, которые она упорно отрицала.

Приведенный в пыточную камеру, Иван ничего нового не сообщил. Нужно отдать ему должное — ни на кого из лиц, привлеченных к следствию, он ничего нового не наговорил. Подследственным устраивали очные ставки, тщательно изучали их переписку. Ивана дважды, а Наталью и Степана Лопухиных и Анну Бестужеву по одному разу поднимали на дыбу, но новых данных добыть не удалось. Как ни усердствовала комиссия, но желаемых показаний о практических мерах для свержения Елизаветы она не получила. 18 августа последовал указ о составе Генерального суда, который исходя из обычаев времени определил вину подследственных. Она явно не соответствовала результатам следствия. Обвиняемые, как написано в указе, «явились в важных не только против нашей персоны, но и в прочих, касающихся к бунту и измене делах, о чем в учрежденной нашей особой комиссии по следствии явно оказалось». Это была чистой воды ложь. Не соответствуют истине и слова приговора о признании обвиняемыми своей вины. Все эти уловки понадобились для того, чтобы подвести обвиняемых под самую суровую меру наказания: призыв к бунту и измене Уложением 1649 года и Уставом воинским карался смертной казнью. Генеральный суд приговорил Лопухиных (Ивана, Степана и Наталью) к колесованию с предварительным урезанием языка; остальных — к четвертованию.

Десять дней сентенция лежала у императрицы «на подписи»: Елизавета убедилась в полной безвредности дела Лопухиных. 28 августа императрица смягчила приговор — всем обвиняемым сохранялась жизнь и назначалась ссылка, причем Лопухину и Бестужеву было предписано высечь кнутом и урезать языки.

29 августа был опубликован Манифест о преступниках, а через два дня у здания Двенадцати коллегий состоялась экзекуция. Один из палачей сорвал с плеч Натальи Федоровны платье, а другой схватил жертву за руки и вскинул себе на спину, подставив ее тело под удары кнута. Вслед за битьем палач сдавил Лопухиной горло так, что та была вынуждена высунуть язык, половины которого тотчас же лишилась.

Когда очередь дошла до Анны Гавриловны Бестужевой, она успела передать палачу свой золотой крест, усыпанный бриллиантами. Вследствие этого удары были менее жестокими, а отрезан был лишь кончик языка (см. Наталья Федоровна Лопухина//Русская старина. 1874. № 9—10).

Английский дипломат К. Вейч в донесении от 5 августа 1743 года справедливо указал, что «заговор» скорее построен на «некоторых суждениях против правительства, из которых сделали злостные выводы, чем на каком-либо действительном замысле против царицы». По мнению Вейча, следственная комиссия сочла несолидным привлечение к суду двух старых сварливых женщин и двух-трех «молодых развратников» и впутала в это дело генерала Ботту, который был «очень близко знаком с упомянутыми дамами». Общий вывод англичанина: «В заговоре больше интриги, чем действительности» (Сб. РИО. Т. 99. СПб., 1897. С. 387—389).

Дело Лопухиных никогда не приобрело бы такого размаха, если бы не позиция самой императрицы, которая часто принимала важнейшие решения, руководствуясь исключительно собственными эмоциями. Красавица Наталья Федоровна, как и Елизавета Петровна, блистала на балах и маскарадах и не уступала императрице в умении танцевать. Рассказывают, что Лопухина вопреки повелению императрицы появилась при дворе в розовом платье и с розами в волосах. Разгневанная Елизавета послала за ножницами, собственноручно обрезала розы и нанесла ослушнице несколько ударов по лицу. Ненависть подогревалась еще и тем, что любовником Лопухиной был Левенвольде, причастный к организации слежки за цесаревной.

Через десяток лет возникло новое политическое дело, связанное с тобольским купцом Иваном Васильевичем Зубаревым. На фоне его богатого воображения трудно, а часто и совершенно невозможно вычленить подлинные факты. Несомненно одно — перед нами мошенник и авантюрист, любитель острых ощущений и легкой наживы, бойкий и изворотливый человек, наделенный изрядной фантазией. Дело это перешагнуло через границы империи: имя Иоанна Антоновича привлекло внимание иностранной державы.

Иван Зубарев, сын преуспевающего тобольского купца, стал известен в столице в 1751 году, когда при отъезде Елизаветы Петровны в Царское Село изловчился подать ей доношение о найденной им в Исетской провинции руде, содержащей серебро. Правительство России в течение веков проявляло интерес к такого рода находкам, поэтому последовало распоряжение передать образцы руды на экспертизу сразу в несколько мест: в Академию наук, Монетную канцелярию и московскую контору Берг-коллегии. Результаты проверки вызвали к рудоискателю настороженное отношение. Лабораторные испытания, проведенные в Монетной канцелярии и Берг-коллегии, не обнаружили в образцах ни грана серебра, в то время как академическая лаборатория сделала заключение о высоком содержании в руде драгоценного металла. Кабинет, по чьему заданию проводились пробы, потребовал от Академии объяснений, как такое могло случиться.

Оказалось, что экспертизу в академической лаборатории проводил сам Михаил Васильевич Ломоносов. Обращаясь к Ивану Ивановичу Шувалову, Ломоносов писал, не скрывая досады: «Хотя я в сем деле по совести чист, однако мне ничего тяжелее быть не может, как ежели наша всемилостивейшая монархиня хотя подумает, что я в науке своей был неискренен». Вскоре выяснилось, что Зубарев, как и многие подобные ему рудоискатели, исхитрился подбросить в горшок, в котором плавилась руда, натуральное серебро — он несколько раз появлялся в лаборатории в отсутствие Ломоносова.

Власти обвинили тобольского купца «в затейном воровском умысле». Чтобы привлечь к себе внимание, Зубарев сказал «слово и дело» и в итоге оказался в Тайной канцелярии. Следствие выяснило, что жизнь 22-летнего рудоискателя насыщена многочисленными приключениями. В Сибири Зубарев подвизался и как искатель руд, и как купец, и как изобличитель преступлений по таможенным сборам на Ирбитской ярмарке и по питейным доходам в Тюмени. При разбирательстве его доносов в столице Сибири Тобольске его обвинения не подтвердились, но ему каким-то образом удалось убедить губернатора Сухарева выдать ему документ на право сыска серебряных руд в Исетской провинции. Здесь Зубарев взял несколько проб из так называемых Чудских копей, где в древности плавили серебро, и отправился с ними прямиком в Петербург.

На первом же допросе он отказался давать показания следователю и потребовал аудиенции у самой императрицы. В аудиенции ему было отказано, его предупредили, что если он будет продолжать упорствовать, то подвергнется пытке. Сошлись на том, что Иван Васильевич будет давать показания самому руководителю Тайной канцелярии Александру Ивановичу Шувалову, сменившему Ушакова.

Зубарев сообщил о том, что встречался с наследником престола, будущим Петром III. Аудиенция у великого князя произошла в 1751 году, когда Зубарев познакомился с майором Федором Шарыгиным и при его посредничестве был допущен к Петру Федоровичу. Иван Васильевич обладал двумя качествами, присущими авантюристу высокого класса, — умением мистифицировать и втереться в доверие к собеседнику.

Зубарев поведал о том, чего он, как выяснится позже, никогда не видел. Приведем пространную выдержку из его показаний с трогательной манерой изображать детали: «И потом пришед оный Шарыгин сверху после полдень, взял его, Зубарева, вверх. И шел де он за оным Шарыгиным на большое крыльцо, где знамена лежат, и шли же по тому крыльцу прямо в покои, поворотя налево, вошли в другие покои ж; а из того покоя вышли в большое зало, где соизволил его императорское высочество быть, и как он, Зубарев, его императорское высочество увидел, весьма оторопел, однако же его императорское высочество соизволил спросить его, Зубарева, что он за человек и которого города. И на то он, Зубарев, объявил, что он города Тобольска купец Иван Зубарев и приехал для объявления всемилостивейшей государыне серебряных руд и песчаного золота».

В Тайной канцелярии решили проверить достоверность показаний Зубарева, но тот упредил события. Он, видимо, понимал, что проверка уличит его во лжи, за которую придется расплачиваться суровым наказанием, и сам явился в Тайную канцелярию с повинной. Майор Шарыгин подтвердил, что никакого посредничества Зубареву не оказывал.

Это признание не избавило нашего героя от тесного знакомства с заплечных дел мастерами. Следователи решили докопаться до подлинных причин, подвигнувших его на фальсификацию руды и на вымысел об аудиенции у наследника. Зубарев показал, что на мошенничество с рудой его толкнуло желание закрепить за собой купленных на чужое имя крестьян. Он знал о существовании двух путей стать душевладельцем: либо пробиться в дворяне и приобрести законное право на покупку крепостных, либо завести промышленное предприятие, к которому можно было приобрести крестьян. Иван Васильевич предпочел второй способ, вознамерившись в будушем соорудить сереброплавильный завод.

В 1754 году Тайная канцелярия передала Зубарева Сыскному приказу, откуда ему осенью того же года удалось бежать. Но следующим летом Иван Васильевич снова появился в орбите внимания Тайной канцелярии, но уже под фамилией Васильева. На него донесли, что он намерен пробраться в Россию из Польши, чтобы «скрасть» Иоанна Антоновича. В начале 1756 года Иван Васильев оказался в ведомстве политического сыска, где его встретили как старого знакомого. В его рассказе о своих похождениях с момента бегства мистификация и реальность переплетены весьма причудливо.

Авантюрист сообщил, что нанялся извозчиком к беглым купцам, вместе с товаром державшим путь в Кенигсберг. Там он встретил прусского офицера, обратившего внимание на богатырское телосложение Зубарева. Офицер предложил ему поступить в армию прусского короля. Иван Васильевич упорно отказывался, даже тогда, когда офицер пригласил его в трактир и угостил ужином с напитками. На следующий день офицер в сопровождении солдат доставил упрямца в ротную съезжую, где заявил капитану, будто бы приведенный русский «нанялся идтить в жолнеры за девяносто рублев». Зубарев, однако, отказался от принесенного мундира и 90 рублей. Капитан отвел его к полковнику, продолжившему уговоры, а когда убедился в их бесполезности, велел взять его под стражу и через пару часов доставил к фельдмаршалу Левольду.

Повествуя о своем визите к фельдмаршалу, Зубарев опять взялся за старое и стал в избытке сообщать «внушающие доверие» подробности: «Оный фельдмаршал лежа на канапе через переводчика спрашивал что подлинно ль де ты из купцов». Спросил он и о причинах отказа стать наемником прусского короля. «И он, Зубарев, на то ответствовал, что де он намерен ехать в Гданск, а изо Гданска в Малтию».

После того как Зубарев не поддался на уговоры фельдмаршала, его отправили на гауптвахту, где какой-то офицер возобновил вербовку: «Ты будешь честной человек. Мы де тебя произведем. Я де тебя куплю у господина капитана, и для того поедем мы с тобой к королю». Гостеприимство офицера и обещание представить королю так расстрогало Зубарева, что он согласился стать наемником. Завербованного наемника доставили в Потсдам, где он был представлен полковнику Манштейну. Манштейн — вполне реальное историческое лицо. Он состоял адъютантом фельдмаршала Миниха и приобрел известность при лишении Бирона регентства. После ссылки Миниха в Пелым Манштейн выехал из России якобы для лечения, назад не возвратился и с 1745 года пристроился у прусского короля адъютантом. В России поступок Манштейна сочли изменой, и военный суд приговорил его к смертной казни: «когда он будет пойман, то без всякой милости и процессу» его надлежало повесить. Россия потребовала от Фридриха II выдачи беглеца, но король и не думал расставаться с человеком, хорошо знакомым с секретами петербургского двора и русской армии.

Согласно показаниям Зубарева, Манштейн вел с ним разговор в присутствии дяди свергнутого Иоанна Антоновича. Неведомо из каких соображений генерал-адъютант прусского короля счел, что Зубарев называет себя тобольским купцом ложно, в действительности же он не кто иной, как лейб-гвардии гренадер, участник переворота в пользу Елизаветы. Подстраиваясь под Манштейна, он заявил, что он действительно гренадер и бежал из России вследствие карточного проигрыша.

Генерал-адъютант без дальних разговоров приступил к делу: с солдатской прямотой он предложил «послужить за отечество свое: съезди де ты в раскольнические слободы и уговори раскольников, чтоб они склонились к нам (пруссакам. — *Н. П.*) и чтоб быть на престоле Ивану Антоновичу». Манштейн далее посвятил Зубарева в секретный план освобождения свергнутого императора. Предполагалось, что где-то близ Архангельска отряд под командованием некоего прусского капитана «скрадет» Иоанна Антоновича, а раскольники, чтобы отвлечь внимание русского правительства, должны были поднять бунт.

Затем Манштейн устроил Зубареву аудиенцию у короля: «И как он (Зубарев. — *Н. П.*) вошел в по-

кои, то король сидел в стуле, а показанный принц, который был всегда у Манштейна, да другой оного принца брат (а как его зовут, не знает)» находились здесь же. Король будто бы произвел Зубарева в полковники и пожаловал полковничий мундир. Новоиспеченному полковнику Манштейн велел отправиться в Архангельск, подкупить там солдат и вручить Иоанну Антоновичу медаль с изображением брата Антона Ульриха. Это был пароль. «А как де Ивана Антоновича отец Антон увидит эти медали, то де он уже и без письма узнает, от кого они присланы». Освобожденных предполагалось отправить на специально присланном в Архангельск корабле. На дорожные расходы король пожаловал Зубареву огромную по тем временам сумму — тысячу червонных.

Манштейн определил маршрут движения Зубарева: сначала он навещает раскольников на Ветке (недалеко от Гомеля) и ведет с ними разговоры о возвращении на престол Иоанна Антоновича. Затем держит путь в Москву, где добывает фальшивый паспорт, и отправляется в Холмогоры, там предъявляет медали и велит готовиться к побегу.

Зубареву надлежало тщательно изучить покои, в коих содержалась Брауншвейгская фамилия. Караул было велено либо подкупить, либо напоить допьяна, на самый крайний случай — «разбить», то есть уничтожить. Ивану Васильевичу сообщили приметы капитана, возглавляющего отряд, который похитит узников: «Ростом невелик, толстенек, в лице бел, полон и шедровит; глаза серые, волосы свои светлорусые, немного рыжеваты, по-русски говорить умеет; жены еще тогда не имел, летами например лет в тридцать пять».

С зашитыми в подошве медальонами и тысячей червонных Зубарев отправился выполнять задание прусского короля. В пути его якобы ограбили, так что у него остались лишь не обнаруженные разбойниками медальоны, которые он вынужден был продать. Зубарев соблазнял раскольников поднять бунт и всячески помогать прусской армии, когда она откроет военные действия против России, обещаниями предоставить им свободу вероисповедания и право иметь своего епископа. Навещая поселения раскольников, он рассказывал байку о своей аудиенции у короля всем, с кем ему доводилось встречаться: монахам, настоятелям, раскольническим священникам, купцам, беглым солдатам и крестьянам. Затем эмиссар вернулся в Пруссию, чтобы отчитаться перед Манштейном. Генерал-адъютант велел Зубареву продолжать свою деятельность.

Когда Иван Васильевич снова появился на Ветке, его вдруг одолело раскаяние и желание прибыть в Тайную канцелярию с повинной (возможно, версию о раскаянии он придумал, когда его арестовали за конокрадство). Сколь велика достоверность его показаний?

Опираясь на источники, у нас нет оснований отклонить свидетельства Зубарева или принять их за достоверные. Вряд ли вербовка рядового наемника могла всерьез заинтересовать такого крупного военачальника, как фельдмаршал Левольд. Большие сомнения вызывает и план освобождения Иоанна Антоновича, изложенный первому встречному. Сомнителен рассказ об аудиенции у прусского короля и тем более история с назначением Зубарева полковником.

В связи с этим делом возникает больше вопросов, чем ответов. Почему, например, Тайная канцелярия ограничилась дознанием одного Зубарева и не привлекла к следствию хотя бы часть оговоренных им людей? Почему следствие велось так медленно? Вероятные ответы исключают друг друга: либо в Тайной канцелярии с самого начала сочли повествование давнего клиента вымыслом, либо, напротив, права М. М. Громыко, выдвинувшая гипотезу о выполнении Зубаревым правительственного задания — вовлечь прусского короля в освобождение свергнутого императора, чем создать прецедент для ужесточения содержания узника.

Возникает еще один вопрос: как отнеслось правительство России к показаниям Зубарева? Вопреки логике и здравому смыслу, оно проявило к ним большее доверие, чем историки, их изучавшие.

Первая из двух принятых по сему случаю мер воплотилась в указе императрицы начальнику караула в Холмогорах Вындомскому о переводе Иоанна Антоновича в другое место заключения. Вындомскому предписывалось «оставшихся узников (Антона Ульриха и детей. — *Н. П.*) содержать по-прежнему еще строже, с прибавкою караула, чтоб не подать вида о вывозе арестанта». Все обставлялось такой тайной, что указ не называл даже нового места заточения — Шлиссельбург. Судя по всему, Елизавета поверила в намерение Фридриха II освободить Иоанна Антоновича из заточения при помощи тобольского купца. Подобное поведение императрицы можно объяснить не только трепетом, в который ее повергало всякое упоминание о свергнутом императоре. Мы не знаем, что и как докладывал ей о Зубареве руководитель Тайной канцелярии А. И. Шувалов. В его интересах было держать Елизавету в постоянном напряжении.

Вторым последствием зубаревского дела стало устройство западни для пруссаков, если те все-таки объявятся в Холмогорах. Из Архангельска от имени Зубарева было отправлено письмо Манштейну с извещением об успешном выполнении плана освобождения Иоанна Антоновича («успех к тому хороший сыскан»). Зубарев якобы находится в Архангельске и ждет прибытия туда капитана с командою. В Берлине на эту провокацию не отреагировали никак — то ли потому, что там и не было никаких планов насчет свергнутого императора (и тогда весь рассказ Зубарева выдумка), то ли просто проявили осторожность.

Следствие по делу Зубарева так и не было завершено. Он серьезно заболел, хворь сопровождалась «превеликою рвотою», помешавшей ему исповедоваться, и в ноябре 1756 года он скончался. На вопрос священника, правда ли все то, что он рассказал следователям, Иван Васильевич ответил: «О ем де он в роспросе своем показал и то де самая истина, а того де от себя ложно не для чего не вымышлял».

Исследовательница М. М. Громыко обнаружила в фондах Тюменской воеводской канцелярии и Тобольской духовной консистории документы «некоего отставного поручика Ивана Васильевича Зубарева», проживавшего в 60—80-е годы XVIII века в Ялуторовском уезде Тобольской губернии. Предположив, что известный нам купец и отставной поручик — одно и то же лицо, она высказала достаточно смелые предположения: «Смерть Ивана Зубарева могла быть инсценирована Тайной канцелярией, а сам он награжден чином, выпущен тайно и водворен в сибирской глуши». По версии Громыко, Зубарев — агент русского правительства, засланный в Пруссию с целью «принятия жестоких мер против возможного претендента на престол».

Документально доказать эту гипотезу пока не удалось. А если это случайное совпадение? Тем более интересно, что столь ответственное задание поручили известному мошеннику и мистификатору. Прав Е. В. Анисимов, заявляя, что правительство не нуждалось в предлогах для ужесточения содержания узника (Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 148).

Ясность в дело Зубарева способны внести лишь документы германских архивов. Только они могут дать определенный ответ на вопрос о причастности Фридриха II к планам освобождения Иоанна Антоновича.

Была еще одна попытка освободить трон от Елизаветы Петровны, на этот раз не для Иоанна Антоновича, а для Петра Федоровича. Предпринял ее проигравшийся в карты пехотный подпоручик Иоасаф Батурин в надежде на то, что новый император Петр III щедро отблагодарит его. Для реализации своего замысла Батурин намеревался привлечь не только военных, но и фабричных рабочих, которых собирался подвигнуть к бунту. С Петром Федоровичем организатор заговора познакомился при обстоятельствах довольно странных.

Летом 1743 года Батурин попросил егерей, сопровождавших великого князя на охоте в подмосковных лесах, испросить у него разрешения встретиться с ним. Петр Федорович согласие дал и однажды увидел человека, стоявшего на коленях посреди леса и утверждавшего, что он, Батурин, признает его одного своим государем и готов выполнить любое его поручение. Наследник престола счел благоразумным пришпорить лошадь и скрыться подальше от греха.

Неудача не обескуражила Батурина. Он вновь обратился к егерям с просьбой сообщить великому князю о готовности фабричных поднять бунт, к которому готовы присоединиться находившийся в Москве батальон Преображенского полка и лейб-компанцы. Недоставало самой малости — «знатной суммы» денег, которые подпоручик надеялся получить от Петра Федоровича. План Батурина был предельно прост — всех служителей дворца взять под стражу, фаворита Разумовского с его сторонниками перебить, а свергнутую Елизавету держать под караулом, пока не будет коронован наследник. Если архиереи откажутся от коронации, то их надлежало изрубить.

Батурин похвалялся перед сообщниками: «У меня уже собрано людей тысяч тридцать, да еще наготове тысяч с двадцать; будут нам помогать и большие люди, граф Бестужев, генерал Апраксин». Но и на этот раз великий князь отделался молчанием, никаких денег Батурин от него не получил. Тогда он решил добыть средства мошенничеством. Назвавшись обер-кабинет-курьером, он отправился к купцу Ефиму Лукину и объявил ему, что прислан от великого князя с приказом взять у него пять тысяч рублей. Лукин, разумеется, требуемых денег не дал. Батурину ничего не оставалось, как снова отправиться к великому князю. На этот раз он написал латинскими буквами записку, в которой изложил план действий и сообщил, что у него пятьдесят тысяч сторонников.

Батурин вместе с сообщниками оказался в Тайной канцелярии. Ему определили пожизненное заключение в Шлиссельбургской крепости, а подпоручика Тыртова и суконщика Кенжина, на долю которых выпало поднять фабричных на бунт, было велено отправить на поселение в Сибирь.

Такое снисхождение было оказано Батурину потому, что Тайная канцелярия сочла его заявления не заслуживающим внимания пустым бахвальством. Отсутствие подписи Елизаветы Петровны на докладе следствия, быть может, объясняется тем, что и она не придала заговору серьезного значения.

(Продолжение следует)

В 1995 году редакция планирует выпустить книгу Н. ПАВЛЕНКО **«СТРАСТИ У ТРОНА»**, рассказывающую об истории дворцовых переворотов в России от смерти Петра Великого до воцарения Екатерины II. Журнальный вариант этой рукописи «Родина» публикует с октября 1993 года.

Предварительные заявки присылайте по адресу редакции. Книга Вам будет выслана наложенным платежом.

«БЕЗ УТАЙКИ, БЕЗ ПОРЧИ...»

Помыслив войти в мир культуры маленького города, отрешаешься от стандарта и настраиваешься на тайну.

Тайна подмигивает с первого же плаката, увиденного в торговом центре: «Покупайте свеклу! Она придает борщу загадочный цвет!»

Переварив это, натыкаешься на другой плакат: зовут молодых горожанок на конкурс; самой элегантной обещают звание «мисс Ирбит»; покорно просят родителей не препятствовать старшеклассницам, желающим поймать шанс.

Почему-то именно этот оборот с ПОКОРНОЙ ПРОСЬБОЙ кажется наиболее верным признаком того, что маленький Ирбит, отбежавший от Свердловска, то бишь Екатеринбурга, еще на полтораста верст восточнее, жадно ловит веяния, идущие с европейского Запада.

Впрочем, Ирбит известен и без рекомендаций. Не говоря уже о Ярмарке, триста лет назад гремевшей на всю страну, — сегодня всякий, кто садится за руль мотоцикла «Урал», знает, где сделан этот соперник американского «Харлея» и японской «Хонды». Всякий, кто помнит Войну, оценит тот статистический факт, что треть наших самолетов и танков была оснащена ирбитским бронестеклом.

Но я о культуре. Первый сюрприз: в ста шагах от «покорной просьбы» к юным ирбитянкам не таить своих прелестей и в двухстах шагах от загадочного борща хранятся в огромных папках Тициан и Ван-Дейк, Тинторетто и Рембрандт — графические листы, оттиснутые когда-то в лучших мастерских Европы и отреставрированные теперь частью в Москве и Питере, частью же здесь, на улице Елизарьевых, в тесных закутках полуизбы-полупавильона с гордой надписью над крыльцом: «Картинная галерея. Ирбитский Музей Искусств».

Фантастика! Я понимаю, когда уральская графика собрана тут от Вагина до Казанцева, когда в тесном зальчике живопись уральская теснится, рамка к рамке. Но плюс к этому — «Поругание Христа» Франсуа Ланго, оживленное из шести распавшихся фрагментов! И коллекция гравюр мирового класса! Здесь, на расстоянии «мотопробега» до хантейских болот и алапаевских шахт...

Конечно, не обошлось без подвижника. Он передо мной — богатырского роста, с гривой, модно собранной на затылке. Директор Музея Валерий Карпов.

Говорю: у вас есть шанс стать уральским Третьяковым. Смеется: или уральским Цветаевым. В зависимости от того, какая половина коллекции получит перевес: западноевропейская или отечественная.

Оставив этот вопрос будущему, прохожу еще несколько кварталов и ныряю в прошлое. Буквально: вниз, в ледяной подвал, где основатель и хранитель другого музея — Краеведческого — сберегает уральское железо. Вроде бы стандартная экспозиция, с картой родного края, с чучелами животных и неубранными (неубранными!) фотографиями, на которых молоденький Ельцин у подножья гранитного Ильича прикалывает орден к райцентровскому знамени. Фактически же — уникальная коллекция староуральского быта, упрятанная в огромный подвал, который своими руками выкопал под музеем его директор. Формально — директор. Фактически — ирбитский Пимен, Нестор, Павел Бажов и Вячеслав Шишков в одном лице — автор книги «Были Ирбита» Иван Антропов.

Проходим с ним сквозь замершее царство утюгов, самоваров, жерновов, штыков, мечей и — наверх, наверх из этого подвального холода, в теплый солнечный дворик, а там...

Странная гранитная фигура, то ли грозно нависшая над кучей мусора у забора, то ли бессильно припавшая на какие-то жерди. В силуэте торса, подпертого спереди, есть что-то от знаменитой скульптуры Вучетича «Перекуем мечи на орала», так что я не сразу соображаю, кто это и что это. И только рассмотрев в сжатом кулаке гранитного гиганта знакомо смятую кепку, понимаю кто. И в то же мгновенье различаю другое, от чего перехватывает горло: голова у статуи сбита и, раскологая, лежит рядом.

— Иван Яковлевич, что это?! (хотя мне уже и так понятно).

Отвечает с деланным добродушием:

— Да вот... разбили. Подростки, наверное.

— А сюда кто принес?

— Да вот принесли... Может, те же, кто разбил, может, другие.

Вдруг оживляется:

— Я их всех хочу собрать тут. И Ленина, и Сталина, и Екатерину. Ленин, почитай, спасен: вот он. Со Сталиным сложнее: его, когда сбрасывали, так потоптали тракторами! Надо разыскать осколки... И Екатерину надо найти. Если только ее не переплавили. Она ведь там стояла, где Ленина потом поставили. Я бы их всех тут приютил.

В завершение встречи я получаю следующий «Диплом»: «...Удостоверяю, что Аннинский Л. А. (имя вписано каллиграфически) приохотился в Ирбитском историко-этнографическом музее к истории некогда торгового края по своей доброй воле, и познаний ему отпущено полной мерой и без обвеса. Исправным аршином отмерены и сведения о нынешнем Ирбите. Если податель оного Диплома тоже учнет торговать ими оптом или розничо, то выкладывать товар должен без утайки и без порчи...»

Припечатано: «И. Я. Антропов, заслуженный работник культуры РСФСР». На бланке. С пятиконечной звездой, серпом-молотом и лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Бланк напечатан в Москве в 1988 году. Текст начинается словами: «По велению Юпитера», а кончается: «Меркурий, покровитель торговли».

О чем сообщаю читателям журнала «Родина», как и велено, полной мерой, без утайки и обвеса. Чтобы картина культурной жизни уральского города Ирбита была по возможности объективна. И сохраняла «загадочный цвет», как и положено в нашей многострадальной и двужильной стране.

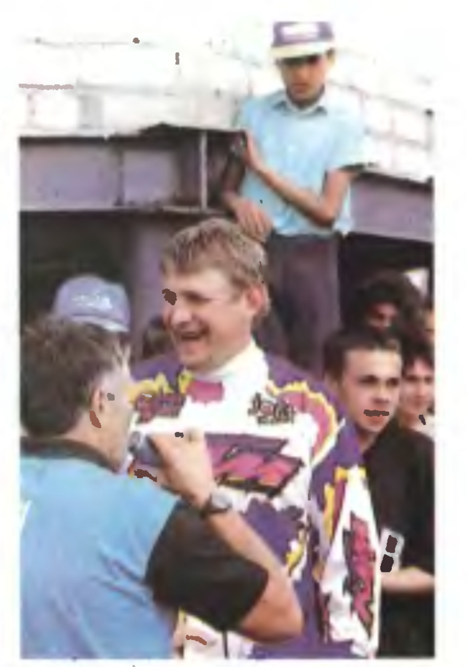
Лев АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

**Светит солнышко,
тянутся с неба дожди,
приходят в мир новые люди, а
город с караванных торговых
путей все стоит у реки Ницы,
вспоминая былое, пытаясь
угадать свое Завтра.
Живи, Ирбит,
славься хозяевами,
делами!**

ФОТОГРАФИИ
АЛЕКСАНДРА УТРОБИНА

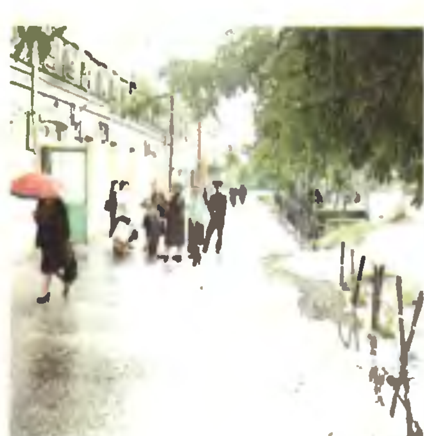

МИХАИЛ ВЫЛЦАН,
доктор исторических наук

КОГДА СТРУНЫ ЗАЗВУЧАТ В УНИСОН?

НА КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ СПОТЫКАЛИСЬ ВСЕ ВЛАСТИ: РЕФОРМАТОРЫ-СТОЛЫПИНЦЫ, БОЛЬШЕВИКИ, ТЕПЕРЬ ВОТ ДЕМОКРАТЫ...

Индивидуализм и коллективизм крестьян — факт в научной литературе достаточно известный. Но представляет интерес, как сами крестьяне смотрели на эту имманентную черту своей природы, а также в каких формах проявлялся индивидуализм и коллективизм на разных этапах истории крестьянства. Вопросы эти — новые для исторической науки и достаточно сложные. В досоветское время, при почти сплошной неграмотности, крестьяне не могли оставить о своем житье-бытье письменных источников. Но их восприятие жизни отражено в устном народном творчестве, в котором по широте охвата явлений и художественности на первом месте, безусловно, находятся пословицы и поговорки. Были на Руси и подвижники, которые собирали и записывали эти бесценные исторические памятники. Собранные В. И. Далем примерно 30 тысяч пословиц и поговорок отражают крестьянское восприятие жизни до отмены крепостного права.

Посвященных миру, то есть общине, пословиц и поговорок у Даля собрано свыше 70. По высказываниям крестьян о мире можно судить о том, как они относились к «коллективному началу» своей жизни. Отношение это было далеко не однозначным. С одной стороны:

Что мир порядил, то бог рассудил.
Как мир захочет, рассудит, порядит, поставит, поволит, приговорит, положит; мирская воля.
Что миром положено, тому быть так.
Мир — велик человек; мир — великое дело.

Гораздо больше пословиц и поговорок, в которых содержится скептическое и критическое отношение к «общинному» коллективизму:

Мир несудим, а мирян бьют.
Мир с ума сойдет — на цепь не посадишь.
Вали на мир: мир все снесет.
В миру виноватого нет.
В миру виноватого не сыщешь.
Пропадать, так всем (вместе) пропадать.
И мир не без начальника (не без головы).
Крестьянская сходка — земским водка.
Быть на сходке — согрешить (то есть рассудить неправо, или смолчать, или побраниться).
Мир на дело сошелся: виноватого опить (гибельный обычай: вместо правосудия, например, за потраву приговаривают: поставить миру ведро вина).
Народ глуп: все в кучу лезет.
Мир сутки стоял, небо подкоптил и разошелся.
Мужик умен, да мир дурак.

Как видим, крестьяне были далеки от того, чтобы идеализировать общинный уклад. Характерно, что нет пословиц, посвященных общинному землепользованию. Большинство из них касается «общинной демократии», причем крестьяне хорошо представляют изъяны этой «коллективности»: засилье «начальника», неправый суд, бестолковость, неразбериха. Общая оценка — «мужик умен, да мир дурак». А в делах своего крестьянского двора мужик всегда выступал как «хозяин», которого можно уподобить семейному диктатору: «Бей жену больней, будут щи вкусней».

Индивидуализм явно превалирует над коллективизмом в пословицах, группируемых по разделу «работа — праздность». В этом разделе, содержащем около 500 пословиц и поговорок, нет ни одной посвященной крестьянской взаимопомощи — аналогии коллективного труда. Зато обнаружены четыре поговорки, негативно оценивающие псевдоколлективный труд:

Семеро одну соломинку подымают.
Один рубит, семеро в кулаки трубят.
Двое пашут, а семеро руками машут.
Семеро лежат в куче, а один всех растаскает.

В разделе «свое — чужое» крестьянин предстает как законченный индивидуалист и собственник:

Всяк сам на себя хлеба добывает.
Кто о чем, а мы о своем. Кто по ком, а мы по себе.
Всяк сам себе дороже. Всякому свое дороже.
Не постою ни за что, постою только за себя.
Начхаю богачу, коли свой сноп (свою рожь) молочу.
На себя работать не стыдно (не скучно).
Господской работы никогда не переделаешь.
На чужое богатство не надейся, свое береги!

Из множества пословиц, утверждающих «свое», пожалуй, одна-единственная «библейского» характера: «Живи людям и себе» (то есть живи на себя так, чтобы и людям хорошо было). А вообще к крестьянской взаимопомощи и здесь отношение негативное, второстепенное:

Чужу пашню пашет, а своя в залежи.
Чужую пашенку пахать — семена терять.
Чужую рожь веять — глаза порошить.
Чужую траву косить, а своя в ветоши.
Чужое сено катает, свое гноит.

Зато весьма положительное отношение («мини-коллективизм») к соседу:

Без брата проживу, а без соседа не проживу.
У нас и сохи свились вместе (дружные соседи).
Соседство — взаимное дело.

В то же время:
Дружба дружбой, а табачок врозь.
С соседом дружись, а тын (забор) городи.
С соседом дружись, а за саблю держись.
Межа — святое дело. Межа и твоя и моя.
Межи да грани — споры да брани.

Из анализа пословиц и поговорок, собранных В. Далем, напрашиваются два вывода. Первый: для крестьянских представлений о труде был присущ как индивидуализм, так и коллективизм. Индивидуализм по преимуществу относился к трудовому процессу и результатам труда. Причем труд оценивается так: «Египетская работа», «Каторжная работа», «Господской работы никогда не переработаешь».

Коллективизм в основном относился к крестьянскому самоуправлению, миру, причем этот мир оценивается весьма критически.

Второй вывод: почти полное отсутствие пословиц и поговорок, относящихся к общинному землепользованию. В чем дело, почему? Вопрос, над которым стоит подумать филологам и историкам.

Между тем все говорит о том, что в крестьянском менталитете общинное землепользование занимало не меньшее место, чем те стороны жизни, которым посвящены сотни, тысячи пословиц и поговорок. В особенности это относится к пореформенному периоду, когда вопрос о частном или общинном землевладении превратился в одну из самых острых проблем не только социального, но и политического развития России.

В начале века в спор о земле вступили, например, с одной стороны, С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, с другой — Л. Толстой и крестьяне. Витте писал: «Общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается и, в особенности, искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреет».

Как отметил историк-публицист П. Зырянов, «Толстой и крестьяне, с которыми он беседовал, видели только один вид частной земельной собственности — помещичью собственность. И были убеждены, что она приносит вред»[1]. Они в подавляющей своей массе выступали и против крестьянской частной собственности на землю, считая, что земля — «божья» и никому из людей принадлежать не может. В этом был отголосок раннехристианских учений, проповедовавших общечеловеческое равенство и братство людей, евангельский идеал общинного патриархального строя с потребительским коммунизмом в быту.

В живучести общинного землепользования, при котором земля распределялась и периодически подлежала переделу между членами общины «по справедливости» — чувству особенно обостренному у крестьян, — помимо религиозной традиции играли большую роль и чисто житейские соображения. Крестьянское земледелие находилось в большой зависимости от капризов природы. Пресловутая «чересполосица» не являлась лишь одним неудобством. Имея полосы в разных частях общественного клина, крестьянин обеспечивал себе ежегодный средний урожай: в засушливый год выручали полосы в низинах, в дождливый — на взгорках.

В ходе столыпинской реформы выяснилось, что подавляющая масса крестьян к частной собственности на землю отнеслась весьма прохладно. Хотя, разумеется, было немало ее сторонников, особенно из числа зажиточных. Многих не устраивала перспектива выхода из общины на хутора и отруба, несмотря на давление властей. Характерный случай произошел в Грязовецком уезде Вологодской губернии. В одну из деревень приехал член землеустроительной комиссии. Утром был созван сход, и «непременный член» объяснил «мужичкам», что им надо выходить на хутора. Посовещавшись между собой, крестьяне ответили отказом. Ни обещания предоставить ссуду, ни угрозы арестовать «бунтовщиков» и привести солдат не помогли. Крестьяне повторяли: «Как старики жили, так и мы будем жить, а на хутора не согласны». Тогда «непременный член» отправился пить чай, а крестьянам запретил расходиться и садиться на землю. После чаепития «непременного» потянуло ко сну. К ожидавшим под окном крестьянам он вышел поздно вечером. «Ну как, согласны? — Все согласны! — дружно ответил сход. — На хутора, так на хутора, на осину, так на осину, только чтобы всем, значит, вместе»[2]. (Ответ напоминает пословицу, записанную Далем: «Пропадать, так всем (вместе) пропадать».)

19 августа 1917 года в газете «Известия» был опубликован крестьянский наказ Учредительному собранию, составленный на основании 242 пожеланий с мест, содержащий точку зрения подавляющего большинства крестьянства по всему спектру земельных вопросов (был включен в текст декрета Второго Всероссийского съезда Советов «О земле», принятого 26 октября (8 ноября) 1917 года).

«Право частной собственности на землю, — говорилось в наказе, — отменяется навсегда; земля... обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

...Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме.

Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках».

Индивидуализм и коллективизм крестьян (в том числе в их восприятии) в период с октября 1917 года до начала сплошной коллективизации (конец 1929 г.) освещен в литературе достаточно полно, особенно в работах В. П. Данилова, широко использовавшего материалы разного рода обследований и анкетирований[1]. Отметим лишь наиболее важные тенденции.

Индивидуализм перестал подпитываться на основе частной собственности на землю. Он усилился на почве выхода крестьян на хутора и отруба. Проявился индивидуализм, присущий в таких широких масштабах только для 20-х годов, на базе раздела крестьянских дворов.

«Коллективистское начало» получило развитие в возрождении и сохранении крестьянской общины, широком применении различных форм кооперации, появлении первых коммун и колхозов.

В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнений, что переход к сплошной коллективизации в начале 30-х годов противоречил настроениям большинства крестьян, несмотря на богатые коллективистские традиции, связанные, в частности, с общиной. В спорах историков о том, помогала или, наоборот, препятствовала община переходу к колхозам, нельзя забывать, что «общинная коллективность» никогда не затраги-

вала тех производственных задач, которые в колхозах выдвинулись на первый план. Крестьян особенно тревожили вопросы о формах и уровне обобществления средств производства, организации труда и распределении доходов в коллективных хозяйствах. В художественной литературе это хорошо передано, например, в размышлениях «типичного середняка» Макара Нагульнова из «Поднятой целины» — произведения, по многим вопросам дающего искаженную картину коллективизации.

«Хрестоматийный глянец» коснулся не только художественных произведений, многочисленных воспоминаний «вожаков» и передовиков колхозного производства, но даже сборников пословиц и поговорок, после длительного перерыва начавших издаваться в советское время. Приведем пословицы, посвященные колхозам, из сборника «Русские пословицы и поговорки» (М.: «Наука», 1969):

В одиночку не одолеешь и кочку, а артелью и через гору впору.
В хорошей артели все при деле.
Когда рук много, работа спорится.
Муравьи да пчелы артелями живут, а работа спора.
Один горюет, а артель воюет (то есть работает).
Один — камень не сдвинешь, артелью — гору поднимешь.

Такое впечатление, что эти пословицы сочинялись не колхозниками, а кабинетными учеными, выполняющими «социальный заказ».

В истинной же оценке сталинских колхозов народ был точен. Об этом свидетельствуют многочисленные источники, которые можно отнести к «крестьянским». Вот, например, деревенские частушки времен коллективизации[4]:

Едет Сталин на корове,
У коровы один рог.
— Ты куда, товарищ Сталин?
— Раскулачивать народ!

Вставай Ленин, умри Сталин.
Мы в колхозе жить не станем.

Ах, колхозы, вы колхозы,
До чего же довели?
Распоследнюю корову
Со двора-то увели.

Антиколхозные настроения крестьян особенно сильно подпитывала несправедливая система распределения, при которой почти вся сельскохозяйственная продукция уходила государству.

Характерно, как известное высказывание царского министра: "Не доедим, а вывезем" — трансформировалось в колхозную поговорку 30-х годов: «Пшеничка — заграничка, на трудодни — лебеда» (услышана автором в Томской области).

Неудивительно, что все чаяния и упования колхозников все больше и больше связывались с личным хозяйством. Однако сколько-нибудь гармоничного сочетания индивидуального и кооперативного начал в колхозах не получилось. Перед войной и в конце 50-х — начале 60-х годов проводились шумные кампании против личного хозяйства колхозников. Вся более чем шестидесятилетняя история советской коллективистской системы — это история борьбы с так называемыми частнособственническими пережитками в сознании крестьян. Между тем это были никакие не пережитки, а естественное состояние человека. Подспудно это понимал такой коммунистический лидер, как Н. Хрущев, пытавшийся в рамках коллективистской системы проводить в отдельные годы урезанную и куцую политику «повышения личной материальной заинтересованности работников в результатах своего труда». Но это не приносило ожидаемых результатов, так как на первом месте всегда стояла борьба с «пережитками».

Во главу угла современной аграрной реформы положены три «кита»: а) деколлективизация; б) фермеризация; в) частная собственность на землю. То, и другое, и третье вызвано скорее идеологическими, чем экономическими соображениями. Никому из серьезных экономистов еще не удалось доказать, что сельскохозяйственные кооперативы органически не могут «вписаться» в рыночные отношения. Многовековой опыт российского крестьянства говорит и о том, что в его ментальности частная собственность на землю никогда не стояла на первом месте. Создается впечатление, что «радикальных реформаторов» для сохранения «лица» вполне устроил бы не рынок сельскохозяйственных товаров (их производство за годы «реформы» упало на 30—40 процентов — намного больше, чем в годы сталинской коллективизации), а рынок земли.

Указ Президента о купле-продаже земли на селе встречен неоднозначно. Крестьянин видит, что, оставшись один на один с частной собственностью на землю, но без техники, удобрений и топлива, которые безумно подорожали, он пропадет, а землю у него «уведут» из-под носа, выкупят и перепродадут. Потому он и не спешит выходить из колхоза. К октябрю 1992 года перерегистрацию прошли 10600 колхозов и совхозов, или 41 процент их общего числа. Из перерегистрированных хозяйств 4500 (42 процента) сохранили свой прежний статус. Остальные превратились в акционерные общества, товарищества с ограниченной ответственностью и т. п.

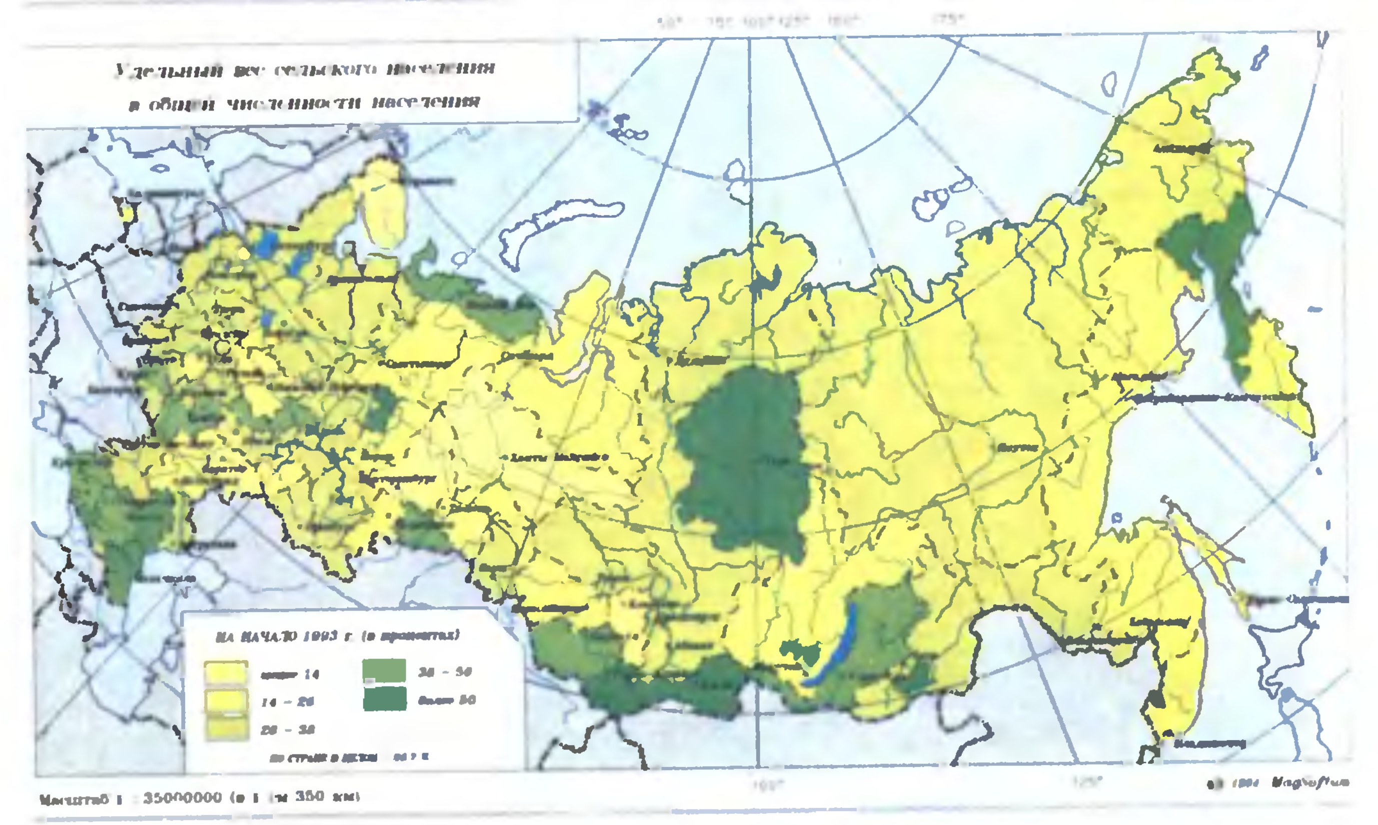
Подлинный индивидуализм крестьян возможен тогда, когда земледелец будет иметь не только землю, но и все, что к ней должно быть приложено. В современных условиях, без помощи государства, сделать это вряд ли удастся. А потому крестьянин будет видеть спасение в «мы», не уповая на «я».

Для того чтобы фермеру развить товарное производство, необходимо несколько сотен миллионов рублей. А для примерно 269 тысяч фермерских хозяйств (данные конца 1993 года) требовались долгосрочные кредиты в миллиардах рублей. Но денег нет. Поэтому многие фермеры, по существу не став еще настоящими фермерами, сворачивают с этой дороги. Не нужно быть провидцем, чтобы предугадать, что именно они одними из первых внесут лепту в «рынок земли».

Сейчас у фермеров примерно 11 миллионов гектаров угодий — огромный клин. А как обстоит дело с техникой? Если у нашего фермера на 1000 гектаров приходится в среднем 3 трактора, то в Германии, например, — 124. Неудивительно, что фермерские хозяйства даже в районах их наибольшего развития дают лишь 4—6% продукции.

Когда правительство в начале 1994 года поставило вопрос об усилении финансовой помощи сельскому хозяйству, «радикальные реформаторы» начали острить: «Во всем мире сельское хозяйство кормит народ, только в России народ кормит сельское хозяйство». Но хотелось бы знать, почему напрочь игнорируется тот факт, что по 24 развитым странам Запада и Востока государственные дотации сельскому хозяйству составляют в среднем 50 процентов стоимости сельхозпродукции (а в Японии и Финляндии до 80 процентов). На одного фермера там приходится около 30 тысяч долларов в год. А у нас не то чтобы выделить необходимые дотации, а не могут рассчитаться с долгами...

Индивидуализм и коллективизм можно уподобить двум струнам крестьянской души. До сих пор власти пытались играть то на одной, то на другой. Душа крестьянина по-настоящему запоет лишь тогда, когда обе эти струны будут звучать в унисон.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зырянов П. Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 76.
2. Там же. С. 59—60.
3. См.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 139—140, 243—247 и др.
4. Записал В. Кондрашин в конце 80-х годов в деревнях Южного Урала и Поволжья.

Читатель уточняет

Уважаемая редакция! Имею основание предполагать, что Буденный никогда не воевал под Костромой (см. «Родина». № 2. 1994. С. 83). Вероятнее всего, здесь следовало писать о Касторной.
А. Боянский, С.-Петербург.

Действительно, Вы правы, г-н Боянский. Речь в статье «Рождение буденовки», конечно же, шла о станции Касторной. Приносим извинения за эту досадную опечатку.

ЛЕВ ПРОТАСОВ,
доктор исторических наук
ОЛЬГА ПРОТАСОВА

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ

Современный читатель, поверхностно знакомый с российской историей начала XX века, вряд ли подозревает о существовании в свое время народно-социалистической партии. И это не в укор ему, поскольку и наша официальная наука не баловала народных социалистов своим вниманием. Благодаря злым ленинским оценкам («полукадеты», «социал-кадеты», «перепряженные кадеты») за ними утвердилась несправедливая, малопочтенная репутация партии без собственного лица, межеумочной. А потому вся теоретическая и практическая деятельность народных социалистов, в той мере, в какой она все же удостаивалась научного внимания, рассматривалась как псевдосоциалистическая, исторически обреченная с начала ее существования.

Однако партийный спектр России был бы сильно обесцвечен без этой партии, игравшей достаточно заметную и, главное, самостоятельную роль на сцене политического театра страны. Стоит лишь упомянуть двух ее министров (А. В. Пешехонов и А. С. Зарудный) в составе Временного правительства в 1917 году, нескольких товарищей министров, видных деятелей всероссийских государственных и общественных учреждений. По насыщенности интеллектуальными силами народно-социалистическая партия уступала, может быть, только кадетам. Не случайно ее лидеры оставили яркий след не только в политике, но и в литературе, журналистике, науке, в кооперативном и земском движениях. Общеизвестно литературное творчество С. Я. Елпатьевского, В. Г. Богораза-Тана, П. Ф. Якубовича (Мельшина), М. А. Алданова, С. П. Мельгунова, научные труды историков В. И. Семевского и В. А. Мякотина, аграрников А. В. Пешехонова и Н. П. Огановского, географа и этнографа О. А. Шкапского, химика А. А. Титова, отмеченные признанием и наградами еще до 1917 года. Духовно близок был к народным социалистам и формально в партии не состоявший В. Г. Короленко.

Эмбрион народно-социалистической партии сложился еще до первой революции вокруг редакции знаменитого «Русского богатства». Этот «толстый» журнал народнического направления достойно продолжал демократические традиции «Современника» и «Отечественных записок» под редакторством Н. К. Михайловского, а после его смерти в январе 1904 года — В. Г. Короленко. Политические единомышленники, члены редакционного комитета на своих «четвергах» обсуждали не только материалы журнала, но и вопросы грядущего освобождения России от «самодержавного деспотизма и экономического рабства», вдохновляясь идеями эволюционного социализма. Так исподволь закладывались теоретические и организационные основы будущей партии.

С 1905 годом наступило время бурной «партизации» российского общества. Публицисты из «Русского богатства» по народнической традиции ориентировались на партию социалистов-революционеров, сотрудничали в эсеровской газете «Сын Отечества», оказывали нелегалам даже отдельные конспиративные услуги. Однако ни по формальному членству, ни по духу своему они к эсерам не принадлежали, и это обстоятельство следует особо подчеркнуть потому, что в исторической литературе нередко указывается, будто они выделились из правого крыла эсеров.

В конце декабря 1905 года в Финляндии состоялся учредительный съезд ПСР, принявший программу и устав партии. На него были приглашены члены редакции «Русского богатства» А. Пешехонов, В. Мякотин, Н. Анненский, П. Якубович. Пешехонов вспоминал позже: *«Мы были там, — сужу по тому, как нас приняли, как к нам относились, как нас потом удерживали, — желанными гостями»*[1]. Тем не менее четверка покинула съезд.

Этот уход был вызван принципиальным несогласием умеренных народников с эсеровским радикализмом: они не могли принять ни слова «революционеры» в названии партии, ни тем более тактики террора против власти. Именно с этого времени публицисты «Русского богатства», воспользуемся ленинским выражением, стали коллективным пропагандистом и организатором новой партии. С обращением к интеллигенции «левее кадетов» и призывом объединиться выступил В. Богораз-Тан в статье «Кто мы такие». Отмечая, что политическое самосознание народа растет и интеллигенция не может оставаться беспартийной, он указал на то, что ей остается или разбрестись по имеющимся партиям, или попытаться создать свою: *«Мы могли бы создать великую народно-демократическую партию»*[2].

Есть свидетельства, что уже в конце 1905 года в журналистском бомонде появляется и само название «народные социалисты». Оно удачно оттеняло народническую преемственность и подчеркивало внеклассовый характер нового политического течения, противопоставляя его «узникам классового сознания» — марксистам, с их поклонением «пролетарскому социализму».

Окончательное оформление партии состоялось через год — в сентябре 1906 года. В ноябре на учредительной конференции была образована Народно-социалистическая (трудовая) партия, приняты ее программа и устав, опубликованные в первом номере партийного журнала «Народно-социалистическое обозрение».

Программа энесов (так в политическом обиходе стали их называть), многократно похороненная ее критиками, тем не менее пережила их, а ряд ее положений сейчас, в конце XX века, выглядит более современным и своевременным, чем в его начале. Можно сказать, это был сгусток политической, экономической, социологической мысли российской интеллигенции, настроенной социалистически, но не скованной догмами какого-либо вероучения, будь то западнический марксизм или теория русского общинного социализма А. Герцена и Н. Чернышевского. В отличие от программ других партий, она не предписывала России строго заданного пути и даже формы правления: как сказал в 1906 году В. Мякотин, в мире есть и свободные монархии, и недостаточно свободные республики, поэтому дело не в форме, а в содержании. *«Все для народа, все через народ»*, — это стало партийным девизом энесов.

Источник всех бед энесы видели в деревне, в приниженном экономическом и правовом положении крестьянства. Как и эсеры, они стояли за отчуждение земель помещиков и наделение ею крестьян по трудовой норме, но отвергали эсеровскую идею социализации (то есть обобществления) земли. По их мнению, регулярные переделы, принудительная уравнительность только мешают агротехническому прогрессу, являя собой пародию на социализм. Уравнительность по-энесовски сводилась лишь к взиманию особого налога за лучшие земли. А. Пешехонов и его единомышленники в отличие от эсеров считали, что община довлеет над хозяйственной инициативой, самостоятельностью мужика. Но они были и против насильственного ее разрушения по столыпинскому образцу. Не принимали они и кадетского принципа передачи земли в частную собственность. Энесы отстаивали идею национализации земли, понимая это как обращение всей земли в общенародное достояние с правом распоряжаться ею демократически организованным территориальным союзам. Они были убеждены, что крестьяне поддержат такую меру.

Уже тогда энесы имели возможность проверить практически свою теорию. Они вошли в тесный контакт с многочисленной группой избранных в I Государственную думу беспартийных крестьян, составивших фракцию трудовиков. Аграрная программа трудовиков — знаменитая «записка 104-х» — была разработана Пешехоновым и включала важный пункт о национализации земли. Однако публичное обсуждение аграрного вопроса стало поводом для роспуска думы царем. (Нелишне заметить, что эта программа давала простор интенсификации крестьянского хозяйства на основе семейно-трудового начала, развития кооперации и широкой государственной поддержки; многие ее идеи прямо перекликаются с выводами знаменитой впоследствии «школы А. В. Чаянова». В 1917 году энесы и беспартийный социалист Чаянов выступят в единых списках на выборах в Учредительное собрание.)

Другой ключевой идеей народно-социалистической доктрины была идея государственности, резко отделявшая энесов от революционных партий, но сближавшая их с кадетами. Осуждая захватное движение крестьян как новую «пугачевщину», энесы призывали

крестьян к подаче петиций, ходатайств, вообще к средствам, не выходящим за рамки существующих законов. Социальный смысл преобразований заключался в том, чтобы государство из силы, враждебной обществу, превратилось в силу общественного прогресса и правового порядка. Поскольку, рассуждали энесы, Россия после 17 октября 1905 года стала конституционной монархией, она сможет развиваться эволюционно, постепенно освобождаясь от полицейско-бюрократических традиций. Сам переход к социализму ими мыслился как последовательное ограничение власти капитала мерами госконтроля с привлечением рабочих к управлению государственными предприятиями.

Энесы в своих рекламно-пропагандистских материалах называли себя *«партией полного народовластия, постепенной подготовки социалистического строя»*. В текущей политике они выдвигали своей задачей защиту интересов трудящихся масс и вместе с тем — подчинение классовых и групповых интересов общенародным[3]. Путь к реальному народовластию они видели во всеобщем избирательном праве, создании Государственной думы с широкими законодательными правами и ответственном перед нею, а не перед царем, правительстве. Не исключали они, впрочем, и созыва Учредительного собрания, которое с 1905 года стало альфой и омегой всех левых партий.

Из предвыборной платформы Народно-социалистической (трудовой) партии ко II Государственной думе: равенство всех граждан перед законом; свобода слова; неприкосновенность личности; издание законов всенародным представительством; широкое местное самоуправление и автономия в тех областях, где того пожелает население; национализация земли; 8-часовой рабочий день; минимум заработной платы; участие рабочих в управлении промышленными предприятиями; свобода стачек и профессиональных организаций.

Программные и тактические установки всякой партии диктуют ее организационные принципы и этику поведения. Тот социализм, к которому стремились энесы, исключал нелегальщину. Им нужна была широкая общественная арена. Просто невозможно представить подпольщиками всероссийски известных Н. Ф. Анненского или А. В. Пешехонова. Отвечая недоброжелателям, подозревавшим у энесов желание приспособиться к тогдашним полицейским условиям, Пешехонов напоминал, что открытость и легальность партии — далеко не одно и то же. И дело заключалось вовсе не в нехватке личного мужества или привычке к бытовому комфорту. Это еще вопрос, что опаснее — открытое или тайное противодействие деспотизму. Та же пресловутая легальность вовсе не избавляла от полицейских преследований: лидеры энесов многократно арестовывались за свою литературную оппозиционную деятельность, за участие в руководстве Всероссийским крестьянским союзом... В. Г. Богораз-Тан писал: *«С 1905 по 1917 г. я привлекался к суду по делам политическим и административным раз двадцать. А раньше того расправы были административные. Не знаю, которые лучше, которые хуже, — судебные или административные. Все хуже»*[4].

Энесы были своего рода «белыми воронами» среди социалистов — никто из них до 1917 года не подался в эмиграцию. Они исповедовали неписаный моральный кодекс, отвергавший неразборчивость средств в достижении цели, исключавший прием в партию лиц с неблаговидной общественной репутацией. Открытость партии лишала смысла политическое провокаторство, процветавшее в период между двумя революциями в нелегальной партийной среде.

Появление энесов создало гравитационное поле для той части народнически настроенной интеллигенции, которая колебалась между кадетами и эсерами. Так, С. П. Мельгунов вышел из кадетской партии и перешел к народным социалистам. В Пензе, Симбирске, других провинциальных городах к нему потянулись элементы, прежде тяготевшие к либералам. Историк Н. И. Кареев признавался: *«Если бы эта партия образовалась раньше кадетской ... очень может быть, я и примкнул бы к ней»*[5]. Слева к энесам шли те, кто, подобно экс-революционеру Н. А. Чарушину, отрицал эсеровщину с ее террором и полууголовными экспроприациями.

Впрочем, численность новоявленной партии была невелика: к началу 1917 года всего 1,5—2 тысячи членов. Не удалось вовлечь в партию трудовиков — те видели залог своего успеха в деревне именно во внепартийности, в отстраненности от политики и всякой теории, не принимая даже термина «социализм».

Небезынтересно смоделировать портрет «среднего» народного социалиста. Это человек зрелого возраста, к 1917 году ему где-то между сорока и пятьюдесятью годами, как правило, с высшим образованием и твердо определившимся социальным статусом, что предохраняло от увлечения утопическими идеями и от экстремизма. Среди энесов было много лиц свободных профессий, но в основном инженеры, врачи, статистики, агрономы, учителя, кооператоры. Их бескорыстие опиралось на самую надежную основу — отсутствие властолюбия. В отличие от большинства других партий у энесов не ощущалось деления на верхи и низы.

Февральская революция и низвержение монархии неузнаваемо преобразили политический пейзаж России. Энес А. Петрищев обрисовал его таким образом: *«Теперь к.-д. стоят на самом крайнем правом фланге. Правее их не видно ни одной организации, — все сразу чудесным образом исчезли. В центре находятся трудовики, н.-с., социал-демократы-меньшевики, с.-р., на левом — с.-д. — большевики и большевики-ленинцы. Еще левее анархисты, но это уже вне политического спектра, — вроде ультрафиолетовых лучей»*[6].

В новых условиях энесы важнейшей задачей считали сохранение российской государственности, защиту ее от внешнего врага и от внутренних экстремистов. Ради национального единства они готовы были сотрудничать с любой партией, стоящей на точке зрения общегосударственной пользы. Исключение составляли интернационалисты и пораженцы, которые стремились развязать гражданскую войну в стране. Энесы напоминали, что уже не однажды в истории революционные знамена, прикрываясь демагогическими коммунистическими лозунгами, захватывала обыкновенная уголовщина.

Непартийной, консолидирующей страну силой энесы считали Временное правительство и приложили немало усилий, чтобы предотвратить его столкновение с Советами. Сами они были «советской» партией, но сравнивали Советы с временными бараками, в которых можно кое-как укрыться от непогоды, но в которых регулярная государственная жизнь ни в коем случае идти не может; называли их суррогатом народного правления. Лозунг «Вся власть Советам!» энесы считали до очевидности несостоятельным, предостерегая, что такая власть не будет авторитетной и лишь ввергнет страну в крайние бедствия анархии. При этом они обращали внимание и на то, что по существу первыми борьбу с правительством от имени Советов повели... меньшевики и эсеры. Большевики же, подмечал В. Мякотин, *«делали то же дело, но более решительно, последовательно и откровенно, проповедуя прямой переход власти к Советам»*[7].

Впоследствии, уже после октябрьского переворота, энесы много и нелицеприятно размышляли о причинах поражения российской демократии. Главное — это слабость власти, *«в этом заключается основная причина всех наших несчастий»*. Либералы, облеченные властными полномочиями вплоть до мая 1917 года, во многих вопросах проявляли самоубийственную уступчивость, заигрывали с Советами, отталкивая естественных своих союзников. Коалиционное правительство с участием социалистов оказалось в логически порочном положении. Социалистам в условиях войны не оставалось ничего другого, как функционировать в качестве буржуазной власти и тем самым вызывать подозрение масс в измене социализму. Либералы же ожидали, что социалисты не справятся с властью, оскандалятся — ожидали и выжидали, что побуждало их к пассивности.

Тем не менее коалиционное правительство энесы рассматривали как *«наименее плохой выход из очень плохого положения»*. Вне коалиции должны были остаться большевики слева и охранительные течения справа, опиравшиеся на одни и те же темные низы. Различие между ними энесы видели в том, что большевики разжигали социальный радикализм масс, а черносотенство апеллировало к политическому консерватизму низов, к их глубинному монархизму. Отсюда видно, сколь неприемлема для народных социалистов была идея создания однородного социалистического правительства — от большевиков до энесов, которая многим казалась спасительной тогда и теперь.

К лету 1917 года энесы оставались небольшой, преимущественно интеллигентской партией (по оценке правоверного марксиста Н. Суханова, *«никчемные группы бывших радикальных, теперь просто перепуганных интеллигентов»*[8]). Они могли гордиться своим партийным прошлым, верностью своим принципам, но в обстановке свободы «без берегов» и безудержной политической демагогии их голос был слабо слышен. Не удалась их попытка блокироваться с эсерами, теперь уже из-за несогласия последних. Зато в июне состоялось, тоже со второго раза, объединение с трудовиками в Трудовую народно-социалистическую партию. Партия объявила курс на народовластие в виде демократической парламентской республики. Диктатура какого-либо класса отвергалась. В аграрной области подтверждалась национализация земли, но ТНСП резко осудила самочинные крестьянские захваты помещичьих хозяйств и, в частности, резолюцию Всероссийского крестьянского съезда от 25 мая 1917 года о передаче их в ведение крестьянских земельных комитетов. Трудовики приняли идею социализма, а в национальном вопросе шли дальше своих партнеров, признавая право наций на отделение от России. Энесы, истые государственники, с этим согласиться не могли.

Объединение заметно усилило партию. Ряды энесов, чей приоритет в этом «кентавре» был несомненен, пополнились такими авторитетами, как В. В. Водовозов, Н. В. Чайковский, В. Б. Станкевич, Л. М. Брамсон и другие. Всего ТНСП насчитывала немногим более 10 тысяч членов, но полагала, что за нею идет цвет российской интеллигенции. Партия была «городской»: она имела организации в 52 губернских и 89 уездных городах и лишь в 18 селах и станицах[9]. Помимо обеих столиц энесы имели прочные позиции в местах бывших ссылок (Вятка, Иркутск, Тобольск), в регионах с сильным областническим и кооперативным движением (Север, Поволжье, Сибирь). Официальное издание партии — «Народное слово», ряд газет они издавали в провинции.

Следуя примеру других партий, энесы пытались бороться за армию. Создали Военную организацию во главе с В. И. Игнатьевым, разоблачали пораженчество, настраивали войска на войну до почетного мира. Но потраченные усилия были явно несоразмерны полученным результатам. К ноябрю, по красноречивому признанию одесских энесов, на Румынском фронте ТНСП *«почти не была организована»*[10]. Немногим лучше положение складывалось и на других фронтах: противостоять напору антивоенных настроений и солдатского большевизма не смогла и куда более мощная партия эсеров.

Однако роль энесов в политической жизни России 1917 года нельзя умалить. Их деятели входили в состав ВЦИК, Особого совещания при Временном правительстве. На первой сессии Главного земельного комитета им принадлежало 14 голосов из 55. Их юристы Л. Брамсон, В. Водовозов, А. Гальперин, А. Зарудный, Э. Понтович, И. Яшунский внесли едва ли не основной вклад в разработку закона о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, самого демократического избирательного закона того времени. Энесы активно участвовали в работе Государственного совещания в августе, Демократического совещания в сентябре и Предпарламента в октябре.

Лидер партии А. Пешехонов в мае—августе занимал один из ключевых постов в правительстве — министра продовольствия. Один из самых глубоких знатоков аграрного вопроса в России, он высоко котировался и как возможный министр земледелия, но в коалиционном Временном правительстве этот пост считался эсеровским. В первые же недели революции Пешехонов успел проявить себя как деятельный комиссар Петроградской стороны в столице, и даже всегда язвительный мемуарист Н. Суханов в этом случае заметил без всякой иронии: *«С деловой стороны здесь лучшего министра Совет выставить не может»*[11].

По-видимому, эти три месяца министерской карьеры Пешехонова стали Голгофой и для него, и для его партии, идеалы и принципы которой подверглись суровым практическим испытаниям. Попытки Пешехонова удержать твердые цены на хлеб, объявить его общенародным достоянием, сократить и сделать более равномерным потребление, установить вознаграждение за отчуждаемые помещичьи земли были проникнуты духом справедливости. Призывы умерить соци-

альные аппетиты ради достижения гражданского согласия выглядели чистым дон-кихотством и служили мишенью для большевистских насмешек.

Однако менее всего терпимости проявляли те, о ком радели социалисты. В своей речи на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 года Пешехонов признал: *«Вся трудность заключается не в преодолении сопротивления буржуазии, которая во всем уступает, а в преодолении психологии трудящихся масс, которых надо призвать к самому напряженному труду, к лишениям и отказу от довольства, к необходимым жертвам»*[12]. Тем показательнее, что Пешехонов ушел в отставку с поста министра из-за несогласия с решением Керенского удвоить твердые цены на хлеб, по сути продиктованным помещичьим лобби.

Алексей Васильевич Пешехонов — сын сельского священника — начинал скромным земским статистиком в ряде провинциальных земств. В молодости, подобно многим людям своего круга, отдал дань политическому радикализму, был исключен из духовной семинарии, позже арестован по делу партии «Народное право». Обратив на себя внимание своими статистическими трудами, он с 1899 года стал сотрудником, а затем и членом редакции «Русского богатства». С тех пор трудно указать значимое общественное событие в жизни страны без его участия — от создания Всероссийского Крестьянского союза в 1905 году до Помгола в 1921 году.

Пешехонов чисто физически не мог существовать без России. По его словам, нет страны лучше России и нет народа лучше русского. «Нет и быть не может не потому, что эта страна и этот народ действительно так уж хороши, а потому, что эта страна — моя родина и этот народ — мой родной народ, сродниться же с другими я не в силах»[13]. Высланный в 1922 году из СССР, он занял особое место в среде русской эмиграции, став лидером движения за возвращение интеллигенции в советскую Россию. После неоднократных просьб ему было разрешено через несколько лет вернуться на родину. Но при этом коммунистический режим проявил свойственное ему лицемерие: сорвав крупный пропагандистский куш, не пустил эмигранта домой. Пешехонов стал рядовым консультантом советского торгпредства в Прибалтике. Умер в Риге в 1933 году.

Революция порушила немало народнических иллюзий. Народ предстал вовсе не тем благонравным страдальцем, на которого можно было молиться как на икону. Демос оказался плебсом.

Другое разочарование связано с интеллигенцией. По мнению энесов, она была виновата перед Россией в том, что не проявила ни должного единства, ни самоуважения, поступившись своими правами на водительство русской жизнью. В итоге в критический момент революции гегемонию умственных сил перехватила сила физическая. Корни этого энесы видели в исторической традиции страны, где у широких масс населения бытовало представление, будто умственный труд ничего не создает, *«а, стало быть, те, кто не стоит у рабочего станка — социальные пауки, которым пришла пора сказать: довольно вы нашей кровушки попили»*.

Энесы приняли активное участие в подготовке к выборам в Учредительное собрание. По докладу Мякотина съезд ТНСП определил тактику и программу энесов. В ней, в частности, говорилось: *«Мы не признаем, чтобы человек жил на свете только для того, чтобы вносить подати и налоги на содержание государства, только для того, чтобы поставлять своих сыновей в армию для укрепления могущества государства... Не человек существует для государства, а государство должно существовать для человека, для удовлетворения его нужд»*[14]. Эти призывы ныне, в конце XX века, звучат даже более современно, чем в 1917 году, но тогда они были слишком декларативны и не принесли энесам популярности. На выборах за них голосовали преимущественно в городах, в основном интеллигенция. Более ощутимых успехов энесы добились в Петрограде, северных губерниях, в Восточной и Западной Сибири, Забайкалье, но в целом по стране они получили лишь 0,8 процента голосов. Депутатами стали Н. В. Чайковский от Вятской и А. С. Суханов от Тобольской губерний. В Таврическом дворце к ним присоединились два эстонских трудовика; вместе они составили фракцию народных социалистов. Трудно сказать, как повело бы себя Учредительное собрание, будь оно из одних энесов, но их лидеры порицали депутатов-небольшевиков за отсутствие воли к сопротивлению при разгоне общенародного представительства. По словам Пешехонова, если от граждан можно требовать мужества, то именно в такие моменты и на таких постах.

Октябрьский переворот энесы резко осудили, активно участвуя во всех легальных формах протеста. По их мнению, новоявленная «диктатура пролетариата» есть на самом деле диктатура группки захватчиков власти, прикрывающих свои действия именем рабочих и крестьян. И не так уж важно, искренни или фальшивы официальные заявления большевиков, потому что по мере удаления от исходной точки они обречены считаться не с этими заявлениями, а с реальной обстановкой.

Успех большевиков теоретики энесов объясняли прежде всего популистским характером их лозунгов, увлекавших темные массы, но не сводили все к этому. Ими верно было подмечено, что большевики, прежде всего Ленин и Троцкий, вносили в политическую борьбу элемент личной страсти. Других приходилось уговаривать, убеждать, и власть они брали скорее из чувства долга, чем из страсти властвовать. В этом смысле Ленин был вне конкуренции. Однако можно не сомневаться, пророчески писал А. Петрищев, что в ближайшее время толпа выдвинет конкурентов, *«не менее Ленина одержимых страстью властвовать»*[15].

В 1918 году среди энесов проявились разногласия по вопросу о возможности сотрудничества с укреплявшейся новой государственностью, об отношении к войне, а затем и миру с Германией, об определении тактики партии. Ее покинул Зарудный, стоявший на почве признания советской власти, из нее грозились выйти Мякотин и Пешехонов, занимавшие почти противоположные позиции. Но в целом энесы, следуя своей политической традиции, были оппозицией духовной. Они надеялись, что большевики не сразу отвергнут разумные предложения оппонентов, что новая власть осознает необходимость построения сильного национального государства.

Однако надежды не оправдались. Большевики последовательно закрывают газеты энесов «Трудовой народ», «Народный труд», «Народное слово». В августе 1918 года та же участь постигла «Русское богатство». В. Короленко записал в свой дневник: *«Мы пережили много кризисов при царской власти, но кое-как жили. Теперь не только закрыли журнал, но и реквизировали бумагу для «коммунистической газеты» и квартиру»*[16]. ТНСП потеряла главное свое оружие — печатное слово.

В июне 1919 года Короленко дал интервью корреспонденту Российского телеграфного агентства, в котором высказал свой взгляд на настоящее и будущее России. По его словам, основная ошибка новой власти — попытка строить социализм без свободы: *«На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вообще... Закрытие демократических учреждений, попытка все сделать декретами и предписаниями без содействия общественных сил вредит даже лучшим начинаниям этого рода»*. Вывод писателя походил на диагноз неизлечимому больному: *«С большевизмом наша революция сходит на мрачные бездорожья, с которых нет выхода»*[17].

Справедливость этих слов своего духовного отца энесы к тому времени вполне ощутили на себе. Партия как единое целое практически перестала существовать. Возможности общественно полезной инициативы, не контролируемой большевиками, свелись к нулю. Логика гражданской войны побуждала многих к не свойственным им способам сопротивления режиму. Энесы составили одну из опор так называемой «демократической контрреволюции». Они участвовали в деятельности Союза возрождения России (Пешехонов, Чайковский, Титов, Брамсон, Игнатьев, Знаменский), где в спорах с кадетами отстаивали коллегиальный принцип организации будущей власти в стране. Входили в состав Уфимского совещания и ряда областных правительств Поволжья, Урала, Сибири. Ветеран народничества Н. В. Чайковский с сентября 1918 по февраль 1920 года возглавлял правительство Северной области в Архангельске.

К энесам примыкал, если верить материалам следствия, студент Леонид Каннегиссер, застреливший 30 августа 1918 года председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. Но этот акт никак не был связан с партийным заданием. И сам Каннегиссер на следствии показал, что действовал один, по собственной инициативе. М. А. Алданов, близко знавший Каннегиссера и посвятивший ему прекрасный этюд «Убийство Урицкого», также считал это актом личной мести юноши за казнь чекистами его друга-юнкера.

Судьбы многих, если не всех энесов, невольно втянутых в водоворот гражданской войны, сложились трагически. Уже в апреле 1918 года был расстрелян красными в г. Верном О. А. Шкапский, в 1920-м умер от сыпного тифа В. И. Анисимов, приговоренные к расстрелу, чудом избегли казни В. А. Мякотин и В. И. Игнатьев. А те энесы, которые не смогли или не пожелали эмигрировать из советской России, имели слишком мало шансов пережить сталинское лихолетье.

Правда, переход от военного коммунизма к нэпу, казалось, позволял проявить себя на общественном поприще опытным экспертам-хозяйственникам, подобным А. В. Пешехонову или меньшевику В. Г. Громану, предлагавшим оптимальные экономические решения. Большевикам остро не хватало специалистов во всех областях, кроме одной — политики. Но именно сам большевизм и не терпел около себя никакой общественной самодеятельности. Это наглядно показала короткая история Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол), почетным председателем которого стал Короленко. Просуществовав пару месяцев, он был ликвидирован Советским правительством 30 августа 1921 года за якобы контрреволюционную деятельность.

Рассеянные в зарубежье энесы попытались возродить партию. 26 мая 1920 года в Париже состоялось совещание по вопросу об объединении. Был образован Заграничный комитет ТНСП, во главе которого стал Чайковский, в исполнительное бюро вошли Брамсон, Алданов, Титов. Комитет разослал в русские газеты, издававшиеся в разных странах Европы, Азии и Америки, извещение о своем открытии. Но откликнулись немногие.

Дальнейшие шаги партии народных социалистов теряются во мраке безвестности. Однако фактически она перестала существовать с тех самых пор, как утратила русскую национальную почву, а с нею и сферу приложения своих сил.

Констатируя эту смерть, трудно удержаться от «патологоанатомического» анализа ее причин. Они непросты и во всяком случае не сводятся к большевистским репрессиям. Это и слабость интеллигенции, среднего класса в России. Это и удивительно симпатичная, но нежизнеспособная смесь из социалистической утопии, веры в народовластие и точного социально-экономического анализа, политической и гражданской совести и честности. Энесы явились провозвестниками идеи «социализма с человеческим лицом», что придает их судьбе оттенок исторической обреченности и фатальности. Но в жизни они были выше теоретических схем, твердо следуя принципам гуманизма и добра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли//Русское богатство. 1917. № 11—12. С. 328.
2. См.: Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 108.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 264.
4. Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 238.
5. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 235.
6. Петришев А. Внутренняя летопись//Русское богатство. 1917. № 4—5. С. 237.
7. Мякотин В. А. Годовщина//Русское богатство. 1918. № 1—3. С. 285.
8. Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991. С. 249.
9. См.: Лосева А. В. Банкротство Трудовой народно-социалистической партии (февраль 1917—1922 гг.). АКД. М., 1979 С. 11.
10. Воин-гражданин. Болград, 1917, 1 ноября.
11. Суханов Н. Н. Указ.соч. С. 168.
12. Цит. по: Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 262—263.
13. Цит. по: Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 40.
14. ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 260.
15. Петрищев А. В гриме и без грима//Русское богатство. 1918. № 1—3. С. 338.
16. См.: Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921. М., 1990. С. 69.
17. Там же. С. 217.

АНАТОЛИЙ ПОНОМАРЕВ,
доктор исторических наук

ЧТО БЫЛО ДО «ОТТЕПЕЛИ» И КУКУРУЗЫ

В нынешнем году исполнилось 100 лет со дня рождения Никиты Сергеевича Хрущева. Эту дату средства массовой информации отметили довольно широко. Однако, как и прежде, оценки носили диаметрально противоположный характер. Одни зачисляют Хрущева в разряд «людей с совестью» и предлагают установить ему памятник в центре Москвы (В. Розов, О. Ефремов). Другие согласны с Б. Пастернаком, который писал: «Так долго над нами царствовал безумец и убийца, а теперь дурак и свинья». Третьи, в лице В. Войновича, считают Хрущева крупным государственным деятелем. Но одновременно и ловким придворным интриганом, ради карьеры совершившим столько преступлений, что кончить он должен был... виселицей[1].

Чем объясняется такая разноголосица, полярность суждений? Не столько сложностью эпохи, в которой жил и творил Хрущев, сколько особенностями его характера. Мало чем отличаясь от ближайшего сталинского окружения в задиристости и хамстве перед подчиненными, в откровенном заискивании перед «хозяином», он превзошел их в другом, прежде всего в умении сталкивать лбами своих соперников. Последнее и явилось решающим слагаемым хрущевского феномена.

ПОД ОПЕКОЙ КАГАНОВИЧА

...26 мая 1930 года в газете «Правда» под псевдонимом Т. была опубликована заметка, суть которой сводилась к следующему: в Промакадемии ВСНХ СССР еще в 1928 году разоблачили группу, которая пыталась проводить особую линию в коллективе. Эти «фракционеры» подали заявление о признании своих ошибок лишь после того, как были исключены из партии, а бюро ячейки распущено. Однако новое бюро не приняло мер к борьбе с «правой опасностью», в результате чего на Бауманскую районную партийную конференцию попали слушатели — сторонники «правых».

Под псевдонимом Т. скрывался слушатель второго курса Промакадемии Н. С. Хрущев. Приглашенный к главному редактору газеты Л. З. Мехлису, он безропотно подписал заметку, тем самым выдержав экзамен на «лояльность».

Далее события развивались стремительно. 28 мая бюро МК ВКП(б), оценив идеологическое состояние ячейки как отрицательное, потребовало принятия решительных мер. Их осуществлением и занялся Н. С. Хрушев, избранный секретарем бюро ячейки Промакадемии по прямому указанию первого секретаря МК ВКП(б) Л. М. Кагановича.

Версия самого Хрущева, что инициатором этого решения была жена Сталина Н. С. Аллилуева, учившаяся с ним на одном курсе, не выдерживает серьезной критики. Каганович хорошо знал Хрущева еще по двадцатым годам, по работе в Донбассе, Харькове и Киеве. Это подтверждает и сам Никита Сергеевич: *«Все считали, что я очень близок Кагановичу. Так оно и было».*

Новый секретарь партячейки, получив соответствующие установки от «рулевого московских большевиков», энергично взялся за дело. На заседаниях бюро и партийных собраниях в течение нескольких месяцев рассматривались исключительно персональные дела коммунистов. Для досье использовалось все — вплоть до непроверенных слухов, обрывков разговоров и даже клеветнических заявлений. Не чурался подобных нечистоплотных приемов и лично Хрущев, проявляя при этом немалые дирижерские способности и изощренность.

«В ответ на оглашенное тов. Хрущевым заявление, что якобы я веду на швейной фабрике явно фракционную работу и что брат у меня бывший белый офицер, с которым поддерживаю связь, категорически отрицаю и заявляю, что это наглая ложь», — возмущался бывший секретарь райкома Берзин[2].

О том, какую обстановку создал в Промакадемии новый «партийный вожак», видно из выступления бывшего председателя ревизионной комиссии ячейки Коршунова: *«Хотят, чтобы я сообщил о чем-то несуществующем. Утверждаю и буду утверждать, что в академии никакой правой группы не существовало... Если меня исключат из партии, я все же таким же партийцем и останусь... Два месяца нахожусь под ударом. Я не понимаю, что вы от меня хотите. Вы меня пытаете»*[3].

Всего таким манером было «проработано» около 40 коммунистов. Часть из них исключили из партии, другие отделались строгим выговором или исключением из академии.

Рвение Хрущева было замечено, и в январе 1931 года его избирают секретарем Бауманского райкома партии. Здесь масштабы «искоренения противников линии партии» намного расширились. За короткий срок райком принял решительные меры против «фактов правооппортунистической практики и теории» в целом ряде парторганизаций. За «политическую близорукость» распустил бюро ячейки Института азота и «Миспушнины». Вынес решение о перевыборах бюро ячейки издательства «Молодая гвардия», не реагировавшего «на издание идеологически вредных книг»...

Через полгода «восходящая партийная звезда» становится секретарем самого престижного столичного района — Краснопресненского. Именно оттуда в основном пополнялись секретариаты МК и МГК ВКП(б). На состоявшейся вскоре районной партийной конференции некоторые ораторы отмечали, что *«с помощью нового руководства в лице т. Хрущева были достигнуты колоссальные победы, произведена подлинно «большевистская перестройка»*[4].

В январе 1932 года Хрущева избирают вторым секретарем МГК ВКП(б). Карьера, прямо скажем, головокружительная, о чем уже тогда много судачили. Вот запись в дневнике партийного функционера А. Г. Соловьева от 28 января 1931 года: *«Меня и некоторых других удивляет быстрый скачок Хрущева. Очень плохо учился в Промакадемии... Теперь второй секретарь, вместе с Кагановичем. Но удивительно недалекий и большой подхалим»*[5].

ДОВЕРИЕ «ХОЗЯИНА» ОПРАВДАЛ

В должности правой руки Кагановича Никита Сергеевич пробыл ровно два года. В январе 1934 года он становится первым секретарем МГК, а в марте 1935 года, после назначения Кагановича наркомом путей сообщения, заменил «железного Лазаря» и на посту первого секретаря МК партии.

Доверие следовало оправдывать. В 1935—1936 годах в целях «наведения большевистского порядка в собственном партийном доме» решено было провести проверку и обмен партийных документов. Хрущев принял в этой шумной кампании самое активное участие. Только к концу 1935 года в ходе проверки партийных документов по Москве из рядов партии исключили 7,5 процента общего числа проверенных, по области — 6,9[6]. В большинстве своем это были бывшие «оппозиционеры», а также так называемые «пассивные», которых Хрущев особенно невзлюбил. В ходе кампании широко применялись репрессивные меры. Причем, по мнению Хрущева, явно недостаточные. Выступая в январе 1936 года с докладом на пленуме МГК ВКП(б), он хладнокровно констатировал: *«Арестовано только 308 человек; для нашей Московской организации — это мало»*[7].

Но особенно «развернулся» Никита Сергеевич через год-два. В августе 1936-го и январе 1937 года в Москве прошли сфальсифицированные судебные процессы, в результате которых репрессированы видные партий-

ные и советские деятели, затем была арестована большая группа руководящих военных работников.

Все это наложило отпечаток на работу состоявшихся в мае—июне 1937 года IV Московской городской и V областной партийных конференций, на которых с отчетными докладами выступил Хрущев.

В начале работы конференции Хрущев сообщил делегатам, что агенты врагов народа просочились на районные и даже городскую партконференцию. *«Я фамилии покамест называть не буду, и вы меня не заставите,* — интриговал он присутствующих в зале. — *У нас бывает до известного времени так, что нужно будет, мы не постесняемся, мы скажем...»*[8]

На «врагов народа» валили все — от погасшего света в Колонном зале Дома союзов, где проходило судебное заседание по делу *«банды зиновьевцев и бухаринцев»,* — до невыполнения плана ввода в эксплуатацию детских садов, яслей и родильных домов.

Временами тон доклада ничем не отличался от обвинительных речей генерального прокурора А. Я. Вышинского. *«Это не открытая борьба,* — поучали делегатов, — *это не фронт, когда пули летят с вражеской стороны, а это борьба с человеком, который с тобой рядом сидит, который восхваляет успехи наши и достижения нашей партии и в то же время сжимает револьвер в кармане для того, чтобы выбрать момент и пустить тебе пулю, как они пустили в Сергея Мироновича Кирова. Поэтому нужны здесь особая страсть и умение распознавать врага с тем, чтобы воспитывать себя и воспитывать других в беспощадности к врагам».*

Сомнения, подчеркивал Хрущев, черта не наша, не большевистская. И дал конкретный совет, как следует поступать в надлежащих условиях: *«Вот на 1-м заводе во время процесса вышел какой-то слюнтяй, подголосок, или голос врагов, троцкистов и начал болтать. ...Его коммунисты сволторозили* (так в тексте. — *А. П.) и хорошо набили ему морду. Некоторые сейчас же позвонили в МК — «как это так, избили?» — А я им сказал: молодцы, что избили. Молодцы»*[9].

В еще более нервозной обстановке проходила областная партийная конференция. Дело в том, что в канун ее застрелился видный армейский политработник, делегат конференции Я. Б. Гамарник, не пожелавший попадать в лапы ежовских палачей. Около часа потратил Хрущев, характеризуя этот акт как наглядное проявление *«глубокой вражеской конспирации, излишней доверчивости, отсутствия должной бдительности в наших рядах».*

Докладчик с цифрами в руках проанализировал ход арестов по районам, по пятибалльной системе оценивая «успехи» в этом отношении. *«В Калуге — там надо покопаться, там все не раскопали,* — давал он установку. — *Там, надо иметь в виду, жили Каменев и Зиновьев в свое время. Безусловно, они свое гнездо какое-то оставили».*

«Покопаться» советовал Хрущев и в Осоавиахиме, причем не только среди кадров руководящего и среднего звена, но и в рядовой массе: *«Надо посмотреть, кто тренируется, кто учится стрелять, кто готовится стать снайпером, для каких целей. А у нас обычно бывает так, что если человек ударник, подал заявление о том, что он хочет упражняться в стрельбе, — все ему аплодируют, не интересуясь тем, что он собой представляет. А надо не забывать, что враг другой раз готовит свои кадры для действий в будущем...»*[10]

Такое рвение докладчика объяснялось и следующим обстоятельством. Рассказывая свою биографию при выборах в МГК и МК ВКП(б), Никита Сергеевич вынужден был поведать делегатам о том, что в период внутрипартийной дискуссии 1923 года он проявил известные колебания, сочувствовал некоторым идеям Троцкого, правда, быстро понял свою ошибку. Сообщив затем, что данный факт известен членам Политбюро, он, под аплодисменты растроганных таким доверием делегатов, заявил: в период острой борьбы с врагами партии о его ошибке должна узнать и Московская партийная организация[11]. Таким образом, Н. С. Хрущев находился как бы «под колпаком», и в нужный момент его легко было поставить на место.

Отсюда тошнотворное восхваление «вождя», который *«следит за Москвой буквально как за любимым ребенком, от его глаза не уходит ни одна мелочь, которую мы иногда не замечаем».* Конечно, восхваляли Сталина очень многие, но что особенно виртуозничал в этом отношении именно Хрущев — факт бесспорный. *«Все по мере сил славословят т. Сталина,* — констатировал один из участников VIII Всесоюзного съезда Советов, на котором принималась новая Конституция СССР. — *Особенно выделяется славословие Хрущева... Все его длинное выступление, вернее чтение, пронизано явным заискиванием. Даже т. Сталин, слушая его, все время хмурится... В речи Хрущева склонялось имя Сталина много больше полсотни раз. Это становилось неприятным»*[12].

Линия на очищение Московской партийной организации от «вражеского охвостья» велась все более размашисто. 14 августа 1937 года пленум МГК заслушал информацию Хрущева о мероприятиях по укреплению ряда райкомов партии. Ставилась задача в ближайшее время разобрать и проанализировать все полученные материалы о «связях» отдельных руководящих работников «с врагами народа», о неудовлетворительной работе ряда партийных организаций и обеспечении их проверенными кадрами. Первый секретарь был неумолим: *«Нужно уничтожать этих негодяев. Уничтожая одного, двух, десяток, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа»*[13].

Всячески поощрялась практика доносов. Вот образчик подобного. *«...Считаю необходимым сообщить Московскому комитету,* — писал Хрущеву секретарь парткома одного из коломенских заводов Х. Э. Рубинчик, — *что мне известно об очень близких и трогательных, дружеских отношениях, которые были у ныне разоблаченного Горбульского* (секретаря райкома. — *А. П.) с членом ВКП(б) Пономаревым, который сейчас работает в аппарате Исполкома Коминтерна. Горбульский у Пономарева во время пребывания в Москве дневал и ночевал, приезжал несколько раз в Воскресенск. Не знаю, сообщал ли об этом Пономарев своей парторганизации. Мне также известно со слов Горбульского, что он бывал и встречался у Миткевич, бывшего парторга завода № 22»*[14]. Через несколько дней доносчик стал секретарем Коломенского горкома партии. Будущий академик Б. Н. Пономарев, правда, не пострадал, а член партии с 1904 года О. А. Миткевич была репрессирована.

Некоторые из коммунистов обращались за помощью лично к Хрущеву, знавшему многих из них по совместной работе, но помощи не получали. Попавший в прокрустово ложе сталинских репрессий Р. А. Ульяновский вспоминал: *«Ордер на арест был подписан заместителем народного комиссара внутренних дел Прокофьевым... Но внизу ордера стояла весьма знакомая подпись — Н. Хрущев. Мой арест был согласован с Московским Комитетом партии... Это меня удивило: Хрущев меня знал. Я был одним из лучших и наиболее популярных пропагандистов Бауманского района и МК»*[15].

К началу 1938 года значительная часть московского актива была буквально выкошена органами НКВД. Из 38 секретарей МК и МГК, работавших в 1935—1937 годах, избежали репрессий лишь трое. Арестованы 136 из 146 секретарей горкомов и райкомов, многие руководящие советские, профсоюзные работники, руководители предприятий, специалисты, деятели науки и культуры[16].

«Старание» Хрущева вновь замечено: в феврале 1938 года он становится первым секретарем ЦК Компартии Украины, а затем и членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Сменил его на посту первого секретаря МК А. И. Угаров, работавший до этого вторым секретарем Ленинградского обкома партии. При утверждении кандидатуры Угарова Никита Сергеевич проникновенно говорил: *«Такого соседа мы чувствовали всегда, выходец в некоторой степени из Московской организации, так сказать, он к своим родственникам возвращается».* Выразил надежду, что под руководством Угарова московские коммунисты приложат еще больше усилий по *«выкорчевке всех мерзавцев, а их еще много осталось...»*

Прошло несколько месяцев, и над головой Угарова сгустились черные тучи. Из-за неблагоприятных погодных условий в Подмосковье и соседних областях в столице сложилось тяжелое положение с овощами и картофелем. Посыпались жалобы в ЦК партии и Совнарком. Чтобы лучше разобраться в обстановке, Сталин вызывает в Москву Хрущева. 13 сентября 1938 года он присутствовал на объединенном заседании бюро МК и МГК, которое обсудило вопрос о завозе и хранении картофеля, овощей и фруктов. Хрущев не выступал. Казалось, гроза миновала.

Но через несколько дней Угаров был освобожден со своего поста и арестован. Как утверждает Хрущев, его вины в этом не было. Правда, на состоявшемся вслед за этим пленуме МК и МГК Хрущев характеризовал Угарова уже как старого врага, завербованного троцкистами и правыми, проводившими вражескую работу в Ленинграде, а потом в Москве[17].

В своих воспоминаниях Хрущев пытается доказать, что на Украине ему пришлось немало сделать по исправлению последствий «ежовщины». По республике, мол, как «Мамай прошел». Документы же свидетельствуют о другом. Вот как характеризовал начало его деятельности на Украине один из участников состоявшегося в июне 1938 года съезда Компартии республики: *«Я присоединяюсь к мнению товарищей о том, что настоящий беспощадный разгром врагов народа на Украине начался после того, как Центральный Комитет ВКП(б) прислал руководить большевиками Украины тов. Никиту Сергеевича Хрущева. Теперь трудящиеся Украины могут быть уверены, что разгром агентуры польских панов, немецких баронов будет доведен до конца...»*[18]

Почти все выступление Хрущева на XVIII съезде партии (март 1939 г.) — сладострастное повествование о том, каких успехов удалось добиться в искоренении инакомыслия на Украине. *«Мы будем травить, как тараканов, всякую мерзость»,* — это самое мягкое из его выражений по адресу троцкистов, бухаринцев, бывших руководителей республики, попавших в разряд «врагов партии». И, как бы подводя итог своих «титанических» усилий на этом поприще, Хрущев сообщал читателям газеты «Известия»: *«Мы на Украине здорово почистили врагов... Они чувствуют себя одиноко, боятся голову поднять».* Спохватившись, однако, признал: *«Но они есть. Поэтому надо смотреть в оба... укреплять нашу большевистскую бдительность»*[19].

Таким образом, если Хрущева и нельзя отнести к главным организаторам массовых репрессий в стране, то в число первых, наиболее активных, ревностных исполнителей этого преступления он входит безусловно.

Напоминая обо всех этих «деяниях» Хрущева, мы далеки от того, чтобы представлять его только в негативном плане. Энергичный и подвижный, отличавшийся завидной работоспособностью, весьма контактный, не любивший засиживаться в кабинете, он свои пробелы в образовании, культуре компенсировал практической сметкой, любознательностью и присущей ему интуицией. Его рабочий день, как правило, начинался ранним утром с осмотра шахты или тоннеля метро, на сооружении моста через Москва-реку, на строительстве жилого дома или школы и заканчивался поздно вечером. Он внес немалый личный вклад в реконструкцию московской промышленности и городского хозяйства столицы, в осуществление второго пятилетнего плана развития народного хозяйства.

Девальвации нравственных критериев таких руководителей, как Хрущев, способствовала сама командно-административная система, складывавшаяся в условиях культа личности. Главными критериями для руководителей являлись не интеллигентность и компетентность, а напористость, жесткость, стремление выполнить задание любыми средствами, не считаясь с последствиями. Работать им приходилось буквально на износ, отвечать за все и вся. И то, что забота о человеке, развертывание подлинной демократии, коллегиальности и другие вопросы отходили на задний план, скорее не вина, а беда большинства руководителей 20—40-х годов.

СНОВА В МОСКВЕ

В декабре 1949 года Хрущев вновь возглавил Московскую партийную организацию. Как и прежде, ему в очередной раз вменялось в обязанность «навести порядок» в Москве и столичной области. Его предшественник — Г. М. Попов — был обвинен в зазнайстве, в игнорировании политических аспектов работы, отсутствии критики и самокритики, в административно-хозяйственном уклоне.

О том, в лучшую ли сторону изменились методы партийного руководства после отстранения Попова и не явились ли все эти обвинения лишь завуалированным поводом для замены его Хрущевым, читатель может судить на основании следующего примера.

В апреле 1950 года МК ВКП(б) провел совещание по вопросу улучшения руководства сельским хозяйством.

Когда директор Хорошевской МТС Золотов не согласился с одной из реплик Хрущева, последний организовал на него фронтальную атаку. Строптивому директору было задано около 50 различных, в основном каверзных вопросов, брошено много различных язвительных замечаний. Лишь однажды директор сознался, что не знает точно, сколько заключено договоров между МТС и колхозами. «*Вы должны точно знать,* — последовала реплика обрадованного председательствующего. — *Под суд пойдете за невыполнение договоров. Обещаю вам*».

Не повезло и последующим ораторам. Из уст вошедшего в раж Хрущева в адрес многих из них неслось: «*Разобраться и наказать!*», «*За формальное отношение под суд отдавать будем!*», «*Выгнать к чертовой матери*», «*Исключить из партии*» и т. д.[20]

Нетрудно представить себе, в каком состоянии разъезжались участники совещания после такой накачки.

Но, как говорится, на молодца — и сам овца. И в другом случае Хрущев повел себя иначе.

В 1950—1951 годах велась кампания по укрупнению колхозов, в чем виделась возможность «*коренного подъема сельского хозяйства*». Хрущев был наиболее ревностным сторонником укрупнения (к началу 1951 года в Подмосковье вместо 6069 колхозов осталось 1541). 4 марта 1951 года в газетах «Правда» и «Московская правда» появилась статья Хрущева «О строительстве и благоустройстве в колхозах». Проникнутая вроде бы искренней заботой о нуждах сельских тружеников, она отдавала маниловщиной, игнорированием реальных возможностей хозяйства и психологии деревенского жителя, непродуманностью многих предлагаемых мер. Почти половину текста занимали наивно смехотворные рассуждения автора о том, как... назвать будущие укрупненные поселки.

Соответствующая реакция последовала быстро. 2 апреля 1951 года было принято закрытое письмо ЦК ВКП(б) «*О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов*», в котором Хрущев подвергся резкой критике. Чем подобное кончалось на практике, Никита Сергеевич знал отлично, а посему буквально бросился перед «хозяином» на колени.

«*Дорогой товарищ Сталин,* — писал он в докладной записке на его имя. — *Вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки... После Ваших указаний я старался глубже продумать эти вопросы... Опубликовав неправильное выступление, я совершил грубую ошибку и тем самым нанес ущерб партии. ...Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью...*

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мною грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением»[21].

На этот раз гроза прошла мимо. «*В архив ЦК*», — начертал Сталин резолюцию на докладной насмерть перепуганного Хрущева. Одновременно, грубо обругав его, заявил: «*Хрущев болен манией вечных реорганизаций и за ним следует внимательно следить*».

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Вскоре после смерти Сталина, в сентябре 1953 года, Хрущев становится первым секретарем ЦК КПСС, а затем, проявив чудеса изворотливости, хитрости и беспринципности, возглавил и партийно-советское руководство страны. Сказано об этом уже немало, поэтому остановимся лишь на спорных или недостаточно освещенных моментах.

Среди историков фактически по сей день идет спор об обстоятельствах устранения Л. П. Берии. Бесспорно лишь, что одну из первых скрипок в этом деле сыграл Хрущев. Воспользовавшись затем ошибкой Г. М. Маленкова, добровольно отказавшегося от поста секретаря ЦК, Хрущев начал подкапываться и под своего лучшего друга (с Маленковым, Берией у него сложились отличные отношения еще с предвоенных времен, и они неоднократно защищали его перед Сталиным, когда Никита Сергеевич попадал в опасные ситуации). Хорошо осведомленный о том, что Молотов, претендовавший на пост наследника Сталина, а также Каганович, Булганин, Ворошилов и Микоян ревниво относились к возвышению Маленкова, Хрущев начал склонять их к тому, чтобы освободить последнего с поста Председателя Совета Министров СССР. К делу подключилась и партийно-советская номенклатура, которая болезненно отреагировала на резкую критику Маленкова в одном из выступлений в 1953 году.

Маленкова обвинили в «заигрывании» с деревней (с крестьян уже летом 1953 года были списаны все недоимки, налог снижен вдвое, личные земельные наделы крестьян значительно увеличились и т. д.); в игнорировании приоритета тяжелой промышленности над легкой; в пораженчестве и оппортунизме в международных вопросах (заявлял о гибельности ядерного противостояния, о необходимости разрядки между Востоком и Западом). Позднее Хрущев выдаст эти маленковские наработки за свои, доведя их, правда, до абсурда.

В августе 1954 года во время отдыха в Крыму Хрущев провел совещание с наиболее авторитетными партийными работниками, на котором единодушно

решили освободить Маленкова с поста главы правительства, что и было осуществлено в феврале 1955 года. Председателем Совета Министров стал Н. А. Булганин, которого хорошо знал Хрущев по его работе на посту председателя исполкома Моссовета в середине 30-х годов. От Маленкова же в народе остались лишь воспоминания и частушки типа: «*Пришел Маленков — поели блинков*».

Сделав на XX съезде КПСС свой доклад, в котором раскритиковал Сталина и вредные последствия культа личности (ухитрившись, правда, ни словом не обмолвиться о личном участии в массовых репрессиях), Хрущев упрочил свой авторитет. Однако летом 1957 года позиции его зашатались. Почти все члены Президиума ЦК КПСС высказались за отстранение Хрущева от власти. Его обвиняли в создании нового культа личности, интриганстве, грубости и бестактности, некомпетентном ведении дел и авантюризме во внутренней и внешней политике. Лишь решительная позиция группы членов ЦК во главе с министром обороны СССР Г. К. Жуковым предотвратила падение Хрущева.

Хрущеву можно было и успокоиться: недруги из ЦК КПСС удалены, он стал главой правительства, «народ безмолвствовал», анекдотов о «главном кукурузнике» пока еще не рассказывали... Но Хрущев вошел в раж. Он не мог простить Жукову того, что тот очень прозрачно намекнул участникам июньского пленума ЦК о причастности Никиты Сергеевича к репрессиям 30-х годов. Очень не нравились ему и принципиальность Жукова, его противодействие дилетантскому подходу к реформированию армии, неоднократному сокращению ее численности. И Хрущев начал собирать на маршала компромат, выискивать недовольных.

В октябре 1957 года, воспользовавшись визитом министра обороны в Югославию и Албанию, Хрущев срочно созвал пленум ЦК КПСС. На нем Жукова, которому инкриминировалось игнорирование партийного руководства армией и политической работы в вооруженных силах, вывели из состава ЦК КПСС, освободили с поста министра.

Дискредитация Жукова вызвала недовольство, особенно среди ветеранов фронта и тыла. Поражает то обстоятельство, что даже на закате жизни Хрущев продолжал твердить о бонапартизме опального маршала, о подготовке им... военного заговора.

Вскоре, без каких-либо разъяснений, из состава Президиума ЦК КПСС была выведена и Е. А. Фурцева, которая, будучи первым секретарем Московского горкома партии, тоже активно поддержала Хрущева летом 1957 года.

Вновь оправдалась горькая истина: у правителей не может быть постоянных друзей, а оказанная услуга — уже не услуга. Повторилась, почти без изменений, ста-

линская схема действий в борьбе за власть: убрать одного за другим сначала всех главных потенциальных соперников, а затем тех, кому особенно обязан победой.

По-прежнему любил Хрущев «тряхнуть стариной» и лично принять участие в какой-либо замысловатой комбинации по устранению неугодного ему работника. А затем рассказать коммунистам в закрытом письме ЦК о том, в чем вина «проштрафившегося». Тем самым создавалась видимость широкой гласности, приобщения рядовой массы к процессу демократизации в партии.

Вот лишь один пример.

Решив освободить своего бывшего предшественника на посту первого секретаря МК партии Г. М. Попова от обязанностей посла в Польше, Хрущев разыгрывает своеобразную «сцену у фонтана». У него в кабинете собираются Булганин, Попов и первый секретарь Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут. В процессе беседы Булганин неожиданно зачитывает письмо одного советского офицера Попову о неполадках, наблюдаемых им в польской армии. Это письмо посол, как и положено в дипломатической практике, переслал в МИД СССР. Но Хрущев преподнес данный факт как вмешательство в дела братского государства, сталкивая лбами Берута и Попова, работавших до этого в полном контакте.

«Хрущев изобразил дело так, — возмущался Попов, — *что я обращался с Берутом, как с секретарем райкома партии (словно с секретарем райкома можно обращаться как попало). Это может выдумать только такой тупой и наглый человек, как Хрущев, который не имеет ни стыда, ни совести. Метод Хрущева — обливать грязью других»*[22].

Если помнит читатель, подобные характеристики давали Хрущеву участники июньского пленума ЦК в лице Молотова, Маленкова, Кагановича и других. Тогда это вызвало возмущение участников пленума.

Но вот прошло семь лет, состоялся октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС — последний в политической карьере Хрущева. И хотя об этом пленуме часто пишут лишь как о заговоре партноменклатуры (элементы подобного налицо), Хрущев сам создал условия для его созыва. Снижение темпа роста экономики, падение и без того невысокого жизненного уровня населения, наметившееся с начала 60-х годов, гонения на гуманитарную интеллигенцию, расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 году вызвали большое недовольство в обществе. И если к отстранению Маленкова и особенно Жукова многие отнеслись отрицательно, то уход с политической арены Хрущева одобрило абсолютное большинство населения.

Говоря о личности Хрущева, М. А. Суслов, в частности, заявил: *«За последнее время даже крупные вопросы он решал по сути дела единолично, грубо навязывал свою субъективистскую, часто совершенно неправильную точку зрения. Он возомнил себя непогрешимым, присвоил себе монопольное право на истину. Всем товарищам, которые высказывали свое мнение, делали замечания, неугодные т. Хрущеву, он высокомерно давал всевозможные пренебрежительные и оскорбительные клички, унижающие человеческое достоинство...*

Нормальной работе Президиума ЦК мешало также и то обстоятельство, что т. Хрущев систематически занимался интриганством, стремился всячески поссорить членов Президиума друг с другом. Но интриганством безнаказанно нельзя долго заниматься. И в конце концов все члены Президиума убедились в том, что т. Хрущев ведет недостойную игру».

Далее Суслов рассказал о заседании Президиума ЦК, состоявшемся 13—14 октября. По его словам, Хрущев вначале отрицал обвинения, выдвинутые в его адрес. Но затем признал правильной критику. В заключение он обратился в ЦК КПСС с заявлением об отставке, обещая, *«посвятить остаток своей жизни и сил на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма»*[23].

В своем выступлении на Президиуме, каясь в своих прегрешениях, Никита Сергеевич вместе с тем отметил тот положительный факт, что его снимают мирно, «без крови». Уж он-то знал, чем подобные «диспуты» заканчивались в 30—40-е годы.

16 октября 1964 года газета «Правда» оповестила партию и народ о состоявшемся 14 октября пленуме ЦК КПСС. В информации было сказано: *«Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья. Пленум ЦК КПСС избрал первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.».*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: «Независимая газета». 1994. 15 апреля.
2. Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.
3. Там же. Д. 10. Л. 57.
4. Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 797. Л. 41, 42.
5. Неизвестная Россия. XX век. IV, 1993. С. 170—171.
6. Итоги декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) и задачи московских большевиков. М., 1936. С. 46.
7. ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 2. Л. 14. 16.
8. Там же. Оп. 8. Д. 1. Л. 4—5.
9. Там же. Д. 2. Л. 227.
10. Там же. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1. Л. 122, 152.
11. Там же. Ф. 4. Оп. 8. Д. 3. Л. 5.
12. Неизвестная Россия. XX век. IV. 1993. С. 190.
13. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 150. Д. 1. Л. 59.
14. ЦАОДМ. Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Л. 116.
15. См.: «Подмосковье». 1993. 16 января. С. 5.
16. См.: «Знамя». 1989. № 10. С. 25.
17. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 6. Л. 7; Оп. 25. Д. 157. Л. 2—3.
18. «Социалистический Донбасс». 1938. 17 июня.
19. «Известия». 1940. 18 февраля.
20. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 124. Д. 188. Л. 124—128.
21. См.: Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 44.
22. ЦАОДМ. Рукописный фонд. Дело Г. М. Попова.
23. См.: Превратности судьбы. О двух поворотных рубежах в политической биографии Н. С. Хрущева. М., 1994. С. 72.

ФОТО СЕРГЕЯ ПОТАПОВА

Добрые открытки

Память об Иване Пырьеве

Философское кредо поэта

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

ДОБРЫЕ ОТКРЫТКИ

Недавно в моей коллекции дореволюционных открыток появилось собрание начала века из семьи жителей Екатеринбурга господ Гроздовых и Елизаветы Петровны Лешник. Виды городов, рек, пейзажей России — с ее пароходами, железными дорогами, мостами — на открытках Всемирного почтового союза выполнены на высочайшем художественном и полиграфическом уровне. Жанровая же открытка — в основном репродукции малоизвестных, чаще всего иностранных, художников, в частности выставлявшихся в парижских художественных салонах.

Писали в прошлом веке и начале нынешнего часто, не только по праздникам, недаром целые романы сочинялись в письмах. Вот в июле 1909 года Лиза Лешник едет в Австрию, и в венский отель из далекого Екатеринбурга летит открытое письмо от некоего Анисима: «Здравствуй, Лиза! Спасибо за открытки, получил сегодня сразу три. Лодка цела. Попугаи здоровы. Все в доме благополучно...» (словом, «все хорошо, прекрасная маркиза!»). В следующем году Елизавете Петровне уже в Петербург на Васильевский остров другой ее адресат пишет: «К Вам ходить невозможно, ибо Яковъ грубъ, а Бобби нахаленъ. Первый (попугай? — *О. Щ.*) ругается, а второй вырывает слоенки изо рта и кладет голову и лапы въ тарелку. Твое отсутствие заметно. 10 марта. Н.». Бог ты мой... «Лодка цела, попугаи здоровы»... А скоро от всего дома ни щепки не останется: заполыхает сначала первая мировая, а там и гражданская... Что сталось с той Лизой?

Долго верчу почтовые карточки в руках, потом с жадным интересом перехожу к новым.

Надписи — с ятями и хвостатыми росчерками, писанные черными чернилами, четким почерком, тонким пером. Какая роскошь: каждое слово, даже каждая буковка не только выписывается от руки, но и художественно оформляется (основные линии — нажимом, дополнительные — волосяными линиями; когда-то учили этому детей на уроках чистописания). Вглядитесь в этот, например, дивный росчерк пера господина из Перми, провожавшего 1915 год: «Поздравляю съ праздникомъ!» — в это «съ». Это вам не какая-то жалкая, даже неприличная в своем одиночестве буква, а целое коротенькое слово «съ», чье достоинство, красота и самоценность подчеркнуты изящным чернильным хвостом.

Ну, а что на самой открытке? «Вечерние звуки» — почтенный старец в ложноклассическом палаццо в виду условноклассического пейзажа забылся в кресле с молитвенником в руках, и ему пригрезилась прекрасная девушка, вероятно его покойная жена, со скрипкой в руках...

Прекраснодушие еще вовсю в ходу в 15-м году. Идет уже кровавая бойня, впереди новые страшные потрясения, но нравы у господ, у их высокоблагородий (а многие открытки адресованы — ЕВб) пока те же, из XIX столетия.

Вот как церемонно оформляются еще отношения даже между родственниками, даже на бытовом уровне: «15 сентября 1915 года. Уважаемая Елизавета Виссарионовна! Я просила к Вам занести узелок из Камышлова, а потому обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать в любезности принять его и оставить до вашего приезда» (Камышлов — городок вблизи Екатеринбурга.) Открытка эта на имя госпожи Гроздовой пришла из Челябинска. На ней великолепное изображение Скобелевской улицы.

Вернусь, однако, к жанровой открытке. Она часто сентиментальна. Ну и что? Такой ли уж это порок? Там скрипки, а тут сюжет куда актуальней — Пассъ, «Беженка» (Изд. Голике и Вильборгъ, Петроградъ.) Жанр — наивный реализм. Видимо, перед нами голландочка, судя по шапочке, круглому лицу и светлым глазкам. Или француженка, бежавшая от тягот войны. На обороте открытки значится, что «карт постале» дозволена к тиражированию военной цензурой 1 апреля 1916 года. А издает открытку Любанское общество попечения о бедных.

Тогда же скромный художник С. Плюшинский выразил свой патриотизм в картине «Два героя»: в центре нехитрой композиции красный крестьянский узелок — трогательный знак сочувствия и милосердия ветерана войны, который навещает в госпитале молодого собрата. Почтовую карточку на трех языках (по-русски, по-французски и по-английски) издает «Салонъ» — Литейный пр., 55, Петроградъ.

В 16-м году по Европе бродит призрак коммунизма, разбуженный залпами мировой войны. Французская открытка по картине Гильома

«Жертвы стачки»: буржуа изображены с холодной иронией — с бала или из театра им пришлось возвращаться без «шоффера» (как тогда произносили), под дождем. Их сытой беспечности, по мысли художника и его издателей, приходит конец — обездоленные поднимаются. В картине явны мотивы Золя, Бальзака, Драйзера... Если бы знали те писатели, художники и их издатели, каким морем крови и грязи обернется сочувствие униженным и оскорбленным, как будет попрана сама идея милосердия ограничением его только «своими», «братьями по классу»...

Итак, Юнион посталь универсель (Union postale universelle). Издательства его многочисленны. Одним из наиболее крупных была упоминавшаяся Любанская община, затем в Москве фототипия Шерер, Набгольц и К°, петербургская фирма «Ришар», петербургские издательства К. М. Лемберга, К. П. Леонтьева, Ю. К. Гаупта и другие. Из многочисленных провинциальных издательств своим высоким художественным и техническим уровнем выделяются фирмы выдающегося русского фотографа-художника М. П. Дмитриева в Нижнем Новгороде и В. Л. Метенкова в Екатеринбурге. Отдельно стоило бы рассказать об издательстве «Община св. Евгении», которое сыграло исключительную роль в становлении отечественной открытки.

И вот что интересно: все шло превосходно, пока работали частные издательства и типографии. Но вот появляется Изд. Гос. треста «Графическое дело». И что же? На обороте коротенькой, меньше нормы, открытки выведено коричневым карандашом: «Долой самодержавие!» Видно, под цвет коричневой жирной типографской краски рядом: БРАК. Нет, не художник Брак, а самый настоящий типографский брак. Стоило громогласно объявить «графическое дело», вместо того чтобы просто хорошо работать, как дело тут же и кончилось и пошла халтура. Одно слово, «долой самодержавие и да здравствует брак!» Кто был этот митинговщик с коричневым карандашом в руке? Возможно, сын кухарки, или она сама, выгнав господ, сохранила красивые открытки на свой вкус. За что спасибо. А бракованную открытку новый хозяин жизни приобрел уже сам. По-видимому, отходы в типографии давали даром.

Опубликованные открытки из вновь приобретенной коллекции подходят, увы, под определение — китч начала века, подобный уличным песням под шарманку и слащавым рождественским рассказам.

Но не бросим камня в эти незатейливые творения, порожденные добрыми стремлениями души: в лучших образцах милосердие поднимается до истинных высот.

ИВАН ПЫРЬЕВ

«Парень я был веселый, смышленый...»

ТВОРЧЕСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ РЕЖИССЕРА

На высоком берегу села Камень-на-Оби (ныне город Камень) стояли гигантские деревянные амбары-элеваторы купцов Второвых и Винокуровых. В каждом дворе такого элеватора летом проветривалась пшеница. Тысячи пудов ее горами лежали на гладком, выметенном дворе. Сотни женщин деревянными лопатами ворошили, просушивая, пшеницу. Одной из этих женщин была моя мать.

По узким деревянным лестницам, с высоты двухэтажных амбаров, с мешками пшеницы на плечах нескончаемой вереницей шли грузчики. Одним из них был мой отец. Он был известный в селе гармонист. Однажды, во время большого пасхального гулянья, в 1904 году между грузчиками возникла драка; в этой драке отец был убит.

Мать после смерти отца оставила меня, четырехлетнего, на воспитание деду, Осипу Ивановичу Комогорову, а сама уехала на заработки в город Мариинск.

С весны до осени я вместе с дедом, высоким, коренастым, чернобородым стариком, почти безвыездно жил на пашне за 35—40 километров от села. Дед любил меня и, называя горемычной сиротой, всюду таскал за собой. Мы ездили с ним на рыбалку, варили уху, пели у костра старинные песни. Дед рассказывал мне про те времена, когда он молодым ямщиком ходил зимой с обозами от Барнаула до Иркутска, перевозя из Китая чай и шелк. Дед рассказывал мне про лихих людей того времени, про купцов, про золотоискателей...

Больше всего дед любил париться в бане. Парился он по-сибирски, до изнеможения, распаренный докрасна, выбегал из бани, падал на снег, а затем снова лез на полок

париться и звал меня к себе, крича: «Парься, Ванька, парься! Жизнь у тебя, сироты, будет трудная...»

Семи лет меня отдали учиться в церковно-приходскую школу. По воскресеньям дедушка давал мне 20 копеек, бабушка — гривенник, и мы с двоюродным братом, Ванькой-старшим, отправлялись смотреть приезжавшее к нам на село кино.

Это было мое первое знакомство с кинематографом, на тусклом сером экране которого двигались Прэнс и Глупышкин, демонстрировались какие-то итальянские боевики со львами и гладиаторами. Было интересно!

Мне было одиннадцать лет, когда мать забрала меня у деда и увезла в Мариинск. Ее новому мужу, мелкому торговцу фруктами — татарину Омирову, для торговли нужен был мальчик.

Отчим был нрава крутого, любил выпить, а в пьяном виде зверел и начинал избивать и мать, и меня. Однажды, когда мне было уже больше двенадцати лет, я не выдержал, видя, как на моих глазах избивают мать, схватил со стены топорик для рубки мяса, бросился с ним на отчима и погнал его пьяного по улицам города до полицейского участка, куда он и скрылся.

После этого происшествия, свидетелем которого был весь город, жить у отчима стало невозможно, и я пошел в люди. Я ездил с татарами-торговцами мануфактурой по ярмаркам, работал поваренком в томской гостинице, служил мальчиком в колбасной лавке, торговал папиросами на рынке, а во время германской войны стал продавать газеты.

Начитавшись газет, журналов и экстренных телеграфных выпусков, прославлявших героические дела русских солдат на Карпатах и в Восточной Пруссии, я захотел стать одним из героев. Зимой 1915 года, забрав свои журналы и газеты, я сел в один из воинских эшелонов и поехал на фронт.

Парень я был веселый, смышленый, хорошо пел, плясал. Солдаты во мне души не чаяли, сшили мне обмундирование, шинель, надели погоны. С ними я доехал до Калуги.

Но по полку вышел приказ: «Всех добровольцев, не достигших 17-летнего возраста, отправить по домам». Вместо фронта, окопов, боев и героических дел я очутился в каталажке полицейского участка. Но я был упрям и настойчив. Зная, что через день-два мои друзья отправятся на фронт, я отпросился в уборную, обманул городового и бежал.

Я прибежал на станцию. Рота уже грузилась в вагоны. Солдаты укрыли меня в теплушке, и я доехал с ними до Сморгони, откуда мы походным порядком двинулись на передовые позиции. Я был счастлив. Но на одном из ночных привалов

меня заметил командир батальона и заявил, что, если я снова пристану к роте, меня арестуют и этапом отправят обратно.

Батальон ушел, а я остался... остался один, со слезами на глазах и с горячим желанием обязательно стать героем.

Переночевав в лесу, я двинулся в сторону громыхающего орудиями фронта. Вскоре мне удалось пристать к одному из проходивших маршевых батальонов, с которым я прибыл в 32-й Сибирский стрелковый полк.

Адъютант командира полка заметил меня и отправил в музыкантскую школу полкового оркестра.

В музыкантской школе мне дали корнет-а-пистон и научили нотам. Я стал было уже выдувать на корнете кое-какие мелодии, но однажды здоровый, усатый музыкант, игравший на бас-геликоне, невзначай сказал: «Зря ты, Ванька, стараешься, дуешь в трубу. У тебя, того и гляди, грыжа станет...» Испугавшись, я тут же отдал корнет, заявив, что не хочу больше учиться в музыкантской школе. По распоряжению адъютанта меня немедленно отправили под конвоем на станцию и отвезли в Минск.

В Минске я попал в так называемый «приют для добровольцев». Это было большое трехэтажное здание, в которое со всей России были собраны добровольцы, не достигшие 17 лет. Здесь были семинаристы, гимназисты, реалисты, изъятые из всех полков и дивизий. Это были отчаянные головорезы, воинственные ребята.

Попав в приют, я не растерялся, быстро сколотил группу из пяти человек, и... в одну из ночей мы бежали, захватив с собой запас сухарей, хлеба и сахара...

И вот я снова в 32-м стрелковом полку.

Адъютант полка, видя мою настойчивость и зная, что я умею ездить верхом, направил меня в команду конных разведчиков. Зимой 1916 года во время разведки я был ранен в ногу. Меня наградили Георгиевским крестом.

Пролежав в лазарете свыше трех месяцев, я вместе с другим таким же добровольцем направился в 9-й Сибирский стрелковый полк, стоявший тогда в районе Цирульских болот у знаменитой «Пулеметной горки» за Ригой.

Был уже 1917 год. Только что совершилась февральская революция. В полку шли митинги, кое-где солдаты братались, но перестрелки, поиски разведчиков и мелкие стычки с немцами все еще продолжались.

В апреле немцы начали большое наступление. Фронт был прорван. Вместе со своим другом я очутился в Риге. Мы сели на крышу поезда и голодные, раздетые, в лаптях приехали в Петроград.

Три дня бродили мы по большому и незнакомому городу. На четвертый день нас, как «боевых ребят», завербовали в «батальон смерти» и водворили в Дерябинские казармы на Васильевском острове. В конце июля наша рота была включена в состав Ревельского десантного «батальона смерти» и отправлена в Ревель (ныне Таллин).

В начале сентября, в дни героических боев за Рижский залив, я участвовал в боях за острова Даго и Моп. При взрыве трехверстной дамбы, связывавшей оба острова, я был вторично ранен и вместе с остатками нашего батальона в рыбацкой лодке привезен в Гапсаль, а оттуда в Ревель. В Ревеле мне была вручена вторая награда — Георгиевский крест третьей степени, и я был эвакуирован в Москву.

Октябрьскую революцию и бои за Мясницкую и телеграф я наблюдал из окон Воскресенского лазарета. В мае 1918 года, еще не совсем оправившись, я выписался из лазарета и поехал домой в Сибирь, но доехал только до Екатеринбурга. По всей сибирской магистрали шли бои, всюду формировались красногвардейские отряды.

Захваченный всеобщим настроением, я вступил в один из этих отрядов и отступал с ним с боями по Горно-Благодатской ветке до Перми, где заболел тифом и откуда был эвакуирован в Вятку.

Выздоровев, я вступил в ряды Красной Армии. Рядовым бойцом доехал с боями до Омска, откуда вернулся в Екатеринбург и был зачислен в агитотдел 4-й железнодорожной бригады, где проработал агитатором до 1921 года.

За два года службы в 4-й бригаде я успевал одновременно: учиться в Народном университете, участвовать в трудовых субботниках, увлекаясь искусством театра, активно работать в драмкружке железнодорожного клуба, затем учиться в театральной студии Облпрофсовета, где впервые встретился и подружился с Григорием Васильевичем Александровым. Участвовал я также в организации областного Пролеткульта и работал как актер и режиссер в детском театре, организованном по нашей с Александровым инициативе.

В конце лета 1921 года из Москвы в Екатеринбург приехала на гастроли третья студия МХАТа. Играли «Потоп» и настолько захватили нас своей игрой, что мы с Александровым решили ехать в Москву учиться.

Зима 1921 года. Мы в Москве. Спим в большом холодном зале на огромной пыльной, ободранной тахте, голодаем, но успешно держим экзамен сразу в несколько студий и театров. В конце концов решаем поступить в центральную студию Пролеткульта.

В зимнем театре «Эрмитаж» помещается первый рабочий театр Пролеткульта. Здесь готовится великолепный, красочный спектакль «Мексиканец» — режиссер Смышляев, художник Сергей Эйзенштейн. Нам, только что вступившим в студию этого театра, поручают маленькие роли «газетчиков». Работа в Пролеткульте продолжается до 1923 года. Одновременно с учебой я играю в спектаклях «Мексиканец», «Лена», «Мститель», выступаю в концертах, читаю Маяковского, Каменского, Брюсова, Верхарна.

В Пролеткульте нас учили все и всему. Здесь были и М. Чехов, и Грановский, и Тиханович, и Игнатов, и Смышляев. Нас обучали разным системам актерской игры, коллективной декламации, пению, но больше всего нас почему-то учили акробатике. Мы, как завзятые циркачи, летали на трапециях, ходили по проволоке, делали кульбиты, сальто, жонглировали, а однажды организовали первый джаз-оркестр, причем инструментами были дрова и бутылки.

Тогда в искусстве все бродило, бурлило... В Москве возникло огромное количество театральных студий всяких направлений. Происходили бурные диспуты. В Политехническом музее и в Колонном зале звучал зычный голос Маяковского.

Мы, молодежь, с огромным удовольствием посещали все эти диспуты, шумно реагировали, свистели, кричали, отрицали все старое и с восторгом принимали все новое. Вместе с нашими руководителями мы требовали закрытия Большого театра, кричали, что МХАТ не нужен революции, а Малый театр — музей. Это была наша молодость, это было крайнее увлечение «левыми» течениями. С годами и зрелостью наши мнения изменились, но эта эпоха воспитала в нас умение самостоятельно мыслить, пригодившееся впоследствии для того, чтобы разобраться в явлениях искусства. Много способных людей вышло из школы Пролеткульта. Ю. Глизер, В. Янукова, М. Штраух, Г. Александров, Л. Антонов, И. Клюквин, И. Кравчуновский, Б. Юрцев, да и сам Сергей Михайлович Эйзенштейн — все это люди, пришедшие в искусство из нашей пролеткультовской школы.

Постепенно увлечение «левыми» течениями и формализмом у нас, студентов, начало исчезать. В театре Московского Пролеткульта, которым руководил в то время Эйзенштейн, после великолепного спектакля «Мудрец», организовалась группа, в которой состоял и я. Нам надоело акробатическое кувыркание, мы стали требовать, чтобы на сцене нашего театра была героика реализма, нам хотелось играть иной репертуар.

Наш борьба не увенчалась успехом; некоторые из нас (в том числе и я) вынуждены были уйти из Пролеткульта. Я попал в ГОСТИМ, где играл в спектаклях «Лес», «Д. Е.», «Великодушный рогоносец»... Чаще всего играл Буланова в «Лесе».

В эти годы я очень сильно увлекался кино. Совместно с Николаем Экком написал несколько сценариев, один из которых был принят «Межрабпом-Русью».

Однажды, прочтя в вечерней газете, что на 3-й фабрике «Госкино» режиссер Тарич приступает к постановке картины «Марокко», я пришел к нему на квартиру и предложил свои услуги в качестве бесплатного помощника. Так, оставаясь еще в труппе театра, я начал работать учеником, помощником режиссера и практикантом...

Текст дается по кн.: Как я стал режиссером. М., 1947.

Кадры из фильма режиссера Ивана Пырьева «В шесть часов вечера после войны»

ИОСИФ МАНЕВИЧ,
доктор искусствоведения

Иван

Вс. Пудовкин, И. Пырьев, С. Герасимов и Г. Александров

«Иван» — так его звали за глаза. «Иван придет...» «Иван добьется...» «Иван покажет им...» «Иван рванул речугу...» «Иван отменил съемку...»

Кажется, один Большаков* называл его — товарищ Пырьев.

В самой его фамилии было что-то непокорное, колючее, он пырял и попугивал, но в нем жил и Ваня, деревенский мальчик, сын сельского гармониста, сродни Есенину.

Он был человеком напористым, смелым, неукротимым, отменно умным и хитрым.

Смел он был во всем: и в творчестве (после колхозных комедий брался за Достоевского, вслед за Эйзенштейном намеревался ставить «Ивана Грозного», помню, давал мне читать сценарий), и в общении с начальством, и в спорах с признанными мастерами, и в том, как выступал во враждебно настроенных, высоких, больших и малых аудиториях. Смел он был и в личной жизни: не стеснялся и в старости последних своих романов.

Управлял «Мосфильмом» и Союзом (кинематографистов. — *Ред.*) как государственный деятель, но, правда, не очень разбирался в людях и приближал к себе подхалимов (а может, и разбирался, но понимал, что иначе нельзя).

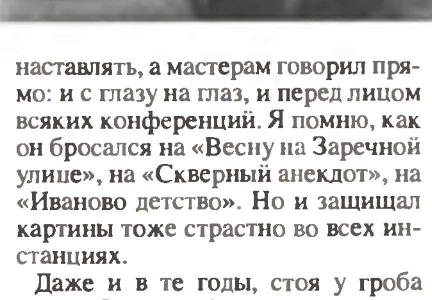
Неукротим был во всем, никогда не сдавался ни в споре, ни в преферансе, ни в больнице перед лицом смерти. И врачи разводили руками, видя его анализы, по показаниям которых он давно должен был умереть. Пырьев перенес инфаркт, но курил по-прежнему, камни терзали его желчный пузырь, а он и до операции, и после не соблюдал никакой диеты. Я никогда не видел его спокойным, даже в гробу.

Мне всегда было любопытно смотреть, как он разыгрывал сложные партии бесед — и у начальства, и с друзьями, будь то Фурцева, тогда член Президиума ЦК, или Эрик Джонсон, Жерар Филип или Довженко. Каждая из них напоминала зигзаг, но он всегда выходил победителем, так же как мог играть по десять партий в шахматы с покорным Новогрудским, пока не выигрывал, злился, чувствуя, что тот готов давно сдаться, только бы не возбуждать гнева.

Как человек неукротимый, Пырьев был пристрастен в своих вкусах, правда, никогда не таился и за спиной не шептал. Молодежь пытался

* И. Г. Большаков — министр кинематографии СССР с конца 30-х до начала 50-х годов. — *Ред.*

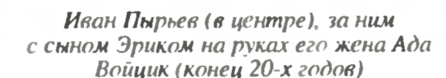
наставлять, а мастерам говорил прямо: и с глазу на глаз, и перед лицом всяких конференций. Я помню, как он бросался на «Весну на Заречной улице», на «Скверный анекдот», на «Иваново детство». Но и защищал картины тоже страстно во всех инстанциях.

Даже и в те годы, стоя у гроба Игоря Савченко*, он сказал правдивые слова о тяжелой судьбе честного художника и о том, что хоронить у нас умеют, а поберегли бы при жизни и хоть половину таких хороших слов сказали, как у гроба. Я стоял почти рядом с ним и всем своим существом ощущал тяжесть этих слов, перехватывающих горло, и видел испуг, а затем гнев на лицах начальников, присутствовавших, быть может, на единственной в те годы действительно гражданской панихиде.

Многие Пырьева не любили, обвиняли в вероломстве, скупости, пристрастности. Если же он человека не любил, то уж все ему не нравилось, что тот делал: и сценарий, и фильм, и выступления. Он знал истинную цену людям, но часто верх в его душе брали неприятие, зависть и просто непонимание.

Пырьев был самоучка, четырнадцати лет бежал на фронт, был разведчиком, получил Георгия, видимо, с тех лет у него укоренилась поговорка: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Грудь у него действительно была в орденах и лауреатских знаках, но он никогда не боялся их потерять.

Пырьев был награжден многими талантами и, не попади он во фронтовой театр Политпросвета, а затем в Москву, в Пролеткульт и театр Мейерхольда, где недолго был актером, а затем уже ушел в кино, он мог бы стать военачальником или управляющим заводами, капитаном корабля, а мог стать и

Иван Пырьев (в центре), за ним с сыном Эриком на руках его жена Ада Войцик (конец 20-х годов)

* Игорь Андреевич Савченко — советский режиссер, сценарист, поставил первый советский музыкальный фильм «Гармонь». Скончался в 1950 году в возрасте 44 лет на съемках фильма «Тарас Шевченко».

Кадры из фильма «Свинарка и пастух» (1941 г.)

Кадр из фильма «Братья Карамазовы» (1969 г.)

кулаком в селе Камень-на-Оби, где родился.

Писал он неграмотно, это замечал даже я, тоже не сильный в орфографии, как каждый человек с пропущенным средним образованием. Но во всем, что писал Пырьев, была логика, лаконичность, деловитость. Кино он знал и любил, к живописи был равнодушен, музыку чувствовал, был очень ритмичен, со слухом и музыкальной памятью.

Режиссер Иван Пырьев на съемках

Литературу русскую любил душой, и сам учился сначала у фольклора, лубка — отсюда и шли «Богатая невеста», «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух». Но он много раз перечитывал и Толстого, Достоевского. Понимал их по-своему, и в критике искал лишь подтверждение своих взглядов, не больше. К Достоевскому Пырьев тянулся потому, то сам был персонажем из его книг: в нем жил и Федор, и Митя Карамазов, и Рогожин, и мечтатель из «Белых ночей». И когда уже после смерти Ивана в маленьком зале в Болшево я смотрел фильм «Братья Карамазовы» и погружался в страсти героев, то видел только его, поэтому и сейчас не могу анализировать картину.

Познакомился я с Пырьевым, когда начинал курировать «Украинфильм». Я видел «Партийный билет», после которого Пырьев ушел с «Мосфильма», но лично с ним знаком не был.

В комнату ко мне вошел красивый человек в коричневом костюме, под цвет глаз, поджарый, еще молодой, чем-то, видимо, недовольный. Он спросил:

— Кто Маневич?

Я поднялся. Он осмотрел меня и протянул руку:

— Я Пырьев.

На первый взгляд он показался мне простоватым, но, видимо, потому, что хотел таким выглядеть.

Пырьев коротко поведал мне свою историю. Приехал он с фильмом «Богатая невеста». Вокруг фильма на Украине обстановка была накаленная. Колхозное дело не везде ладилось, искали вредителей, врагов народа, кулацких последышей, призывали к бдительности, а Пырьев в фильме показывал изобилие, любовные перипетии и танцы.

А ну-ка, девушки, а ну, красавицы,
Пускай поет о нас страна,
И громкой песнею пускай
прославятся
Среди героев наши имена.

Люди гордились своим трудом и воспевали его.

Шумяцкий* посмотрел фильм и, видимо, сам не зная еще, как с ним быть, велел подсократить и подчистить. Надежды Пырьева, что его поддержат в Москве, становились жидкими, положение — сложным; мне стало понятно, почему он был не в духе.

---

* Б. З. Шумяцкий — с 1930 по 1937 год начальник Главного управления кинофотопромышленности при Совнаркоме СССР. — *Ред.*

Не могу сказать, что фильм мне понравился, в особенности в том незаконченном виде, на двух пленках, в котором я его смотрел с Пырьевым в первый раз. Но в лучших его сценах был темперамент, искренний задор, радость.

В общем, после просмотра мы дружелюбно поговорили о фильме, быстро составили заключение о небольших подрезках и завтра должны были встретиться.

Пырьев уходил в хорошем настроении, вырезалось только то, что он сам хотел исключить. Дружелюбно пожал мне руку, сказал что-то вроде комплимента.

Я быстренько продиктовал заключение стенографистке и пошел с ним к Шумяцкому. Здесь я понял, что дело обстояло не так просто. Во-первых, Шумяцкий, учитывая нажим с Украины и недолюбливая Пырьева за строптивость, не знал, как быть, и принял мое заключение с неудовольствием. Он резко сказал, что фильм нуждается в серьезной доработке. Нужно смотреть по частям еще раз, с кем-то из редакторов. Утром Пырьев был у меня. Я ему показал неподписанное заключение. Он сам пошел к Шумяцкому, но вскоре вернулся злой.

Мы вновь пошли в зал. Не помню, кто из редакторов принял еще участие в просмотре, но сделано это было по распоряжению Шумяцкого. Мы смотрели фильм по частям, в основном мне приходилось выступать в роли арбитра между настроеиным на бдительность редактором и Пырьевым. Просмотры наши продолжались дня два.

Я понимал: если мы не создадим впечатление, что предстоит еще большая работа над фильмом, заключение опять не будет подписано. Поэтому я развел его на пять страниц, вставив туда и переозвучание, и досъемки, и пересъемки крупных планов, и подробно все сокращения. Когда Иван увидел этот документ, он обомлел и вначале стал свирепеть, но по мере чтения он, видимо, все уразумел и, когда кончил читать, хитро улыбнулся и спросил:

— Подпишет? Может, удлинить срок окончания работы?

Я накинул еще две недели и пошел вниз. Пырьев за мной. Долго мы с ним толкались в предбаннике. Он еще раз прочел, видимо, прикинул, что поправки на пользу, и сказал мне: «Постарайся». С тех пор мы с ним и были на «ты».

Я скрылся в дверях. Борис Захарович долго читал, перечитывал, раздумывал. Посмотрел на сроки, сказал: «Пусть поработает» — и написал на углу: «Согласен». Вскоре создатели фильма были награждены.

Перед войной, да и в первый период войны, мы с Иваном Александровичем встречались редко: на просмотрах, иногда у кого-нибудь в гостях.

Знакомство наше возобновилось и стало дружбой лишь в пятьдесят четвертом году, когда Пырьев был назначен директором «Мосфильма», а я стал главным редактором студии.

Я много раз бывал там, и всякий раз студия производила на меня малоприятное впечатление. Это была огромная каменная коробка, с бесконечными коридорами, серыми запущенными комнатами, запутанными переходами, как говорил Довженко: «На «Мосфильме» везде далеко и никуда не прямо». Ходила даже такая байка: один из без конца сменяющихся директоров как-то ушел на осмотр студии и заблудился. С тех пор, когда во время съемок вспыхивает красный свет на табло «Тишина», раздается его протяжный стон.

Но это легенда, а если вспомнить, то за «Мосфильмом» прочно установилась слава студии, где «все течет, и ничего не изменяется». С приходом же Пырьева на «Мосфильме» перестало течь и все стало пробуждаться, как весной.

Я вспоминаю, как оживленно проходили обсуждения сценариев в моем небольшом кабинете. В комнатах редакторов, когда я туда заходил побеседовать, всегда заставал авторов или режиссеров, которые шли прямо со съемочной площадки посоветоваться, прочитать вместе текст сцены. Раз в неделю Иван смотрел отснятый материал вместе со мной и редакторами, ведущими тот или иной фильм. После просмотра писали короткие заключения. Так же шла и приемка картин на двух пленках, часто смотрели по частям, чтобы поправки были более конкретными.

Надо сказать, что по тому времени, благодаря твердой поддержке Пырьева, я смело заключал договоры на вещи, еще не апробированные или находящиеся под негласным запретом для кино. В 1956 году заключили договор на «Бег» Булгакова, с Дудинцевым на «Не хлебом единым», с Тендряковым на «Тугой узел». Правда, через год я имел крупные неприятности, но все же через десять лет вернулись к «Бегу» и другим вещам.

Изменился и внешний вид «Мосфильма», ушел в прошлое его казарменно-канцелярский стиль, который господствовал до Пырьева во всех помещениях студии — от кабинета директора до актерских уборных. Сценарный отдел получил автомобиль, кремовую «Победу». Сейчас это наивно, но в ту пору лишь редкий писатель или режиссер имел машину. И добираться было довольно сложно, такси еще не стало элементом быта. Посылали машину за Габриловичем, за Розовым, Вольпиным и Эрдманом.

Директорский зал перестроили, сделали удобные кресла. Иван распорядился — и помимо портретов классиков советского кино повесили портреты Холодной и Ханжонкова, это многим не нравилось, но он упорно не хотел быть Иваном, не помнящим родства.

Одних эта бурная деятельность раздражала, других привлекала своим размахом.

Он привез на «Мосфильм» Фурцеву, долго водил ее по двору студии и показывал, как медленно поднимается новый «Мосфильм». Фурцева, тогда секретарь ЦК, обещала помочь и обещание свое выполнила. Строительство развернулось. В общем, «Мосфильм» рос и развивался, захватывал близлежащие территории для натурных площадок. Каплер острил: «Скоро при «Мосфильме» будет Мононолька»...

«Мосфильм» посещали и кинематографисты разных стран, мы могли уже принимать и французов, и итальянцев, и американцев. Помню встречу с Жераром Филипом, с Николь Курсель, Даниель Дарье. В кабинете у Пырьева было немного народу, чуть выпили... Все дружно пели:

Москва, плененная Жераром,
Французам отдана.

Я пишу и уже жду ехидных вопросов: а все ли было так хорошо? Думаю, что нет, но этот вот период сейчас, с горки времени, уже многим, тогда недовольным, представляется теперь возрождением. Ведь мы могли что-то решать. И дать, пусть хоть небольшую, свободу творческим замыслам и начинаниям. Иван, если хотел, мог их отстаивать.

Публикация ЕЛЕНЫ МАНЕВИЧ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ СВЯТОЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Второго июля нынешнего года состоялось воистину незаурядное событие: причисление к лику святых единственного на сей час прославленного святителя Зарубежной Русской Церкви, которого почитают уже давно и на его родине — чуть ли не раньше, чем за границей. Но нелегко двигалось земное признание его святости, намного труднее, видно, чем она была признана на небесах.

Мне, грешному, довелось прикоснуться к этому сперва как бы совершенно случайно — хотя для православного человека случайности на свете почитаются заранее обусловленными. Дело в том, что писатель Юрий Лощиц однажды предложил мне написать очерк о его предке — приятеле Гоголя и основателе Киевского университета Михаиле Максимовиче для сборника о собирателях песен в серии

«Жизнь замечательных людей». Тут-то, занимаясь целым разветвлением малороссийских Максимовичей, о которых ревнитель рода издал еще в начале нынешнего столетия в Риге целую книгу, я и напал на необычайную историю одного из наиболее знаменитых потомков, будущего архиепископа. Упомянуть его затем в печати дорогого стоило, ибо единственное, что у нас было по тому поводу, — злобесная хула в каком-то атеистическом издании про «карловаков», как они именуют зарубежную ветвь Православия.

Теперь, благодаря заступлению нового святого, причем это сейчас говорится отнюдь не в елейном смысле, могу сказать несколько слов о нем — ибо впоследствии, как бы тоже «случайно», довелось познакомиться со многими свидетелями подвигов совсем недавно жившего рядом с нами подвижника.

Родился он в 1896 году в Харьковской губернии в семье, одним из предков которой был его тезка — один из последних канонизированных перед октябрьским переворотом митрополит Иоанн Максимович, просветитель Сибири в восемнадцатом веке. Вместе с Белым воинством попал он поначалу в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (как сперва называлась нынешняя Югославия), где, продавая газеты, окончил курс богословия в Белградском университете и стал священником. Но вот тут остановим простой жизнеописательный ход и сразу же скажем о главном.

Сделавшись иеромонахом, святитель Иоанн принял на себя подвиг не просто юродства, но и еще сугубое служение — он перестал спать. И как это ни невероятно вообразить, но способность неусыпая молиться за поруганное Отечество была дарована ему Богом вплоть до самого смертного дня почти на полвека.

Затем он стал последним из поставленных основателем Зарубежной Православной Церкви митрополитом Антонием Храповицким архиереев и отправился в далекий Шанхай, где находилась одна из крупнейших колоний белого рассеяния. Выстроив там собор, он почти немедленно стяжал славу выдающегося целителя — и одновременно собрал тьму врагов. Памятником его служения остался шанхайский храм во имя иконы Богоматери «Споручница грешных».

С приходом марксистской власти владыка сделал все, чтобы вывезти уже «второбеженцев» из Китая сперва на филиппинский остров Тубабао, а потом и в Америку. Ему же судьба сулила сделаться на многие годы возглавителем русских общин по всей Европе.

Тут он поразил возвышенных русских парижан, например, тем, что даже по аллеям Версаля ходил босиком. Наиболее чопорные написали митрополиту Анастасию требование обуть владыку. Тот выдал приказ: «Носить ботинки». Владыка Иоанн стал носить их с собою... в руках. А одна из ревностных прихожанок однажды застала его рыдающим у престола опять-таки с голыми пятками.

Затем он освятил храм-памятник в память Царственных мучеников и всех от безбожников убиенных в Брюсселе, где по сей день хранятся частицы подлинных святых останков их, унесенные следователем Соколовым. Здесь ему прислуживал сын секретаря барона Врангеля — Владимир Николаевич Котляревский, который со своею сестрой Марией Николаевной Апраксиной присутствовал при акте канонизации в Сан-Франциско.

В Европе владыка Иоанн посвятил особое внимание причислению к синодику православия европейцев, которые были прославлены еще до прискорбного разделения церквей, и добился того: в их сонме находится, например, теперь и мученица Геновефа — по-французски Женевьева — покровительница Парижа.

Затем былая дальневосточная паства призвала его в далекий Сан-Франциско, где архиепископ Иоанн достроил величественный и самый большой в русской эмиграции собор во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Но тут, при явном почитании при жизни чудотворца-святого, на него воздвигли гонения уже свои.

Там был даже суд, который владыку оправдал. Но есть и Божий суд (Лермонтов не ошибся) — 2 июля руководили причислением его к лику прославленных святых многие из тех, кто когда-то состоял в числе хулителей. (Не желая множить раздоры, отсылаю любопытных к недавно выпущенной братством Германа Аляскинского в Москве книге «Блаженный Иоанн Чудотворец»).

Напоследок история из еще нигде не напечатанных. Однажды он остановился в Бельгии на вокзале и в положенное по уставу время вынул икону, стал на колени и принялся за молитву. Собралась глазеть толпа любопытных. Самого потешавшегося он поманил пальцем, сказавши: «Неси». Тот целый день протаскал портфель архиепископа, а затем сделался основателем первой православной церкви во Фландрии, где и поныне служит.

Святителе отче Иоанне, моли Бога о нас!

П. П.

ЕЛЕНА ИВАНИЦКАЯ

«Стыдно любить «свое»...»

НРАВСТВЕННАЯ «МАКСИМА» СИМВОЛИЗМА В ТРАГЕДИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Оглянувшись на символизм начала века, Николай Бердяев в книге «Самопознание» отозвался об этом духовном движении беспощадно, увидев в нем «разрыв с этической традицией литературы XIX века», преобладание «эротики и эстетики над этикой». Философ на склоне жизни бросил страстные упреки самой «душевной структуре» символистов, людей «двоящихся мыслей», «двух бездн», — для Бердяева эпохи «Самопознания» это означало не что иное, как «неспособность к выбору, безволие, сопровождаемое словесными призывами к действию». Роковое **двоение** символистов Бердяев связывал не в последнюю очередь (а пожалуй, даже и в первую) с искаженным пониманием Ницше, с неподлинным, ущербным ницшеанством русского символизма, утверждавшим не героический дух Заратустры, не «аскезу в перенесении страданий», то есть не горькую и гордую высоту, а половой оргиазм и непомерное подчеркивание проблемы «плоти»... Но я вспоминаю об этом не затем, чтобы оспорить Бердяева или согласиться с ним (тем более что взгляды «философа свободы» **встраиваются** в символистскую духовную мозаику, а не направлены на нее извне). Мне хочется подчеркнуть ту исключительную суровость оценок и требований, которые всегда сопровождали и окружали символизм и «душевную структуру» его представителей. В трагическом исходе «надежд, которые не сбылись» (говоря словами Бердяева из его «Русской идеи»), символисты обвиняли самих себя и этим следовали как покаянной отечественной традиции, так и героически-суровому морализму-имморализму Ницше-Заратустры.

Самоказнь символизма исключительна. Самообвинения символистов беспощадны. Жестокость их самооценок несравненна. Символисты сами поставили себя под удар и первые обрушили его на себя. Свою «иронию», «эротику», «эстетику» они бичевали так, словно... словно было что бичевать: сегодня нас скорее поразит смертельная серьезность, требовательное целомудрие и напряженный, мощный этический пафос этого духовного движения. Но дело в том, что символизм «разил» себя не только за то, что могло показаться — или в самом деле было — слабостью, уступкой слабости или греховным облегчением своей стези (в то время, когда «народ страдает»...). Будучи действительно духовно глубоким и, тем самым, трагическим миропониманием, символизм ставил под сомнение самое ценное и достойное, самое заветное и дорогое из своего достояния.

От многого знания многие скорби. И от малого знания многие скорби. Но только — разные. Жизнь скорбна по изначальной сути своей. Символисты знали, сознавали, переживали неизбежный трагизм бытия и открывали его в самых глубинах **своего**, родного, заветного. «Стыдно любить «свое»! Ибо жизнь — «безумия и бездония»...

Эта парадоксальная духовная установка символизма ни у кого, кажется, из представителей этого движения не развилась так бескомпромиссно, последовательно и самоубийственно, как у Александра Блока. Нашего недавнего кумира. Ныне — свергаемого гения?

...12 июля 1917 года Блок сделал в дневнике эту запись: «Стыдно любить «свое»...» Мысль выношенная, итоговая, а в конкретной ситуации тех июльских дней даже высказанная, что следует из дневниковой записи:

«Отделение» Финляндии и Украины сегодня вдруг испугало меня. Я начинаю бояться за «Великую Россию». Вчера мне пришлось высказать Ольденбургу, что, в сущности, национализм, даже кадетизм — мое по крови, и что стыдно любить «свое»...»

Вряд ли мы сильно ошибемся, если предположим, что Блок и его собеседник вспомнили при этом разговоре брюсовских «Грядущих гуннов», знаменитую и давнюю (1905 года) декларацию о том, что «свое» любить стыдно:

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Символисты были готовы к возмездию, покаянно склоняли головы, одушевленные моральным пафосом и благороднейшим сознанием собственного несовершенства. (Быть может, их действительная вина — именно в этом? именно в готовности принять кару? именно в покаянной невозможности высокомерно отстоять и охранить «свои» ценности?)

Александр Блок всегда «больше думал о правде, чем о счастье». Нелюбовь к «своему», ненависть к «любимому» — лейтмотив писем, дневников, записных книжек поэта.

«...Хочу высказать ненависть к любимому городу, именно тебе высказать, потому что ты поймешь особенно, любя, как и я», — пишет Блок задушевному другу Евгению Иванову в июне 1905 года из Шахматова. Как не понять! Евгений Иванов был «прикосновен» ко всем символистским глубинам в некотором смысле не меньше, чем сам Блок. «...Все, что мы любили и любим (кончая Толстым и Достоевским), — гениальная путаница, — обращается поэт к тому же адресату. — Этого больше не будет и не должно быть».

Одно из самых важных, программных писем А. Блока, его credo, — письмо юному, двадцатилетнему, чуткому читателю — А. И. Арсенишвили. Проблема «нелюбви к любимому», «ненависти к своему» стоит в центре этого письма.

«...Могу сказать: «не люблю я стихов» — т. е. «слишком, болезненно люблю». ...Говорю Вам по своему опыту — боюсь я всяких тонких, сладких, **своих** (подчеркнуто Блоком. — *Е. И.*), любимых, медленно действующих ядов». Поэт настойчиво объясняет околдованному его стихами юноше, почему он сам «не любит любимого» и почему тот должен преодолеть любовь к «своему». Объяснение заключается в слове **будущее**. «Человек есть **будущее**. ...будем верны будущему. Если в современной противоречивой и вялой жизни многое тонкое и высокое бессильно сказать нам о будущем, будем беречься его, будем даже любить более грубое и более низкое (в культурном, что ли, смысле), если **там** голос будущего громче».

(Да нам-то теперь известно — **какого** будущего!)

«Свое» поэту стыдно любить перед лицом демократического, народного, революционного будущего. Но «свое» остается своим — слишком, болезненно любимым, родным «по крови», мучительно дорогим.

В начале 1907 года выходят статьи А. Блока «О лирике» и А. Белого «Против музыки». Удивительная близость этапов духовной эволюции двух друзей-врагов, братьев-антиподов отмечалась неоднократно. Так и тут они разом и в один голос обрушились на дорогое и заветное, хотя в данном случае несомненное свое сходство увидеть не захотели.

«Человек, сотворивший из музыки кумир, не может не обесчестить свое **слово**, свою **правду**, свой **долг**. ...Я имею право на мое утверждение, потому что я хорошо знаю, **что такое музыка**. ...Я говорю это потому, что слишком пленен музыкой, чтобы не видеть в ней врага». А. Блок «слишком» пленен лирикой и знает, «что это такое»: «проклятая лирика», «проклятая легенда», «проклятое логово», «тропа безумия», «одурманивающий напиток», «проклятые яства с нашего демонского стола». И если А. Белый воззвал: «Долой музыку!», то А. Блок «призвал» Савонаролу: «И пусть он не идет ни на какой компромисс, пусть он складывает костры из стихов и картин... Савонаролу мы приемлем в сердце...»

Редчайший случай, когда поэт, несмотря на некоторые усложняющие оговорки, решается признать ценным, отстоять от враждебности «свое», «дорогое по крови», — письмо В. В. Розанову от 17 февраля 1909 года.

Этим «ценным своим» оказывается гуманизм. «Ведь я, Василий Васильевич, — пишет поэт, — с молоком матери впитал в себя дух русского «гуманизма». ...Я по происхождению и по крови «гуманист», т. е., как теперь говорят, — «интеллигент». ...Чем более пробуждается во мне сознание себя как части этого родного целого, как: гражданина своей родины, тем громче говорит во мне кровь». Показательно, что неотступная мысль о любви-нелюбви присутствует и в этом письме, но связанная с другой проблемой: «Знаю я эту любовь к мелочам быта, люблю ее в Вас лично ужасно и боюсь ее в Вас как писателе. ...Этой любовью, этой прелестью и нежностью невольно прикрываются самые страшные ямы — сентиментальность и жестокость — родные сестры».

Д. Е. Максимов в этапном для блоковедения исследовании «Поэзия и проза Ал. Блока» отмечал в «антиинтеллигентских» выпадах поэта «элемент саморазоблачения: в «пороках» интеллигенции (прежде всего индивидуалистической) он видел, преувеличивая их, свои собственные недостатки». Это суждение представляется и бесспорным и неполным, ибо поэт «нападал» отнюдь не только на пороки, бичевал не только недостатки в себе и «своем». Самое достойное «свое» нередко попадало под удар именно за то, что оно «свое», и любовь к любимому выражалась в проклятиях и в готовности **принять** «Савонаролу». Наверное, в этом чувстве «особенной любви» с особенной яркостью соединились сознание исторической вины интеллигента, гуманиста, «барича» и тайная тяга к погибели, демоническое упоение унижением и уничтожением.

Ибо свое, любимое — это п р о ш л о е. Блок же был буквально загипнотизирован б у д у щ и м и готов был на любые жертвы ради него. Жертвы, вызванные, повторяю, и чувством социально-исторической вины, и погибельным наслаждением «сладостью» самоотречения. Своеобразное смысловое наполнение слова «сладко» и сущность того душевного состояния, которое им обозначается, отчетливо видны в поэзии и дневниковых записях Блока: «Больно, когда падает родная береза в дедовском саду. Но приятно, **сладко**, когда Галилея и Бруно сжигают на костре, когда Сервантес изранен в боях, когда Данте умирает на паперти», или —

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

...Эх, сладко, так сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

Поэтому — если Блок осознает гуманизм, интеллигенцию «своим», родным по крови, то необходимо последует (либо уже присутствует) проклятие, осуждение, «сладкое» самоотречение.

Рискну предположить, что знаменитое письмо В. В. Розанову, в котором Блок провозглашает себя гуманистом и «чает» единства народа и интеллигенции, написано в некий краткий период, когда поэт подверг сомнению необходимость «сладкой ненависти» к своему, родному, заветному. В статье «Народ и интеллигенция» (за три месяца до письма) поэт надеется на «согласительную черту» между народом и интеллигенцией, желает «мира и сговора», поэтому не только бичует себя как интеллигента, но и предостерегает от полного отречения: «Не значит ли понять **все** и полюбить **все** — даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя — не значит ли это **ничего** не понять и **ничего** не полюбить?»

Однако предостережение высказано в форме вопроса, оставляющего полную возможность отрицательного ответа: нет, не значит. Судя по дальнейшему, поэт ответил себе именно так, и в его бескомпромиссности сыграло свою роль переживание известий о страшном Мессинском землетрясении. «Перед лицом разбушевавшейся стихии приспущен надменный флаг культуры». Но ведь это ничтожно мало перед лицом великой катастрофы! — как бы восклицает поэт. Интеллигенция в «аполлиническом сне» только «празднует свою печаль» перед лицом той катастрофы, которая называется современной жизнью. Но этого ничтожно мало: только полное покаяние, только полное самоотречение, даже от самого дорогого, — так оформляется вывод поэта. Заметим, что впоследствии, в статье «Крушение гуманизма», Блок «отрекся» от Мессины, чья гибель так сердечно, мучительно потрясла его десятилетием раньше: «Все то в искусстве, над чем дрожала цивилизация, — от всего этого, может быть, не останется ничего. Останется несомненно только то, что гнала и преследовала цивилизация, — дух музыки».

Так и взятая в какой-то момент под защиту ценность кровно дорогого — гуманизма, интеллигенции — попадает под неизбежное проклятие, и гуманизм предстает «ядовитым туманом», интеллигенция — пустой душой...

В 1918—1919 годах Блок приветствовал «крушение гуманизма»: «Во всем мире звучит колокол антигуманизма; мир омывается, сбрасывая старые одежды...» — и жуткий перезвон этого колокола поэт «понимает» и «принимает», хотя (или — именно потому что) под звуки этого колокола «гуманные основы общежития начинают казаться пустой побрякушкой». Но принимает как гибель «своего», и недаром М. Горький признавался в своих воспоминаниях о Блоке, что «не понял: печалит его факт падения гуманизма или радует». Ведь отношение самого Горького к этой проблеме было гораздо более четким и цельным: «Гуманизм в той форме, как он усвоен нами от евангелия и священного писания художников наших о русском народе, о жизни — этот гуманизм — плохая вещь, и А. А. Блок, кажется, единственный, кто чуть-чуть не понял это».

Наступившее б у д у щ е е крушило кровно дорогой поэту гуманизм, и он принимает это крушение так же, как принимал, любя лирику, проклятия лирике «от Савонаролы», — присоединяя к проклятиям и свой голос.

Мысль о гибели любимого, возмездии любимому четко определилась к 1909 году: «Самые смелые из нас потряслись бы, узнав, на что посягнут грядущие варвары, какие перлы творения исчезнут без следа под радостно разрушающими руками людей будущего! Уже при дверях то время, когда неслыханному разрушению подвергнется искусство. Возмездие падет и на него: за то, что оно было великим, когда жизнь была мала; за то, что оно отравляло и, отравляя, отлучало от жизни; за то, что его смертельно любила маленькая кучка людей...» Но повторим вопрос Максима Горького: радует или печалит Блока это надвигающееся разрушение?

Это разрушение «сладко» — так можно ответить на этот вопрос на языке поэта. Он любил «особенно» — его любовь требовала гибельного испытания для любимого. «Культуру нужно любить так, чтобы ее гибель не была страшна (т. е. она в числе всего достойного любви)», — записывает поэт в августе 1909 года, и этой мысли суждено было большое будущее и в творчестве, и в самоопределении Блока в годы революции.

В исследованиях И. Кондакова последних лет раскрыта удивительная глубинная «прикованность» эпохи рубежа веков к заветам «60-х годов», в том числе нигилистическим заветам Писарева: «...что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам...» (Отсылаю читателя к статье И. Кондакова «Перед страшным выбором: Культурно-исторический генезис русской революции»// Вопросы литературы. 1993. Вып. VI.)

Близость размышлений Блока к писаревским несомненна, но есть принципиальный поворот: для Писарева то, что разлетится вдребезги, «хлам»; для Блока то, что погибает, — «в числе всего достойного любви».

Есть какая-то легенда, что Луначарский «не выдержал» известия о разрушении Кремля и не то закатил истерику, не то подал в отставку. Зато Блок, носивший в сердце «прозрачную нежность Кремля», выдержал! «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо, но потеряв их народ не все потеряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, — не кремль... Кремль у нас в сердце...»

Возникает беспощадный выбор, которым поэт испытывает и культуру, и общество, и себя самого: если нечто не выдержало кровавого испытания, пало под варварской рукой — будь это Кремль, гуманизм или

Шахматово, — значит, оно не нужно б у д у щ е м у. Но обреченное разрушению поэт «смертельно любил», или был с ним «кровно связан», или сознавал «частью себя самого». И теперь, преклонившись перед будущим, готов был пережить с л а д о с т ь их гибели. Именно в этом смысле истолковывает поэт слова из Первого послания Иоанна: «Совершенная любовь изгоняет страх». «Не беспокойтесь. Неужели может пропасть хоть крупинка истинно ценного? Мало мы любили, если трусим за любимое». Итак, по мысли поэта, совершенная любовь изгоняет страх перед уничтожением любимого. Вот этого никак не желала поиять «интеллигенция» и «трусливо» протестовала против насилий и разрушений, доказывая тем самым, что ее любовь не была совершенной: «Любимое занятие интеллигенции, — взвинчивая себя, писал Блок в дневнике, — выражать протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест. Верный признак малокровия: значит, не особенно любили свою газету и свою церковь».

Сам Блок, когда решился защитить от угрозы разрушения старые ценности (разумеется, я хочу сказать, решился перед самим собой!), аргументировал **защиту** не любовью, а **ненавистью**: «Не так, товарищ! — обращался Блок к Маяковскому в наброске ответа на погромное стихотворение «Радоваться рано». — Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как строительство, и так же традиционно, как оно. Разрушая постылое, мы так же скучаем и зеваем, как тогда, когда смотрели на его постройку. Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете, проклятия времени не избыть».

Разрушение ненавистного заурядно и скучно. «Скептицизм ко всему, что «не мое», ужасно легок», — предупреждал Блок еще в 1909 году, требуя от истинного художника и подлинно глубокого человека борьбы «с самим собой, с самим собой»... Значит, только разрушение «своего» **трагично**: ибо так же, как трагизм преодолевает односторонность оптимизма и пессимизма, так и разрушение «своего», проклятие «любимому» преодолевает скуку, элементарность принятия, защиты «своего» и отвержения, критики «чужого». А трагическое миросозерцание, настаивает Блок (как истинный символист), «одно способно дать ключ к пониманию сложности мира».

Трагическую сложность истории поэт стремился показать в статье «Катилина». Работа горячо захватила его: «Какой близкий, **знакомый**, печальный мир!» Цезарь, Цицерон, Саллюстий, эти «культурнейшие» защитники римских святынь (то есть «своего»), недостойны славы, — как загипнотизированный, твердит Блок, — ибо не понимали, что их святыни не выдерживают испытания будущим. «Достойным Элизиума и сопричтенным любви оказывается именно бунтовщик и убийца самого святого, что было в жизни, — Катилина». Ибо за ним — будущее...

Но почему будущее достойно столь сокрушительных жертв? Потому что оно «демократия, опоясанная бурей» (по любимому Блоком выражению Карлейля), перед которой глубинно виновны и лирика, и Шахматово, и образованность, и индивидуализм, и искусство, и вообще все святыни «старого мира». И после этого еще кто-нибудь скажет, что символизму чужд этический пафос!

Но достойно ли проклинать святыни уже разрушенные? Ненавидеть «свое», когда его уже смела (или смяла) варварская рука будущего? Добивать любимое, когда его уже никто не защищает, кроме кучки малокровных интеллигентов?

Катилина поднял свой трагический (как уверяет Блок) бунт против римских святынь, когда они, может быть, и умерли в таинственной глубине исторического духа, но во внешней исторической реальности стояли еще во всей своей непоколебимой силе. И больше того — века славы Римской империи были еще впереди! Но можно ли поднять трагический бунт против Рима, когда он и так гибнет под ударами варваров?

Поэту было «стыдно любить свое», когда за этим «своим» была сила (или казалось, что была?). Но, когда разрушена церковь, и закрыта газета, и разгромлено Шахматово, — на чьей стороне сила теперь? Поэт ставит перед собой этот вопрос и со всей беспощадностью к себе и «своему», со всей бесстрашной последовательностью, исключающей какую-либо «сделку с судьбой», отвечает **и в январе 1919 года**, что сила попрежнему **на его стороне:** «Для Федота (крестьянин, участвовавший в разгроме Шахматова. — *Е. И.*) — двугривенный и керенка то, что для меня — источник не оцениваемого никак вдохновения, восторга, слез. Так, значит, я — сильнее и до сих пор, и эту силу я приобрел тем, что у кого-то (у предков) были досуг, деньги и независимость, рождались гордые и независимые дети, дети воспитывались, их научили... тому, как создавать бесценное из ничего ...потом писать книги и... жить этими книгами в ту пору, когда не научившиеся их писать умирают с голоду».

Александр Блок в самоотречении шел и дошел до конца. Но возможно ли самоотречение по приказу? Ненависть к своим ценностям по обязанности? Проклятие любимому под гнетом насилия, которое всей мощью требует этого проклятия?

Всем символистам, так или иначе, был труден переход от благородно-трагической двойственности и сложности отношения к «своим» ценностям, переход к тому, что было «элементарнее и однозначнее» — к необходимости их защиты. Для Блока этот переход обернулся смертью.

На исходе 1920 года поэт заносит в дневник размышление, первую половину которого очень любили цитировать во времена «советского блоковедения»: «Совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но умирающего и разлагающегося, — в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего свежую жизнь». Вторую половину неизменно опускали: «Под игом насилия человеческая совесть умолкает; тогда человек замыкается в старом; чем наглей насилие, тем прочнее замыкается человек в старом. Так случилось в Европе под игом войны, с Россией — ныне». Но ведь из этого душераздирающего признания следует, что поэт так и не отказался от нравственной максимы символизма — «стыдно любить свое»! Под игом наглого насилия стало только невозможно этой максиме следовать... Но замкнуться в «старом» — это смерть. Она и пришла к поэту.

Великое, страшное, беспощадное **этическое** учение — символизм...

ФОТО ВЛАДИМИРА СЕМИНА

Великий семейный праздник

Русский миллионер в Японии

Дипкорпус и царский двор

ТАТЬЯНА ЛИСТОВА,
научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

КРЕСТИНЫ

ФОТОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА ГРЕКА

С таинства крещения — введения в православную веру — начиналась жизнь новорожденного в каждой русской семье, и естественно, что за многовековую историю христианства на Руси сложился целый комплекс сопутствующих обычаев, верований, обрядов.

С точки зрения русского православного человека, крещение — это второе рождение. Более того — рождение собственно человека «по образу и подобию Божьему». До крещения ребенок беззащитен перед любой порчей. Его мог, по повериям, украсть или подменить черт, защекотать мыши-оборотни, в случае болезни ему не помогали никакие заговоры и молитвы. Да и сам он был явно нечист в это время. Как говорили в народе, «некрещеный ребенок — чертенок».

Пугающей представлялась российскому христианину участь детей, умерших некрещеными: быть им слепыми в загробном мире, никогда не соединиться со своими близкими. Поэтому, хотя церковь и не устанавливала твердой даты крещения, родители никогда не затягивали с этим. А уж если ребенок родился болезненным, то его крестили сразу же в день рождения. Однако наиболее распространенной можно считать традицию крещения на третий день после появления на свет.

Чем же были озабочены при этом родители? Прежде всего ребенку нужно было дать имя, поставив его тем самым под защиту определенного святого. Обычно при этом заглядывали в святцы. Считалось, что мальчиков следует называть по имени святого, празднуемого после дня рождения, девочек — до или в день рождения. Церковь обычно не препятствовала желаниям родителей при выборе имени младенцу — лишь бы оно значилось в православных святцах.

Очень часто в российских семьях детей, особенно первенцев, называли в честь бабушек и дедушек. Широко было распространено представление о том, что, если дать ребенку имя кого-либо из особо удачливых родственников, то к нему перейдут все качества, присущие этому человеку. Вера в мистическую связь соименников особенно сказывалась в тех случаях, когда в семье уже умирали младенцы.

Следующим важным шагом в подготовке к крещению был выбор крестных родителей — кумовьев. Ведь те становились вторыми, духовными, родителями ребенка. Приглашение в восприемники расценивалось как знак доверия, уважения, отказ же от просьбы «ввести в крещоную веру» считали грехом.

По установившейся традиции за крещение платил крестный, он же обычно дарил крестик, а крестная приносила кусок материи, на который клали окрещенного. В некоторых местах существовали и специальные обряды при приглашении кумовьев. Скажем, отец ребенка, отправляясь к выбранным на домашнем совете лицам, брал с собой круглый ломоть хлеба и пирог. Ломоть этот отрезался вокруг всей ковриги со словами: «Дай Бог, чтобы ребенок был так же полон, как этот хлеб». В других местах от хлеба отрезалось две горбушки, если родился сын, или два ломтя, если дочь. Хлеб заворачивали в полотенце и при приглашении дарили будущим восприемникам с просьбой «принять хлеб-соль и ввести младенца в хрещоную веру». При приглашении отец не должен был садиться — чтобы ребенок долго жил и не был «сиднем».

В сам же день крещения главными действующими лицами становились повивальная бабка и крестные родители. Прежде всего бабка мыла ребенка, затем клала его в святой угол под иконы на вывернутую мехом вверх шубу, что должно было обеспечить ему счастливую и богатую жизнь. С целью магической защиты (ведь ребенок еще неокрещен) его заворачивали в отцовскую или материнскую рубашку — смотря по полу новорожденного, а в рукав иногда клали кусок хлеба — как оберег.

При отправлении в церковь стол застилали скатертью, клали хлеб, соль, все присаживались. Но только не у печки, которая в подобных обрядовых ситуациях часто считалась знаком «к печали». Помолившись, повитуха обращалась к родителям и всем домашним со словами: «Простите и благословите младенца на святое крещение» — и отдавала его крестным.

Родители ребенка, по общепринятому у русских обычаю, в церкви при крещении не присутствовали. Мать не могла там находиться в силу сакральной послеродовой нечистоты, продолжавшейся до очистительной молитвы — на 40-й день после родов. На отца эта нечистота не распространялась, и церковные правила никоим образом не ограничивали его поведение. Традиция отсутствия его в церкви объяснялась, по-видимому, лишь логикой восприятия православным человеком таинства крещения: поскольку это духовное рождение, то естественным казалось, что кровный отец должен уступить место духовному.

Воду для крещения обычно приносил восприемник, причем ни в коем случае не на коромысле — чтобы ребенок не был горбатым, и хотя одного ведра было достаточно, несли два — для его будущего материального довольства.

По правилам православной церкви разрешалось, в случае одновременного окрещивания нескольких детей, воду в купели не менять, поэтому и родилось разговорное определение сверстников — «в одной купели крещены». Обязательным было трехразовое полное погружение младенца.

Отношение к крещению как ко второму (и основному) рождению привело к возникновению многочисленных примет. По общему убеждению, о жизнеспособности младенца можно было судить по его поведению во время совершения таинства: главным образом по тому, утонул или нет шарик из воска с отрезанными волосиками ребенка (их отстригали по правилам чинопоследования). Любые ошибки в исполнении таинства, считалось, могли навсегда испортить жизнь новорожденного: «не пойдет он по заповедям Господним».

Возвращались домой крестные со словами: «Вы нам вручили сие дитя молитвенное, примите же окрещенное». Затем сообщали имя и вновь клали в красный угол на шубу. Туда же иногда клали несколько монет — к будущему богатству. В некоторых местах кум или кума передавали младенца матери через пирог, лежащий на столе, для того, чтобы новорожденный «шел на хлеб, на соль».

Крестильную рубашку берегли для последующих детей: чтобы они жили в любви и согласии. Сберегали ее и с далеко идущими целями: вырастет дочка, оденет свою крестильную рубашку на всех своих новорожденных детей и таким образом одарит их здоровьем.

Вслед за крещением устраивали обед — крестины, причем роженица на них не присутствовала: здоровье ее было слабо, велика опасность сглаза, да и сама она еще была «нечиста». Заправляли же всей обрядовой частью повивальная бабка и кумовья. Их, как наиболее почетных гостей, сажали обязательно в красный угол.

Традиции крестильного обеда в разных местах, конечно, различались. Но в любом краю России в этот день гости собирались, чтобы поздравить родителей, пожелать новорожденному долгой счастливой жизни. И это не было простым соблюдением «приличия». Новорожденный — новый член общины, благополучие которой в целом зависело от хозяйственности и достатка каждого.

Центральное место на крестинах занимали обряды со специальным ритуальным кушаньем — так называемой «бабиной кашей». Готовила ее или хотя бы подавала на стол повитуха. Уже само появление каши сопровождалось шутками и обрядовыми действиями. Подходя к столу, бабка кланялась гостям и говорила: «Здравствуйте Вам, еду с города, запозднилась, пустите меня на ночь». Или же: «Здравствуйте, гостики честные, кумушки любезные. Бабушка идет, кашку несет». Иногда горшок с кашей ставили на полотенце, постеленное на «веко» — крышку хлебной дежи, — и так подавали на стол. Одевали на него войлочный колпак: клали на горшок полотенце, пирог и т.д.

Затем все торжественно усаживались за стол, повитуха зажигала свечу перед иконами, ставила кашу, все хором пели молитвы из Тропаря: «Радуйся, благодатная, Богородице Дево». Вслед за тем бабка потчевала кашей, приговаривая: «Дай Бог, чтобы новорожденный был ко всем шерстям счастлив!» При «молении»

каши ребенку распеленывали ноги — чтобы скорее стал ходить.

Или вот как поступали: когда повитуха вносила горшок, то все гости вставали с криками «ура!» и трижды поднимали и опускали стол — чтобы новорожденный так же высоко рос, как поднимается стол.

Не забывали и про такие пожелания: «Дай Господь нам пировать у новорожденного под венцом, как теперь пируем под крестом».

Между прочим, по качеству ритуального кушанья гадали и о будущем развитии ребенка. Например, придавливали ложкой кашу в серединке и следили за тем, быстро ли она поднимется. Так и ребенок будет расти.

Любили и пошутить за столом. Скажем, кормили отца новорожденного кашей, смешав ее чуть ли не пополам с солью. Или кум выберет самую большую ложку, зачерпнет немного, прибавит перца, хрена, зерна, лука, уксуса, масла, меда, да еще польет вином и пивом и протягивает отцу: «Кушай-ка, кум, да знай, горько ли, сладко ли куме было родить».

Считалось, что магической силой обладали даже предметы, соприкасавшиеся с кашей, поэтому, например, полотенцем, на котором стояла каша, повитуха утирала лицо кума и кумы — «чтобы крестник или крестница были чисты». Ложку, которой потчевали отца, последний должен был раскусить пополам (что означало заранее уничтожить возможность зла в предстоящей жизни) и бросить ее на печь — пожелать новорожденному быстро бегать. Бросая ложку, отец приговаривал: «Чтобы мой сын велик рос, проворен был и отца с матерью кормил».

Очень правилась и церемония «продажи каши». Со словами: «Кашка на ложки, новорожденному на ножки» повитуха, угощая, просила денег «за повой». Все присутствующие с шутками платили за кашу кто сколько мог. Больше всех, понятно, крестные родители. Эти деньги составляли основное вознаграждение повитухи. Иногда часть полученных денег она отдавала роженице.

Поступали и так: родной или крестный отец при продаже каши собирал ложки у всех присутствующих, втыкал их в кашу, подле каши клал ломоть хлеба и говорил: «Кто хочет кашу есть, выкупи ложку». Гости втыкали монеты в ломоть, забирали свои ложки, а ломоть с деньгами отдавали родильнице.

На крестинный обед спешили и дети со всей округи. С шуточными угрозами «выкинуть ребенка», «в крапиву посадить» требовали себе крестинной каши. В некоторых местах повитуха просто выносила им каши и с просьбой не обижать будущего товарища угощала на улице. В других — детей сажали за стол после взрослых. А кое-где они не только были полноправными участниками праздника, но весь обед устраивался для восприемников, а особенно для маленьких детей: от едва умеющих ходить до семи—восьмилетних.

Дети — обычно исполнители забавных действ с петухом и курицей. Так, в Тверской губернии малыши, получив кашу, выбегали на улицу ловить петуха или курицу — в зависимости от пола новорожденного это делали мальчики или девочки (также выбирали и птицу), клали в чашку из-под каши носами кверху, приносили в избу и ставили на стол, желая, «чтобы дите начало скорее бегать, было проворным и рано начало петь».

В знак установления новых отношений — духовного родства, очень почитаемого в народе, восприемники делали в конце обеда друг другу подарки — «кумились». Подарки немудреные — платок или полотенце от кумы, платок или несколько монет от кума. Но форма дарения обязательно и шуточная, и уважительная одновременно. Например, кума подносила куму блюдо, на котором лежал хлеб, на хлебе пирог, на пироге подарок, при этом приговаривала: «Бью челом, даром, милый куманек, маленький дар принимай, большой поджидай, если хорош мой платочек — в шапочке износи, если плох — на онучи заверни». Кум клал на блюдо деньги и три раза целовался с кумой.

...Потихоньку веселье кончалось. С шутками, смехом, последними благопожеланиями гости расходились по домам. А маленький христианин под защитой своего ангела начинал полноправную жизнь нового члена семьи, общины и всего огромного православного мира.

КАК ПОВОЛЖСКИЙ МУЖИК СТАЛ МИЛЛИОНЕРОМ В ЯПОНИИ

Официальная реклама городского управления Кобе с фотографией В. Ф. Морозова. 1981 г.

Эта удивительная история приключилась с нашим соотечественником в истекающем на глазах последнем веке второго тысячелетия после Рождества Христова.

Поволжский крестьянин Федор Дмитриевич Морозов, изведав прелести февральского 1917 года лихолетья и в Петрограде, и в провинции, вовремя сообразил, чем все это завершится, да подался с семьею... сперва в Китай, а потом в Японию. Не знаючи не только тамошнего быта и климата, но даже языка. Сперва он сделался мелким разносчиком, но потом русский ум подсказал заняться более прибыльным делом — изготавливать неведомый восточным жителям шоколад. Причем, как написано в истории фирмы, на первых порах его постигла жесточайшая неудача: при летней жаре все произведенные сладости начинали немилосердно плавиться. Но чего не превозможет наше природное упорство!

Наконец после долгих мытарств и даже судов он сделался главным производителем сладостей в городе Кобе: его прекрасные и превкуснейшие изделия, неизменно помеченные государственным двуглавым орлом, покупает не только своеземный император, но даже заморская английская королева.

Мало того, тесть Морозова был последним из живых защитников Порт-Артура, который и в девяносто лет не стеснялся таскать мешки с сахаром — стыдно ему было скучать без работы. Причем Морозов нанимал по преимуществу своих соотечественников, один из которых оказался единственным из русских, повидавших — и переживших! — атомную бомбардировку. Завидев пресловутый «гриб», он, повинуясь нашему Богу, сиганул в ближайшую речку — и благодаря тому цел и невредим.

А еще Федор Дмитриевич Морозов помог избежать лагерей любимой младшей дочери Льва Толстого Татьяне.

...Все эти происшествия, а здесь упомянута только их малая часть, рассказал мне недавно скончавшийся издатель российского альманаха «Вече», выходящего в Германии, и друг сына Федора Дмитриевича Олег Антонович Красовский. Валентин же Федорович, кстати, уверенно продолжает отцовское дело — поверьте, довелось самому попробовать: очень вкусно!

А потом уже не только вчитайтесь в отрывки помещаемых воспоминаний его родителя, но и вглядитесь в лица на снимках: они убеждают, что мы все-таки выживем. В самые смутные и тревожные времена.

ПЕТР ПАЛАМАРЧУК

ФЕДОР МОРОЗОВ

НА ПАМЯТЬ ПОТОМСТВУ

Если сохранится между странами мир и если между детьми и внуками сохранится согласие, в годовщины вместо званых обедов прочтите историю неграмотного отца, деда и прадеда.

Пользуясь, пока не лишен, правом родителя, детям своим и внукам внушать и рассказывать пути жизни, учить их на ошибках своего жизненного опыта, начинаю.

Дети и внуки не должны смешиваться с посторонними людьми, всякие советы и наставления получать нужно от родителей или близких родных, ибо они исходят от горячей любви, а не от льстивости, на которую способны мнимые друзья.

Чтобы выразить различные пожелания ближнему потомству, меня побудили разные причины. Начиная с сына и главного звена семьи из четырех детей, снохи и дочери Ольги Сергеевны. Особо обращаюсь к старшим внучкам, которые успели увидеть на практике, за последние годы, кое-что из жизни деда. Обращаюсь и к внуку — Валентину Валентиновичу, которому, как я вижу, больше передалась кровь Морозовых. Моя просьба к Ирочке и Наташеньке, через несколько лет после меня, прочесть и выяснить каким был дед.

Главное, был он суетлив и неугомонен, даже в 72 года. И о разном расскажите, не исключая плохих сторон, ибо мертвые сраму не имут.

Начинаю все это в надежде, авось до какого-то конца доведу. Но как всегда тороплив. В надежде на то, что у кого-то из вас и что-то сохранится в памяти о дедушке и бабушке.

***

История всех стран с ихними всякими устоями всюду нарушена, на нашей родине совсем разрушена. И много еще лет пройдет в разрушении, а не в созидании. А поэтому, мое первое предупреждение сыну, не позволять особо увлекаться и углубляться и не делать еще бо́льших затрат. Без этого можно пока обходиться. Необходимо пользоваться возможностями, пока во всех делах еще есть свобода. Исправлять и видеть ясно где, что надо развивать, а что сократить. Достигать целей где ближе к доходности и необходимо быть всегда на чеку. Никогда не откладывать нужных дел до последнего дня — авось выкручусь, авось успею.

***

Теперь, ознакомьтесь вкратце с несложной историей происхождения отца и деда и о том от кого вы, как на родине, так и во время беженства. Беженство было не как обычное у всех земляков, а связано с почетом и заблаговременно подготовлено до общего краха России. На все в сейфе имеются доказательства или указания на верные следы прошлого.

25 октября 1917 года — выезд из города Симбирска настолько быстрый, что на такой выезд ни один из вас, по вашему характеру, не рискнул бы. 16 дней ехали через Сибирь в дикое время, когда армия бежала с фронта.

Чтобы принять такое решение требовалась жертвенная любовь вашей мамы и бабушки. Она понимала мужа, верила ему до глубины души, бесконечно верила в его способности, а также верила, что этот переезд в неведомое спасает всю семью, а главное детей, от ужасов.

Когда у мамы был переезд с бабушкой из Теренги в Симбирск за 70 верст от своего родного дома, в свой же дом в Симбирске, то она горючими слезами рыдала. На 25 телегах имущество везли, а она на тройке земской. С ней Валя шести лет и Нина — полтора года. Этот срыв со столетнего места был тягостным. За отсутствием моим она тут же на Садовой № 17 немедля пристроила еще комнату для Прохоровны, ванну и прочее. Всего получилось 9 комнат. Для купца второй гильдии вполне было хорошо. Материал и лес были привезены из Федькино, где у меня была мельница и фабрика по обработке верблюжей шерсти. Были для забавы рысаки и коровы. Была здоровенная изба под яблонями с видом на Волгу, а через нее на железнодорожный мост. Красавица, — на весь Симбирск, — корова Машка, охотница была до яблок, срывала их бесцеремонно.

***

Вернувшись после поездки на Дальний Восток в новый дом, ночевал всего две ночи. Сделав доклад Продовольственной комиссии Городской и Губернской Управы и двум банкам, превратился из купца в агента. Привел всех демократиков-говорунов, да и банки, в неописуемый восторг, достигнутыми мною на Дальнем Востоке успехами. Тут же упросили меня ехать с членом Управы Чесновым хлопотать у Временного Правительства наряды. Пришлось познакомиться с разными министерствами Временного Правительства. Понял от кого разрешение зависило. Дошло до дружбы, так как всем что-то нужно было из Харбина. Пообещал послать как мотаням, да и просто женам.

Когда случается перемена быстрая чиновников и заменяют их новыми, порода их трудно изменима. Житейская потребность у всех, чтобы к лучшему и выгодному. Из-за нехваток прибегал к изворотливости. Большой чин — секретарь отдела министерства — а помочи рваные и галстук неважен, а у секретарши нет туфель выходных, да и чулок. И это, как будто, и не взятка, а любезность. Любезность — за любезность, и это несмотря, что невозможно. Да я и не буржуй, а агент продовольственный и кооператор. Но через все это приходят слава и полезность друг другу. А иногда и худая слава.

Вернулся из Петрограда в Симбирск с быстрыми успехами и вновь митинг. Со всей губернии кроме Сызрани примкнули Союзы Кооперативов. А тут шум: четыре полка немилосердно требуют табак, а его негде достать. Дезорганизация всякой власти. Получилось огромнейшее дело, а у мамы душа в пятки ушла. Но опять-таки, она с твердой верой, что я все смогу.

А на второй день, уже после решения и достижения согласия, 24-го октября большевицкий переворот Ленина и К°, и первый погром в Симбирске. Суд горит, острог освобожден, банки закрыты. Жуть. Это и ускорило решение.

***

Наш дом на Садовой, на окраине, а это уже первая удача. Прибегают — зять Миша и Наташа. А у Прохоровны полтысячи пельменей и гуси, утки жаренные, с мельницы чуваши привезли, не меньше пятидесяти штук.

Совет. Понятно, моя мама, бабушка Федосья, в слезах. Ох, кабы не разлука! А ваша мать ясно поняла, т.к. по приезде моем при ней обсуждалось у нас положение в среде социал-демократов. Хирург Саша Георгиевский — меньшевик, доктор Гриша Коган — социал-революционер, Колосов и еще двое социалистов, честнейших друзей. Но?! Проморгали ход уклонов в сторону Ленина, вместо ихнего Учредительного Собрания и земли крестьянам, прогрессивного налога, свободы слова и религий и прочих гуманизмов. А Ленин — сразу выгоду! Проорал на всю Россию: ВСЕ ВАШЕ! Грабь награбленное, долой буржуев, помещиков! Громи! Долой косматых лодырей — попов! Кончай воевать, иди те по домам!

Это и сегодня везде заманчиво, да нигде еще до сегодняшнего дня, беднота путного взамен ничего не сделала. В погромах рассудок отсутствует.

А когда такое бешенное время наступает необходимо чудовищное напряжение железной воли, согласие и дисциплина в семье и окружении и быстрое решение. И это неоценимая заслуга мамы. Она немедля всякую привязанность и удобства отбрасывает ради мужа и детей. И даже скрыла решение от своей мамы и старшей сестры (Марии Николаевны Толкачевой), за день до отъезда с ними, скрепя сердце нежно простившись навсегда, но без огласки. Все, все сделала так, как я хотел. И это действительно жертва любви.

И наши с ней за 44 года иногда очень сложные по разным причинам были отношения. Но ничем и никогда настоящая наша любовь, исходящая из глубины сердца, не была поколебима. Мы чутьем понимали друг друга и во-время находили выход из всяких затруднений и никогда не растеривались. Я всегда был грязнее ее и неряшливее, и одет против иных, не по покрою. Но мать, Царство ей Небесное! святого поведения из всех женщин. Никого, никогда и ни при каких случаях не поцеловала кроме меня. И всегда была необыкновенной нравственности и опрятности до последнего дня. Странно? А это — факт.

Повторяю — в критические моменты главное: уяснить и сравнить положение, быстрота решений и согласованность.

***

Бескровная революция сорвалась и нужно спасение. Не обращал я внимания, что приятели-торгаши еще крупно богатели. Соблазн был велик. Но, к дьяволу, легкие наживы! Мои настоящие друзья прогрессисты-конституционисты: Саша Бебешин, кузен священника отца Ивана Сторожева, Николай Петрович Петров, Н. Н. и Захар Багровы, А. Т. Бочков — все подтвердили. Да, Россия встанет на новый путь без поворота к старому, после окончания войны с немцами. Это еще разговор до Ленина. Промышленность и торговля на новых началах. Нам четырем — Саше, Н. П., Н. Н. Никольским и мне не страшен будет прогрессивный налог и всякая разумная свобода. Крестьяне будут собственниками земли, а я — из мужиков, свой. А Толкачевы — рабочие. И вся эта иллюзия гуманная, полетела вверх тормашками! И я, со всем торговым делом порываю, чтобы помогать психам всяким, новому демократическому временному правительству и впредь до Учредительного Собрания...

Ф. Д. и Д. Н. Морозовы (Харбин, 1920 г.)

Но появляется Ленин и К°. Поперво сти никто в его затею не верил, а смотрели как на бунтарско-бешенное явление. Но к прискорбию России и всех здравомыслящих патриотов все рухнуло. Россия превратилась в трисирию — СССР. И моя помощь в тар-тарары полетела.

Но? Видимо, за что-то Бог меня вознаградил и я дотянул до 73 лет, живу сейчас в безопасности. В награду масса радости, даже до правнуков, в придачу, дожил.

Возможно, кто из детей или внуков и увидят еще родину деда, вновь с названием Православной России! А она, матушка Русь, беспредельна, широка и обильна. А при хорошем порядке, восстановленная без эгоизма, а на доброте и божественно-христианской морали, она тогда не только русским, а всем место даст, да с ней каждому из народов выгодно будет мирно жить и дружить. В русском народе всякие крайности уживаются и злоба изживается быстро. Но особо кто к рус-

Печатается по изданию: Морозов Ф. Д. На память потомству. Мюнхен, 1987. Оригинальные орфография и пунктуация автора оставлены без изменения.

скому запросто и бесхитростно подойдет, тот выгадает и с ним не пропадет.

Это было отступление от лично-семейной истории, но как пример внукам. Чтобы в крайнем случае предвидели куда больше приемлемо двинуться.

***

Одно дело, — храбро родить, а другое, — воспитать и сохранить. Да и как детей и на что направить, в какую сторону, в какую среду? К чему их подготовить: к стряпне, шитью, мытью, к торговле, конторе? Нужно, чтобы через какой-то труд честный имели сытость. И может случиться в расплох, после роскоши и щедрости — ничего. Тогда — ой, как трудно, не дай Бог! Тогда особое и нужно проявление семейной любви и полного единства и никаких укоров никому. Одно дело, — делать ошибки, а второе, — как их быстро исправлять.

***

Знайте внуки: моя, — вашего деда, — Родина — Центральная Россия и середина Волги. И мы с бабушкой со всеми традициями, имея столетнее имя, променивaем родину на «вонючую» Манчжурию, на Харбин. В ноябре 1917 года мы уже за границей, раньше всяких других русских эмигрантов. Попривыкнув и достигнув опять доверия, заведя много знакомых и создав имя в Харбине, опять в начале августа 1923 года с легкостью бросаем все и всех — и в Сеатл. Это ради детей. От легкой торговли и сытой жизни в Харбине — в Америку, на непривычные работы. Как и в Харбине, немедля купили домик, все культурно. Но жить на правах рабочих оказалось нам с бабушкой не по душе. И так же, с легкостью, бросаем богатейшую страну и в сентябре 1925 года отправляемся в бедную Японию...

***

Все это отвлеченно и мало имеет значения для вас. Но это в силу того, что наступили мои последние годы. Мысль эту породила своей скоропостижной смертью курочка-Сиротка. В августе 51-го года вбежала, как обычно, в дом, поговорила по-своему-куриному, поклевала, а до этого покудахтала и яичко снесла. А через два часа подергалась и застыла. А она-то называлась — Сиротка! Вы, приехав, объяснили просто, что пора — она старая. А мне-то был 71 год. Значит пора? Разное давно напоминает о смерти и не однажды был накануне. Друзья, приятели, сверстники — давно у Всевышнего Творца. Бог, до сегодня был ко мне, великому грешнику, милостив и посылал великие щедроты. Надолго ли еще и почему мне отсрочка? Я далеко не глубоко верующий, а дожил до правнуков. Немало надоел своими нравоучениями. Но зато и не чувствую себя до сего дня в тяжесть, как дармоед. И избави Бог быть инвалидом! И избави Бог от затяжной болезни, чтобы не быть в тягость семье до последнего дня. Приведи Господи, продумать неисчислимы грехи и хотя бы отчасти очиститься от них. А как? Кто из моих древних друзей остался? Это только — отец Иван Кляровичь. Кто ж из нас первый? Но ему-то легче. Он по первому классу переселения души к Царю Небесному, ибо он с твердой верою на земле и в загробную жизнь, с твердой верою. А я-то малодушен и всю жизнь както придерживаюсь ко второму классу. Это разница от безбожников, ибо настоящая вера в Отца и Сына Спасителя Христа должна быть навсегда с чистым сердцем, в добрых делах и добрых помышлениях.

Обрядность — да показная. Забота о церквах, но без добрых дел. А также тщеславие и эгоизм. Все это — не то, не приближает к Богу. Как ни нарядись, какую свечу ни поставь, основа Христианства — всем и во всем прощать. А прощаем ли мы? Я из первых? Ищем ли и знаем ли, кто в бедности, кто в нужде и кто из-за нужды в темнице, и одинокий в больнице? И чтобы не на показ, а проявить во имя Христа, оказать помощь страждущему, быстрее обласкать и помочь. Это и есть вера! И только молитвы таковых Бог слышит. Сначала прости сам всем и тебе простится!

Я люблю всюду приходить не опаздывая и это не однажды спасало меня. Но? Как бы рано я не пришел в храм, если с переполненным злобой сердцем и разными отвлеченными помыслами, от этого больше греха, чем облегчения. Христос ясно сказал: «Лицемеры, что вы напоказ бьете лбы свои, а сердце-то, сердце, где ваше?»

Или на Пасху. В чем главная забота? Пофорсить нарядами, а в сердцах нет радости о Воскресении Христа. После страдания и распятия за нас, чтобы указать нам и внушить истинные пути в жизни земной и думая о небесной. Чтобы придерживаться высоких нравственных целей. А не игра: говеть-поститься. День-два и все это по моде, а не для усмирения всяких страстей.

Понятно, все это известно вам и не ново. А моя цель — лишний раз внушить вам, чтобы оставить в головах прочнее.

Книг вами прочитано разных много и философии разные знаете. Но, к печали моей, читая серьезные и разумные книги, особенно из прошлого, где на фактах поясняется какими надо быть, а какими не надо, в головах и сердцах этого не задерживаете. Шлифовка каждого зависит только от себя. Работая над собой избавляются от дурных привычек, даже изменяют характеры в лучшую сторону. Такие люди ценные.

Ну, а дальше, что из моей истории на будущее возьмете? Я не пророк, а прошлое — в памяти, и что в настоящем — одна болтовня о свободах. В прошлом без предрассудков была свобода. В передвижениях — куда угодно. И ищи, и сравнивай, что угодно и где угодно и начинай что, по способностям. Хотя настоящее у вас солидно и не нуждаетесь вы, все-таки неплохо знать о зачатии дела и через что все пришло. И вот это поясню вам.

***

Дед мой — Алексей Михайлович Мочешников — был из крепостных крестьян села Тереньги, Симбирской губернии, освобожден из крепостных раньше других. Он открыл торговое дело около 1820 года, как он

говорит: «Вскорости после Наполеона». Торговал сельскохозяйственными принадлежностями, ситами, решетами, чашками, плошками, ложками и прочим товаром. Имел единственного сына — Дмитрия, который когда научился читать-писать от дьяка, с одиннадцати лет начал помогать отцу в деле. В 18 лет его женили на красавице крестьянке Федосье Максимовне Романовой (но не в родстве с царями). И тут же начали еще торговать бакалеей и фирма называлась — Мочешников-Морозов. В силу чего добавлено Морозов смутно знаю.

В год моего рождения, в 1880 году, отец открыл уже на правах купца второй гильдии завод восковых свечей. Это дело в те времена было очень солидно, т.к. свечи доставлялись в четыре уездных города и по всем храмам в уездах и селах и для домашнего обихода. У моего отца я тоже единственный сын и тоже через два года учебы, взят был из школы с десяти лет, помогать отцу.

Дед Алексей умер ровно на сотом году жизни, не потеряв ни одного зуба. Дожил до правнуков и нянчил их. Всегда был здоров и строг к жранью. Не то, что греховодная бабушка Пелагея, которая имела огневой характер. Не унаследовала ли вспыльчивость от нее внучка Н.?

Отец — толстенький брюнет, ожиревший, беззубый, невысокий умер моложе 60-ти лет. Оплакивало его много уездов. Мама, ваша бабушка Феня, скончалась под Рождество 1918-го года, 76-ти лет, от страха — неосторожно прочла газету о Харбинском погроме...

Когда я достиг 18-ти лет, сестра Мария вышла замуж за Александра Кузнецова. Отец и мать лишились наилучшей помошницы на свечном заводе и в торговле. Она и мне подыскала невесту из известной в округе семьи скотопромышленника Николая Ивановича и Зои Петровны Марининых из села Назайкино, от Тереньги 12 верст. Свадьба-то наша была — сказка, в 1901 году. Мне 19 с половиной лет, а бабушка — на год моложе. Вскорости по женитьбе, по совету тестя Николая Ивановича и с его помощью, открыл розничное мануфактурное дело, а во время русско-японской войны имел уже оптово-розничную торговлю и отделение в селе Дворянске, в сорока верстах от Тереньги, три с половиной — четыре часа на паре лошадок.

Семейная фотография. Ольга Сергеевна, Валентин Федорович с детьми Наташей, Ирой, Дарьей и Валентином и Дмитрий Федорович Морозовы (1949 г.)

***

Научи отрока своего при начале пути его (и это мною не исполнено), и не уклоняйся от него даже при старости (а это, оказалось, запоздало). На мою нетерпеливость по предупреждению грандиозной опасности еще 25 сентября 1951 года — что вышло?

Или из Святых Книг: кто не послушает слов наставления, тот причинит вред себе — тоже не вразумил. Только от высокомерия происходит раздор. Мудрые принимают совет!

Не спешите в духе своем раздражаться, или — во время счастья, пользуйтесь счастьем. А когда невезет, спокойно выжидайте.

Не будь слишком правдив, чтобы не вводить в заблуждение других. Гордость — предшедствует гибели. Где нет согласия и нет понимания, где гордость и тщеславие превышают все добрые устои, невозможно избежать неприятностей. Все это нужно брать во внимание. Слава Богу и Благодарение Всевышнему Творцу за всякие великие щедрости и милости ко мне. Благославил Бог! Проснуться на 74-м году жизни в добром настроении. Лампада и кроткий лик Спасителя, Божия Матерь и Николай-угодник! Господи! За что милуешь? В доме тепло. Покой и тишина. Изолирован от всяких беспокойств. Нет заботы о насущном куске. Отвлекло радио. А что болтают и поют на родине? Своими руками сделал завтрак, проговорив — «Отче наш» и «Благослови Господи». На Новый Год. А хорошо рассвежев, открыл дверь ласковым гостям — Рексу, Мурику и Паулю. Каждый по-своему выражает любовь и благодарность.

Чего только в моей жизни не пришлось наблюдать и переживать? Особо, когда обнаруживалась всяческая извращенность в понятиях о морали, об обидах, оскорблениях и о доброте. Этому причина — лихолетие. Человек, якобы, выше и благороднее всех животных. А вот, практика жизненная и мои наблюдения, доказали иное. Например: собака Рекс и два кота не только уживаются, но из одного блюда кушают, а потом игру затевают. И кто кому боль причинил? Не дрались никогда и котам от собаки — полная защита.

Или — курица вывела двух гусей и отменно охраняя, воспитала. Но отменно орала, когда они начинали нырять. А человек — человеку? Да, хуже чем волк. Волк сразу разрывает. А ближний ближнего — через всякие ухищрения, бахвалясь культурою — медленно.

***

И вот, кончился 1953-й год и добрался я до 1954-го. Что же довелось переиспытать и близко наблюдать между так называемыми православными и на почве кабацких интересов? Будь, Господи, милосерден ко мне, грешному! Не умеющему воздерживаться и скрывать полученные обиды и оскорбления. Хотя и сознаю, что долготерпеливый — лучше храброго. Но во избежание углубления ссоры, как бы от прорыва воды не пошла она дальше через коварных людей, признаю за наилучший исход направлять ее в русло, где крепче берега. Да и вообще жизнь научила все вовремя предвидеть и с Божьей помощью избегать особых опасностей. Но еще житейский мой порок — не хватает силы воли смириться, хоть уже глубокий я старик. Потому что внедрилось по наследству распоряжаться собой и всяким делом самостоятельно. И вдруг, видеть в чем убытки и упущения во вред делу и имени честного дельца, и разное подобное неисчислимое. И ты не имеешь возможности улучшить и исправить, и никем не понят до конца. Всегда — недосказанность, а потом болезненный осадок и сердечная скорбь.

Да и что такое богатство? Есть ли граница удовлетворения? Сколько надо на жизнь супругов и каждого члена семьи, чтобы жизнь протекала во всем счастливо и уравновешенно? Да, и у всякого народа и класса людей, на все понимание разное и растяжимое.

В какие перетурбации человек или семья попадают и насколько человек способен спокойно осознавать свои ошибки и грехи, и как скоро находит способы, призывая Бога на помощь, исправлять их. Мои периоды жизни жестокой и крутой, ломки, прогресса и падения... С 1903-го года в канун русско-японской войны и в войну 1904-5 годов, огромный прогресс. Стал знаменит не только в окружности уезда, Сызрани и Симбирска, но в Москве, Лодзи, Варшаве, Белостоке, Гамбурге. И везде связи, и везде кредиты, самостоятельное управление. Везде почет, веселость, дружба и во всем согласованность.

Война — вместо фронта, чины в тылу и работа патриота, на виду у всех, до призыва. Появляется богатство от запасов товаров и через помощь друзей из Москвы и Ставрополя, снабжающих перед подорожанием и без моих заказов товарами. И это вот — главная моя удача, иметь таких друзей.

Была уверенность, что обеспечена семья недвижимостью и страховкой, и вдруг, сверх-неожиданность — крутом поворот и крах! Все оставлено и мы где-то в Харбине, около Нахаловки, в наскоро, из глины и соломы, построенной фанзе. У друга, Коли Георгиевского, во дворе. Холодина и невероятная сырость и нет квартир, чтобы сменить, да и денег мало. А от Инзы до Самары — жуть в поездах. От Самары до Иркутска постепенное улучшение и дальше жизнерадостный путь, при новой непредвиденной панораме. Чудовищное обжорство. Новые знакомства в Харбине — чиновники, скупщики вагонов и всех милее — коммерсант Володя Романенко, все знающий и во все посвещающий. Было его усердие, научить меня пить водку лафитниками без передышки. Хотя и не совсем я этот экзамен выдержал, но сделался у всех свой и желанный. И в то же время, его ласка к детям, особенно к Валентину. Брал на руки и внушительно вразумлял: «Учись, мой сын, наука сокращает нам опыт быстротекущей жизни». А помнит ли это мой сын? Я-то всюду и ко всему разумному прислушивался.

Эта сырая, из глины хижина, хотя и разрушила у всех здоровье ревматизмами, но жизнь в ней была радостная, веселая, со смехом, сытная и вселяла радужные надежды. Потом появился свой домик в Модягоу, и не только себе на пользу и радость, но и для бесчисленных знакомств и связей. А под рюмку и пироги, разным бездомным, ласка и приют, даже и для ночлега. Многим знатностям в прошлом и просто обездоленным.

Богатство и всякая обеспеченность только в недвижимости и в одном месте — не есть верная гарантия. А потеря половины капитала, если здоровье не потеряно и сохранилось широкое доброе знакомство — не опасно. Иной друг — лучше, чем в сундучке или в чулке мешок золота. Но необходимо имя честного дельца — это высшая ценность. К тому же — спаянная, согласованная семья и уступчивость в отношениях. Это везде и всегда — главный путь в жизненных делах!

Я уже упоминал о счастливой, веселой жизни в кладовке Есоян, где много смеялись и крепко спалось, и крысы были какие-то иные. А в силу чего? Потому, что явилась вновь лазейка выбиться и сделаться по призванию самостоятельным купцом, свободно мыслить и творить и быть ближе к детям, чтобы видеть к чему их стремления и таланты.

У каждого государства и народа — свои традиции и свои стремления. У каждого народа во всем свои идеи

и приемы их достижения. А также у великих держав были и есть руководители и предупредители судеб. В какое русло корабль направить, к какой цели.

Были в России из высшего класса Декабристы, с благими намерениями. Но еще не созрело, непонятно было. И прогрессировать начали разного рода социалисты, с еще большими требованиями улучшений для масс народных. И всякие прогрессисты преследовали гуманные цели и на пользу для большинства. Достигнув же до представительства народного, какие бы ни предписывали рецепты, ничего не оказалось на пользу Руси и населяющему ее большинству. И никакого вразумления правящим.

А я только, как отец, исходил из практической теории, что по моему разумению казалось понятно в устройстве жизни семьи и дел торговых и маленьких общественных. Указывал на ошибки и на пути их исправления. А ради чего? Чтобы призвать к воздержанию. Для этого, понятно, требовались авторитет и вера в Отца и Сына Божьего, да и в собственного отца.

В премудрейшей, дальновидной, хитрейшей Англии руководит 85-ти летний Черчилль. Руководит не только своей страной, но и влияет на другие страны и народы, хотя могущество силы потеряно и страна в зависимости от янки. Но у него — прицел на далекое и мысль, как восстановить страну свою.

После разных неимоверных трудностей и катастроф, благодаря удаче и приобретенному за годы доверию, [я] достиг крупного дела, чтобы не испытывать больше нужду и не видеть сына донельзя измученного. И при богатстве, я кряду все три года в напряженном труде и к тому же, по самомнению своему или гордости, успокаивал себя, что имею какие-то заслуги и меня поймут и послушают. Хотя бы даже по мелкому торгашеству, т.к. я-то не знал Морганов и других чудо-прогрессистов. Не знаю через какие они способы и оборудование достигли своего положения. Повторяю, что мелкая натура моя, но знающая и схватывающая. Знал на какого червячка клюет, знал как переждать всех конкурентов и отобрать у них всякую инициативу. Особенно теперь, имея такие места! А о крупном и стандартном? Это втягивает дело в большие мертвые затраты. Это не по времени. Проверил и убедился, что это особо гибельно и опасно при катастрофе. Моя натура — во всем подвижность. Иметь живую копейку на всякое сырье и на расплаты, а также и себе на скромные расходы. Казалось бы, мне стыдно, это задуманное дописывать, когда израсходовал на Веру свыше 25 тысяч и от аванса сэкономил для Корнилыча 2 тысячи. И все время, под гнетом совести, т.к. видел, как сыну трудно...

Помоги Бог, чтобы была смелость и быстрота решения у Ирочки Морозовой, на всю жизнь была удача и счастье. Но вторая внучка — Наташенька Морозова — а это у Морозовых вторая Наташа, первая — осталась на родине. Маленького роста, но высокой культурности и глубочайшей серьезности, начитанности и особенно, огромной житейской и торговой практичности, ласковости и приветливости, а потому и широчайшего знакомства.

Для внука — Валентина Морозова — мое пожелание. Всегда на глазах у отца, школа и обучение по своей отрасли. После окончания школы или университета, в чужое дело на практику следует устроиться.

Написал на будущее внукам, кроме Дарьи, т.к. ее более далекое будущее, а оно только Самому Богу известно!

Я также думаю и о моих других детях — о Зине и Нине, и об их семьях, которых жизнь унесла далеко от меня, но которые знают, что я их люблю.

***

Во всем мире чудовищные события, междуусобицы. Но безверие. К гибели — это каждому яснее ясного.

Июль 1969 года, мне 90 лет. Жестокие болезни, не в силах писать. Кто пожалеет из потомков?..

А. Солженицын — В. Морозову

Многоуважаемый Валентин Федорович!

Благодарю Вас за присылку памятной книги о Вашем отце.

И Олег Антонович тоже прислал мне экземпляр. Как хорошо, что он помог Вам издать этот мемориал.*

Я прочел с большим интересом. Как же разнообразны русские судьбы за границей после революции! Но и какая же неутомимая энергия и сметка была у Вашего отца. Какие характерные суждения! Какой своеобразный язык! — стал бы писатель подделываться, чтобы изобразить поярче — и не сумел бы!

Он пишет в одном месте: если бы сохранилось для родной России. И я Вам так скажу: сейчас мы принимаем оба экземпляра на хранение во Всероссийскую Мемуарную Библиотеку. А по возврате в будущую Россию — я бы (или мои наследники) охотно взялся бы это напечатать — без такой шикарности, а просто в журнале или в сборнике воспоминаний. Потомкам будет интересно почитать.

Остается пожелать, чтобы Ваш сын не уронил дело деда и отца.

А что происходит на родине — да, конечно, следим напряженно, — все-таки движение после стольких лет гниения. Но путь еще долог, ох, долог, только в начале. Надежда лишь на то, что раскачается общественность — и не даст поглотить движение, назад отбросить. Пока ближайшие перспективы — это еще только левый социализм.

Дай Бог здоровья Вам и Вашей семье.

Жму руку.

4.9.87.

* Имеется в виду О. А. Красовский, издатель альманаха «Вече» в Германии.— *Ред.*

ЮРИЙ БИРЮКОВ

«Березка»

Что мы знали до недавнего времени об истории создания этого вальса, об авторе «Березки» и его судьбе?

Да ровным счетом ничего, если не считать скупых и лаконичных сведений в книжке замечательного нашего песневеда Александра Вячеславовича Шилова «Неизвестные авторы известных песен», вышедшей в 1961 году. Но автор ее умер, а книга давно уже стала библиографической редкостью.

Поиск продолжил другой «песенный следопыт» — москвич, библиограф Виктор Михайлович Комаров.

В ту пору на экраны страны вышел музыкальный фильм «Девичья весна», поставленный с участием ансамбля «Березка», и был в нем запоминающийся финал — хореографическая новелла на музыку одноименного вальса. Танец этот удивительно органично слился с музыкой, ведь в песнях и стихах нашего народа с березкой очень часто сравнивают русскую девушку. О ней говорят: нежная, стройная, величавая, словно березка! Этот чудесный девичий образ во всей его прелести и красоте как раз и раскрылся в неповторимом хороводе ансамбля.

Появление «Березки» в фильме имело неожиданное продолжение, связанное как раз с биографией вальса, о котором веду я рассказ. Дело в том, что в титрах картины сказано было, что музыку к ней написал композитор Александр Флярковский, и никак не оговорено, кому же принадлежит музыка вальса «Березка», ставшего, по существу, кульминационным эпизодом в ее музыкальной партитуре. Свое недоумение по этому поводу высказала в письме к создателям фильма ленинградка Нина Ивановна Немоитова. В нем она сообщила, что музыку вальса «Березка» сочинил в начале века муж ее старшей сестры военный капельмейстер Евгений Михайлович Дрейзин.

Письмо это попало к Комарову, и, зацепившись за эту ниточку, он отыскал в архивах послужной список Дрейзина, восстановил по нему основные вехи дореволюционного периода его биографии. Откликнулись сын и дочь композитора. И вот что удалось выяснить с их помощью.

Родился Евгений Михайлович Дрейзин в 1878 году в Полтаве в семье провинциальных актеров. В 1903 году он окончил 6 классов Московской Императорской консерватории по классу скрипки, уехал на Дальний Восток и там поступил капельмейстером на крейсер «Аскольд» тихоокеанской эскадры.

Начало русско-японской войны Евгений Дрейзин встретил в 26-м Восточно-Сибирском полку, дислоцировавшемся в Порт-Артуре, и все время жестокой осады японцами этой крепости находился в рядах ее защитников.

Из исторической хроники известно, что полковой оркестр, которым руководил Дрейзин, вместе с капельмейстером «участвовал в атаке при отбитии у противника господствующей высоты в ночь с 19 на 20 июля 1904 года». Музыканты прямо на поле боя играли русские военные марши, а затем в составе санитарного отряда выносили с поля боя раненых и убитых.

А. Дрейзин.

В те тяжелые и трагические дни вольнонаемному капельмейстеру нередко приходилось вместо дирижерской палочки брать в руки боевое оружие, подменяя погибших офицеров в штабе и на наблюдательном пункте. За проявленное мужество и самоотверженность при отражении атак противника Евгений Дрейзин был награжден Георгиевским крестом (когда хоронили сестру милосердия, умершую от ран, полученных у стен Порт-Артура, Евгений Михайлович снял свой Георгиевский крест и приколол к ее платью).

После получения приказа о сдаче Порт-Артура японцам русскому гарнизону — солдатам и офицерам — предстояло отправиться в плен, в том числе и музыкантской команде. Это не относилось к вольнонаемным, и потому Дрейзину было предоставлено право отправиться на родину, в Россию. Но он отказался и предпочел разделить участь своих боевых товарищей и подчиненных.

Именно тогда, в японском плену, тоскуя по родине, и сочинил Евгений Михайлович вальс «Березка», в котором попытался выразить сыновнее чувство любви к родимой земле, к неповторимой русской природе, веру в народ свой, в его неодолимую силу.

После возвращения из плена, в 1906 году, Дрейзина вновь зачислили в родной полк, стоявший в семи верстах от Иркутска. Его боевые заслуги были отмечены серебряной медалью «В память обороны Порт-Артура», орденом святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и производством в коллежские регистраторы. В 1911 году он был назначен старшим капельмейстером дивизии.

Примерно в это время вышло и первое издание «Березки» — партитура для духового оркестра, отпечатанная в штабе военного округа в Иркутске, а в 1912 году — второе — переложение вальса для фортепиано. Опубликовал его в Симферополе нотоиздатель Яков Богорад. Издание это быстро распространилось среди любителей музыки и завоевало широкую популярность.

На суперобложке его изображены были озеро, луг, усыпанный полевыми цветами, и тонкая надломленная березка, склонившая ветви к самой воде.

Образ надломленной березки — случайна ли эта картина?

Оказывается, нет. Дело в том, что первая часть вальса «Березка» основана на мелодии юношеского романса Антона Рубинштейна «Разбитое сердце», начинавшегося словами: «Я видел березку: сломилась она, верхушкой к земле наклонилась она...»

Содержание этого романса, сочиненного Рубинштейном в 1848 году на стихи немецкого поэта Рудольфа Левенштейна в переводе Виктора Крылова, — лирическое и несколько сентиментальное: в сломанной березке, умирающей бабочке, в подстреленной лани юноша, разочарованный в любви, видит свою печальную судьбу.

В свое время романс этот был очень популярен. Его включали в репертуар многие известные певцы и певицы. На Украине романс этот стал почти народной песней. Причем перевод его на украинский язык приписывается Тарасу Шевченко. Так ли это, утверждать не берусь, но песня эта, начинающаяся словами: «Я бачив як витэр бэрэзку зломыв...», широко распространена.

Позволю себе предположить, что у себя на родине, в Полтаве, Дрейзин мог слышать именно эту украинскую песню, а не рубинштейновский романс, полюбил ее, а когда оказался в плену, на чужбине, песня эта вновь ему припомнилась и стала основой вальса «Березка».

Популярность вальса в дореволюционные годы была столь велика, что у него даже появился «двойник». Произошло это три года спустя после того, как «Березка» Дрейзина была опубликована. Сочинил новую версию «Березки» предприимчивый нотоиздатель и автор модных салонных романсов некий Андржеевский. Он использовал в первой части вальса ту же тему романса Рубинштейна «Разбитое сердце», что и Дрейзин, а вторую и третью части построил на других темах-мелодиях. И он, и издатель этого опуса Бессель пошли на подлог, повторив на обложке нот тот же самый рисунок — надломленную березку, склонившую ветви к воде. Автор этой мистификации «спрятался» за псевдоним «Б. Шиллер».

Покупатели бросились приобретать в нотных магазинах это издание. А когда познакомились с нотами и поняли, что их одурачили, стали осаждать нотоиздателя письмами с претензиями, и тот, чтобы спасти честь фирмы, вынужден был пуститься на поиски Дрейзина.

Отыскал он его в действующей армии — шла первая мировая война, и автор «Березки» вместе со своей дивизией и оркестром был на русско-германском фронте.

С Дрейзиным заключили договор, и в 1916 году выпустили ноты с его вальсом и пометкой «Действующая армия». Это было четвертое издание «Березки», предпринятое в дореволюционные годы. К сожалению, оно оказалось последним, где упоминалось его имя, потому что вплоть до середины 60-х годов вальс публиковался без указания фамилии автора или им называли Шиллера. Нет-нет да и в наши дни поступают подобным же образом, блуждая, если можно так выразиться, между двух «Березок», приписывая Шиллеру вальс, которого тот не сочинял.

После революции Евгений Михайлович Дрейзин поселился в Керчи, а затем переехал в Калугу, где в 1918 году организовал первый в городе любительский молодежный духовой оркестр из рабочих-печатников местной типографии, выступал с концертами как скрипач и дирижер, преподавал в музыкальном училище, а также руководил духовым оркестром командных курсов Калужского гарнизона.

По свидетельству участников этих оркестров (некоторые из них до недавнего времени были еще живы), они исполняли не только «Березку», но и многие другие произведения, сочиненные их руководителем. Среди них — вальс-фантазия «Тайна Мазурских озер», написанная в память о трагическом для русской армии сражении первой мировой войны, в котором Евгений Дрейзин принимал участие, вальсы «Сибирский», «На бивуаке», «Люблю тебя» и другие. Изданы они были еще в дореволюционные годы и, наверное, сохранились у кого-то из музыкантов или в их семьях. К сожалению, в государственных архивах и библиотеках найти их мне не удалось. Был бы очень признателен, если бы читатели, особенно сибиряки, в частности старожилы Иркутска, где ноты этих произведений когда-то печатались в литографии военного округа, помогут мне в поиске.

Восемьдесят лет исполнилось вальсу «Березка». Из них вот уже шесть десятилетий нет среди нас его автора (Евгений Михайлович Дрейзин умер в феврале 1932 года и похоронен в Калуге, на Пятницком кладбище). И все эти годы не увядает, не старится необъяснимо дорогая и близкая всем нам «Березка» — нежный и трогательный вальс, наполненный чарующими звуками легкой грусти.

Напоминаем слова:

Средь сосен суровых, меж темных ракит
В серебряном платье березка стоит.
Склонились деревья, цветы и кусты
Пред гордым величьем ее красоты.

И нежна, и стройна,
И всегда величава она.
Весела, и светла,
И земле родной мила.

Чу! Шелестит листва густая...
Это она, березка родная,
Милой земле в ответ
Посылает любовь и привет.
Только лишь встретишься с нею,
Сердце забьется сильнее.
Сердце! Ведь всегда с тобой
Образ березки родной.

Средь сосен суровых, меж темных ракит
В серебряном платье березка стоит.
Склонились деревья, цветы и кусты
Пред гордым величьем ее красоты.

И не зря наш народ
О березоньке песни поет.
Целый мир обойдешь,
Но такой красоты не найдешь!

«За окном черемуха колышется...»

В архиве известного популяризатора песни А. В. Шилова удалось отыскать письмо от 29 декабря 1956 года, проливающее свет на обстоятельства рождения считающейся ныне народной «Черемухи». Прислал его ленинградский поэт Борис Николаевич Тимофеев:

«...Я действительно являюсь автором текста песни «За окном черемуха колышется». В начале 1926 года я написал стихотворение, композитор Борис Фомин — музыку, дав песне новое название — «Сердце девичье».

Когда я отыскал рукописный клавир романса Бориса Фомина «Сердце девичье» (он так и не был издан), а затем его запись в исполнении певицы Лидии Казанской (она имеется в фонотеке Всесоюзного радио), то убедился, что к распространенному напеву «Черемухи» мелодия романса не имеет ни малейшего отношения.

Трудно сейчас судить, когда и кем был приспособлен к стихам Тимофеева популярный напев. Однако можно смело утверждать: первоначально широкое распространение песня в этом варианте получила на Урале. Более сорока лет назад ее включил в программу Уральского русского народного хора художественный руководитель коллектива, известный фольклорист Л. Л. Христиансен.

В 1951 году Уральский хор выступал на Третьем Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине. Песню «Черемуха» в исполнении хора и его солистки Анны Петровой услышал известный советский кинорежиссер Иван Александрович Пырьев, снимавший фильм о празднике. Она настолько ему понравилась, что он полностью включил ее в фильм «Песня молодости».

Рассказ об известной песне хочу закончить читательским письмом, которое несколько лет назад мне прислала Валентина Александровна Груздева из деревни Лисавы Александровского района Владимирской области:

«Двадцать лет работаю почтальоном, развожу почту по трем деревням. Прислушиваюсь к тому, что поют люди, какие песни им любы-дороги. И убеждаюсь, что многим, и мне самой, почему-то больше по душе песни давнего прошлого. Некоторые скажут: сегодняшние лучше. Только я все равно буду стоять на своем: прежние были напевнее и поэтичнее. В них и жизнь, и душа человеческая вернее и глубже были отражены и обнажены. Потому их так помнят и любят в народе...»

Напоминаем слова:

За окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои,
За рекой знакомый голос слышится
Да поют всю ночку соловьи.

Сердце девичье забилось радостно.
Как тепло, как хорошо в саду!..
Жди меня, мой ласковый, мой сладостный,
Я в заветный час к тебе приду...

За окном осенняя распутица.
Как безлюдно рано поутру.
Только листик запоздалый крутится,
Только птицы зябнут на ветру.

Ах, зачем тобою сердце вынуто!
Для кого теперь твой светит взгляд?
Мне не жаль, что я тобой покинута,
Жаль, что люди много говорят...

За окном черемуха колышется.
Ветер рвет с черемухи листы.
За рекой уж голоса не слышится,
Не поют там больше соловьи.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ДИПКОРПУС ПРИ «ВЫСОЧАЙШЕМ ДВОРЕ»

Слуги испанского посольства в вестибюле здания посольства

Завтрак в иранском посольстве по случаю пребывания в России иранского шаха

Группа сотрудников французского посольства во главе с послом Франции в России Морисом Палеологом у здания посольства

Человечество всегда стремилось к общению и очень давно выработало формы этого общения. На межгосударственном уровне таким способом взаимных контактов с давних пор была дипломатия. Деятельность дипломатов исстари была окутана ореолом таинственности. Ибо им — посланникам монархов и правителей — доверялись самые сокровенные государственные тайны, им от имени владык предстояло вершить дела необычайной важности, от их такта, ума, профессионального мастерства зачастую зависело спокойствие и благополучие целых народов.

Россия всегда поддерживала тесные дипломатические отношения со многими государствами мира. И представители этих стран оказывали определенное влияние на формирование не только международной политики России, но и на образ жизни различных слоев населения, приближенных к дипломатическому корпусу.

В начале века в Санкт-Петербурге были аккредитованы дипагенты разных рангов из Франции и Англии, Германии и Италии, Испании и Соединенных Штатов Северной Америки, Японии и Китая, Бельгии и Турции и многих других стран мира. Дипломатический корпус дореволюционного Петербурга состоял, как правило, из представителей аристократии. Просматривая списки посланников, то и дело натыкаешься на титулы: граф, князь, барон, кавалер и т. д. Среди представителей иностранных держав в русской столице были весьма интересные люди, высокообразованные, с широким кругозором и многообразными интересами, любители и знатоки изящных искусств и музыки, коллекционеры. Их дома были своеобразными музеями, в которых находились замечательные произведения искусства.

Очень часто, прежде чем занять пост посланника при «Высочайшем Дворе», многие из них проходили серьезную дипломатическую школу. Показателен в этом отношении служебный путь бельгийского посланника графа Конрада де Бюиссе-ра Стенбека. Свою карьеру он начал в должности секретаря бельгийского посольства в Берлине, откуда был переведен в Белград, затем в Бухарест, что дало ему возможность объездить весь Балканский полуостров. Затем Вена, опять Берлин, но теперь уже в качестве советника. Из Европы его переводят в Южную Америку, где он работает поверенным в делах в Рио-де-Жанейро. За время пребывания в Бразилии он исколесил весь континент и написал книгу о жизни коренных жителей Южной Америки. Из Рио-де-Жанейро граф был переведен на должность советника бельгийского посольства в Вашингтон, где женился на дочери знаменитого генерала Вильяма Шермана — героя войны Севера и Юга... В 1902 году Конрад де Бюиссер получает пост посланника при марокканском султане, где пробыл семь лет и написал еще одну книгу, на сей раз об обитателях Северной Африки. Затем он вновь попадает в Вашингтон, а в 1911 году граф становится шефом бельгийской миссии в Петербурге.

Встреча монгольских послов на Николаевском вокзале

Безусловно, столь длительный и разнообразный опыт работы выковывал профессионалов самой высокой пробы. Это лишний раз свидетельствует о том, сколь серьезно относились главы государств к контактам с Россией.

Не менее интересны карьеры и многих других дипломатов в русской столице. Люди незаурядные и разносторонние, они имели оригинальные хобби и пристрастия. Любопытной в этом отношении была фигура японского посла барона Мотоно. Он был страстным фотографом, что в те годы в Японии было исключительно редким явлением. Он в совершенстве овладел модным тогда искусством светописи и удивлял многих профессионалов виртуозным владением самых сложных техник — бромойля и гумми.

Многие посольства располагались в собственных домах. Это были, как правило, роскошные особняки, купленные в свое время у русских аристократов. Исключением была история с постройкой специального здания для посольства Германии. (Сегодня таким строительством никого не удивишь, хотя у всех на

Выезд кортежа испанского посольства

слуху курьезная история с постройкой американского посольства в Москве несколько лет тому назад. Нечто отдаленно напоминающее эту историю произошло и с немецким посольством в годы, предшествующие первой мировой войне.) Германия до 1866 года, как известно, не была единой державой, и в Петербурге было несколько представительств мелких немецких государств и княжеств. После объединения Германии немцы купили здание, принадлежавшее внучке великого князя Константина Павловича, на Большой Морской улице, выходящее на Исаакиевскую площадь. Растущая год от году мощь объединенной Германии требовала утверждения и во внешних формах. Решено было на месте прежнего дворца построить специальное помещение для посольства. Новое здание не просто должно было быть функциональным, но и всем своим обликом олицетворять силу Рейха. Именно таким оно и предстало петербуржцам в январе 1913 года. Выдержанное в стиле «прусского классицизма», оно в чем-то предвосхитило более поздние постройки гитлеровской Германии. Жителям города здание не понравилось. В прессе его называли «тяжеловесным и невыразительным». В чем-то, пожалуй, можно согласиться с авторами статей, но, с другой стороны, нельзя не отметить, что архитектор во многом опередил время, создав произведение и до сих пор «современное духом».

Автором проекта был знаменитый архитектор, один из основоположников немецкого модерна Петер Беренс, в творческой мастерской которого работали такие всемирно известные зодчие, как Ле Корбюзье и Мис ван дер Роэ. Есть основания полагать, что последний принимал участие и в проектировании здания посольства.

Зданию не повезло. Уже в самом начале первой мировой войны посольство было разграблено толпой «патриотически» настроенных хулиганов. Была разрушена скульптурная композиция, украшавшая фасад здания. Поводом к ее разрушению послужили нелепые слухи о якобы находившемся в одной из фигур некотором фантастическом передатчике, при помощи которого работники посольства сообщались со своими агентами. Искали этот прибор, подобно Шуре Балаганову, пилившему злополучную гирю «подпольного миллионера», разбив гигантскую скульптурную группу на мелкие куски. Но, увы, ничего не обнаружили. Слухи же об этом «коварном» устройстве еще долго будоражили столичных обывателей.

И не мудрено — интерес к дипломатическим тайнам, дипперепиcке, связях дипломатов во все времена и во всех странах был поводом как для досужего, так и для профессионального любопытства. Как известно, дипломатическая почта, да и сами дипломаты, пользуется статусом неприкосновенности и должна беспрепятственно и быстро доставляться адресату. На деле же интерес к ней всегда заставлял определенные службы «совать нос» в конверты с диппечатями. Еще в 1733 году русский резидент в Лондоне князь А. Д. Кантемир писал, что в Англии «обыкновенно всех чужестранных министров письма распечатывают и имеют искусных людей разбирать цифирей (шифры) на всяком языке». В России перлюстрация, как и многое другое, была введена Петром I, но в самостоятельную службу это превратилось в царствование Елизаветы Петровны, которая в 1743 году подписала указ «о распечатывании и рассматривании получаемых из Швеции партикулярных писем». Но это уже тема другого разговора...

Посол Сербии в России М. Спалайнович

Обед в болгарском посольстве в России

Сдано в набор 19.07.94. Подписано к печати 19.09.94. Формат 84×108[1]/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90000 экз. Заказ № 1751 Цена в розницу — договорная, по подписке 500 руб.
Адрес редакции: 103009, Москва, ул. Воздвиженка, д. 4/7. Тел.: 202-17-45.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.